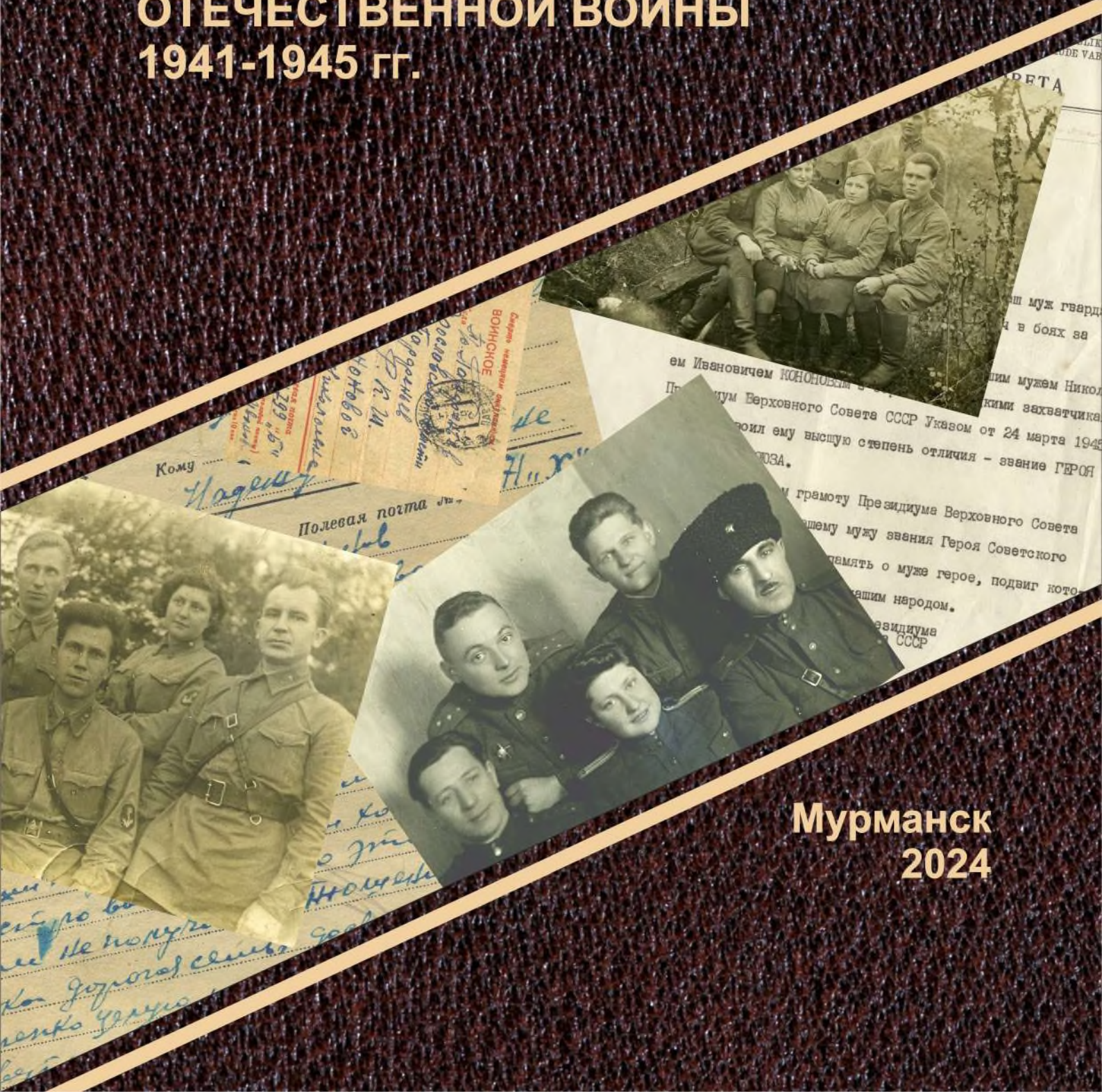

КОВАЛЁВ АЛЕКСАНДР

ПОДВИГ СУДЕЙ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 гг.

Мурманск
2024

Ковалёв Александр

Подвиг судей Мурманской области
в период Великой Отечественной войны
(1941 – 1945 гг.)

Мурманск
2024

ББК 67.71
К 56

Ковалев, Александр Викторович.
К 56 Подвиг судей Мурманской области в период Великой
Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Ковалёв Александр. –
Мурманск : [б. и.], 2023. – 105 с., [17 с. прил.] : ил.

ББК 67.71

(©) Ковалёв А.

Содержание

Введение	4
Линейный суд и военный трибунал Мурманского бассейна (1934 – 1953 гг.)	7
Мурманский областной суд	28
Северный флотский военный суд	28
Полярнинский гарнизонный военный суд.....	34
Островной гарнизонный военный суд	38
Мончегорский городской суд Мурманской области	38
Кандалакшский районный суд Мурманской области	39
Из биографии Героя Советского Союза Кононова Николая Ивановича – народного судьи 7-го участка г. Мурманска.....	42
Из воспоминаний председателя Кандалакшского городского народного суда Лукьянова Александра Осиповича	65
Из биографии и воспоминаний председателя военного трибунала Северного флота Титова Федора Дмитриевича (1958 – 1963 гг.).....	72
Из биографии председателя военного трибунала Северного флота, генерал-майора юстиции Худоерко Александра Михайловича (1972-1979 гг.)	75
Воспоминания из книги председателя военного трибунала Северного флота, генерал-майора юстиции А.М. Худоерко и О.Н. Кадановой «Победа».....	76
Приложения.....	106

Введение

Начало Великой Отечественной войны кардинальным образом изменило ситуацию в развитии как страны в целом, так и отдельных регионов. В планах войны Германии против СССР захвату Кольского полуострова уделялось большое внимание, поскольку гитлеровское командование осознавало стратегическое значение северных морских коммуникаций СССР и Кировской железной дороги. Военные действия на Мурманском направлении в соответствии с дополнениями к плану «Барбаросса» - «Голубой песец» и «Черно-бурая лиса» - должны были в кратчайшие сроки привести к захвату городов Мурманска и Кандалакши, военно-морских баз Северного флота, прекращению функционирования Кировской железной дороги. К июню 1941 года немецкое командование сосредоточило в Северной Норвегии и Финской Лапландии значительные силы (более 67 тысяч человек, корабли военно-морской группы «Норд», самолёты 5-го воздушного флота). Войскам противника противостояли значительно меньшие по численности и вооружению части и соединения 14-й армии Ленинградского военного округа (*прим. – с начала Великой Отечественной войны – это Северный фронт*) под командованием генерал-лейтенанта В.А. Фролова (14-я и 52-я дивизии на Мурманском направлении, 104-я и 122-я – на Кандалакшском, 1-я танковая дивизия), Северного флота (командующий контр-адмирал А.Г. Головкин), 1-й смешанной авиационной дивизии.

В ходе наступательных действий на Мурманском направлении 29 июня – 20 июля и 8 сентября – 18 октября 1941 года немецкие войска после упорных боев в районе реки Титовка и реки Западная Лица, сопровождавшихся десантными операциями Северного флота, были остановлены в 60 километрах к западу от Мурманска. Оборонительные бои на Кандалакшском направлении шли 1-10 июля и с 19 августа до середины октября 1941 года и также завершились стабилизацией линии фронта на «Верманском рубеже» в 90 километрах к западу от Кандалакши. В ходе этих боев защитникам Заполярья удалось отстоять основную часть Кольского полуострова, обеспечив свободу действий Северного флота в Баренцевом море, плавание кораблей по Северному морскому пути, возможность морского пути для северных конвоев и функционирование Кировской железной дороги.

С осени 1941 года линия фронта стабилизировалась и, несмотря на отдельные попытки противника путём локальных операций изменить ее, сохраняла свою конфигурацию вплоть до осени 1944 года. Военное время потребовало огромных мобилизационных усилий не только со стороны регулярной армии флота, авиации и партизанского движения, но и со стороны тыла, для чего стала необходимой по крайней мере частичная перестройка системы управления в сторону ее централизации. Отдаленность региона, плохая связь, занятость центральных властных структур решением общих вопросов заметно усилили самостоятельность в управлении Мурманской области, что привело к возрастанию роли обкома ВКП(б). Одновременно в области появились и особые органы чрезвычайного руководства: Мурманского (председатель – 1-й секретарь ОК ВКП(б) М.И. Старостин) и Кандалакшского (председатель – 1-й секретарь ГК ВКП(б) Г.В. Елисеев), Государственного комитета обороны (с сентября 1942 г.). Практически на протяжении всего периода Великой Отечественной войны в Мурманской области функционировала система совместного партийного и военного руководства, когда представители военного командования участвовали в управлении областью, а партийные лидеры привлекались к решению военных вопросов (например, М.И. Старостин являлся членом военсоветов 14-й армии и Северного флота). Мурманский обком ВКП(б) и Военсовет 14-й армии создали военизированную организацию «Оборонстрой», обеспечившую мобилизацию 33 тысяч жителей Мурманской, Архангельской, Вологодской областей и Карелии на строительство оборонительных сооружений на подступах к Мурманску и Кандалакше. В августе 1941 года была образована дивизия народного ополчения (Полярная дивизия). Поскольку Мурманская область стала прифронтовым районом, значительная часть населения (115 тысяч человек) и крупных

предприятий была эвакуирована. На 1 августа 1943 года в области оставались лишь 624 предприятия (колхозы, совхозы, организации и учреждения), на которых работали 43,2 тысячи человек.

С началом Великой Отечественной войны на первый план выдвигались задачи, обеспечивающие максимальную мобилизацию всей страны на борьбу с врагом. В сложных военных условиях менялась и деятельность судов Мурманской области. Изменения коснулись как структуры судебных органов, их полномочий, так и судеб сотрудников судебной системы Мурманска. Ужесточились меры воздействия к проявлениям халатности, расточительства, к нарушителям государственной и трудовой дисциплины. В прифронтовых районах наряду с уже действовавшими военными трибуналами появился целый ряд судов, реорганизованных и преобразованных в военные трибуналы. Система военных трибуналов, согласно Закону «О судеустройстве» от 1938 года, состояла из: 1) военных трибуналов армий, корпусов, иных воинских соединений и военизированных учреждений, рассматривающих дела только в качестве судов первой инстанции; 2) военных трибуналов округов, фронтов и флотов, которые действовали как суды первой, кассационной и надзорной инстанции. К компетенции военных трибуналов относились дела о воинских преступлениях, а также об иных преступлениях, отнесенных законом к их ведению. С 1940 года военные трибуналы стали рассматривать все уголовные дела о преступлениях военнослужащих.

Во время Великой Отечественной войны компетенция военных трибуналов существенно расширилась. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» устанавливалось, что «в изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов». Тогда же было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Основная работа военных трибуналов была направлена на борьбу с изменниками Родины, шпионами и диверсантами, а также с дезертирами, паникерами и трусами, распространителями ложных слухов, возбуждающих тревогу среди мирного населения. Дела по законам военного времени слушались в упрощенном порядке, по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть изменены или отменены лишь в порядке судебного надзора. Приговоры приводились в исполнение немедленно. Однако о каждом приговоре к высшей мере наказания (расстрелу) военный трибунал, вынесший его, был обязан немедленно сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. В случае отсутствия в течение 72 часов ответа о приостановлении приговора он приводился в исполнение. В июле – сентябре 1941 года Президиум Верховного Совета СССР упростил эту процедуру и предоставил право командирам и комиссарам корпусов и дивизий в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий утверждать приговоры военных трибуналов «к высшей мере наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение». По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 года лица, виновные в совершении этого преступления, подлежали суду военного трибунала. Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года отнес к подсудности военных трибуналов дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. В связи с введением военного положения на транспорте дела обо всех преступлениях, совершенных на транспорте, стали также рассматриваться специальными военными трибуналами. В ноябре 1941 года совместным приказом Народного Комиссариата юстиции и Прокурора СССР было установлено, что во всех случаях, когда постановлениями Правительства СССР предусмотрена ответственность за то или иное

преступление «по законам военного времени», необходимо передавать дела об указанных преступлениях на рассмотрение военных трибуналов с применением порядка рассмотрения дел, установленного «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 года.

В стране возрастает общее число военных трибуналов Красной Армии и Военно-морского флота. Действовали трибуналы в военных соединениях: отдельных бригадах, дивизиях, корпусах, армиях, флотилиях, военно-морских базах и гарнизонах. Это были суды первой инстанции. Высшим звеном были военные трибуналы фронтов, флотов, округов, отдельных армий. Были созданы военные трибуналы НКВД, которые боролись с уклонениями от трудовых мобилизаций, самовольными уходами рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, злостными нарушениями правил и распоряжений МПВО, а также другими преступлениями. Все военные трибуналы Красной Армии, ВМФ и НКВД замыкались на Военную коллегия Верховного Суда СССР. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года в местностях, объявленных на военном положении, линейные суды железных дорог и водных бассейнов с первых же дней войны были реорганизованы в транспортные военные трибуналы. В 1943 году в связи с введением военного положения на транспорте вся транспортная юстиция СССР была преобразована в военную, а в составе Верховного Суда СССР дополнительно сформированы Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии, на которые стали замыкаться военные трибуналы железнодорожного, морского и речного транспорта.

Систему военных трибуналов, осуществлявших правосудие в период Великой Отечественной войны составляли: 1) военные трибуналы Красной Армии и Военно-морского флота; 2) военные трибуналы НКВД; 3) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 4) военные трибуналы, созданные на базе местных народных судов в силу чрезвычайной обстановки военного времени; 5) военно-полевые суды, образованные при дивизиях действующей армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года.

Были созданы военно-полевые суды, которые действовали в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ», заместителя командира дивизии по политчасти и прокурора дивизии. Все приговоры военно-полевых судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение. Вся система военных трибуналов по-прежнему возглавлялась Верховным Судом СССР. Военная коллегия Верховного Суда СССР действовала в качестве: а) суда первой инстанции по наиболее важным делам особой подсудности; б) кассационной инстанции для военных трибуналов округов, флотов и отдельных армий в местностях, не объявленных на военном положении; в) надзорной инстанции по делам всех военных трибуналов, кроме трибуналов железнодорожных и водных путей сообщения, в отношении которых аналогичные функции выполняли Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии Верховного Суда СССР.

Линейный суд и военный трибунал Мурманского бассейна (1934 – 1953 годы)

16 августа 1938 года был издан Закон СССР «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик». На основании данного закона в СССР действовали специальные суды: а) военные трибуналы; б) линейные суды железнодорожного транспорта; в) линейные суды водного транспорта.

Председатель, заместители председателя, члены специальных судов СССР избирались Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Для участия в судебных заседаниях военных трибуналов, линейных судов железнодорожного и водного транспорта привлекались народные заседатели, которые избирались краевыми и областными Советами депутатов трудящихся и Верховными Советами союзных и автономных республик.

Военные трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта рассматривали дела в составе председательствующего – председателя или члена суда - и двух народных заседателей, кроме случаев, когда по закону дела рассматривались в составе трех членов соответствующего суда.

Военные трибуналы были организованы: а) при военных округах, фронтах и морских флотах; б) при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях.

Военные трибуналы рассматривали дела о воинских преступлениях, а также об иных преступлениях, отнесенных законом к их ведению.

Военные трибуналы при округах, фронтах и морских флотах рассматривали уголовные дела, отнесенные законом к их ведению, а также рассматривали жалобы и протесты на приговоры по делам, рассмотренным военными трибуналами армии, корпусов, иных воинских соединений и военизированных учреждений.

Линейные суды железнодорожного и водного транспорта рассматривали отнесенные законом к их ведению дела о преступлениях, направленных на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, и о других преступлениях, которые нарушали нормальную работу транспорта.

Линейные суды железнодорожного и водного транспорта были организованы на железных дорогах и водных путях сообщения.

Председатели военных трибуналов, линейных судов железнодорожного и водного транспорта председательствовали в судебных заседаниях или назначали для председательствования в судебных заседаниях членов военных трибуналов и линейных судов, назначали дела к слушанию, давали распоряжения о вызове в суд обвиняемых, свидетелей и экспертов [1].

Линейный суд Мурманского бассейна был образован постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 июня 1934 года для осуществления судебных функций в отношении рабочих и служащих предприятий и организаций Мурманского водного бассейна. В связи с началом Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года линейный суд был преобразован в военный трибунал Мурманского бассейна, который подчинялся в своей деятельности Главному управлению военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта Народного комиссариата юстиции СССР, с 15 марта 1946 года – Министерства юстиции СССР. Распоряжением Главного управления военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта № 095Т от 8 ноября 1942 года на военный трибунал Мурманского бассейна было временно возложено обслуживание Беломорско-Онежского пароходства. Распоряжением Главного управления

от 31 июля 1944 года Беломорско-Онежское пароходство было передано в обслуживание военного трибунала Балтийского бассейна [2].

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1948 года «Об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте» и приказом № 07 Министерства юстиции СССР от 4 мая 1948 года военный трибунал Мурманского бассейна был преобразован в линейный суд Мурманского бассейна [3]. Суд подчинялся в своей деятельности Главному управлению линейных судов железнодорожного, речного и морского транспорта Министерства юстиции СССР [4].

Во время Великой Отечественной войны в 1942 году председателем военного трибунала Мурманского бассейна был военный юрист 2 ранга Елфимов [5], затем - майор юстиции Калганов. Вместе с ними в военном трибунале работали: заместитель председателя, капитан юстиции Макунин, майор юстиции Алексей Иванович Рогозин, Вальшонок [6], старший секретарь, старший лейтенант административной службы Филиппов [7], секретарь судебных заседаний, младший лейтенант административной службы Симакова Серафима Дмитриевна, с марта 1943 года - секретарь судебных заседаний Давыдова Зоя Ивановна [8].

Представление о работе военного трибунала дает отчет за первую половину 1942 года. Вот что в нем говорится: «За отчетное время рассмотрено по существу 57 дел, прекращено 1, направлено на доследование 2 дела. Остаток на 16 июня 1942 года – 4 дела. По Указу от 26 декабря 1941 года поступило и рассмотрено 4 дела, осуждено по этим делам 4 человека, причём в отношении одного из осужденных состав преступления переквалифицирован с Указа от 26 декабря 1941 года на Указ от 26 июня 1940 года. По Указу от 26 июня 1940 года один человек приговорен к тюремному заключению на четыре месяца (за третий прогул).

В срок свыше 10 дней рассмотрено 3 дела, эта задержка получилась только потому, что наши требования в части этапирования заключенных из г. Кировска в г. Мурманск, своевременно конвоем не выполнялись. По этой причине с одного числа дела переносились на другие числа.

Коллегия военного трибунала могла бы выезжать в г. Кировск и там рассматривать дела, но этого за последнее время не делаем потому, чтобы не отрывать рабочих и служащих от работы. Без проверки же показаний свидетелей, рассматривать дела не представляется возможным, особенно в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 58 и 59-3 «В» ч. 1 Уголовного кодекса. Примечание 2 ст. 28 УК за отчетный период применялось в отношении 9 человек, осужденных по ст. 59-3 «В» ч. 1, 109 и 162 УК. Из 9 человек направлено в действующую РККА 6 человек и 3 человека на предприятия водного транспорта.

Массово-политическая работа военного трибунала.

С 1 по 15 июня 1942 года проведено 7 бесед и сделан 1 доклад на предприятиях бассейна, а именно:

На собрании работников Военфлотторга Северного флота 10 июня 1942 г. сделан доклад о судебной практике по борьбе с растратами и хищениями в системе Военфлотторга. После проведенного совещания, работники Военфлотторга улучшили охрану магазинов, складов и буфетов, наладили учёт и отчётность материальных ценностей, приняли более решительные меры по взысканию сумм с растратчиков и расхитителей.

На судоремонтном заводе МГМП 10 и 12 июня 1942 года проведено 2 беседы с рабочими на тему об охране продуктовых карточек. На этом заводе имели место случаи злоупотреблений с карточками, кражи и потери продкарточек. Рабочие, потерявшие продкарточки, оставались без хлеба, не выходили на работу, делали прогулы. Администрация заводов этих лиц привлекала к ответственности по Указу от 26 июня 1940 года. После проведенных бесед, дело с охраной продкарточек улучшилось, за последние 5

дней ни одного случая потери прокарточек не было, не было ни одного и прогула со стороны рабочих.

На судовой верфи проведено три беседы 9, 11 и 13 июня на тему об укреплении трудовой дисциплины на производстве. В этих беседах рабочим разъяснены законы военного времени, Указы от 26 июня 1940 года и от 26 декабря 1941 года. Проведено 2 беседы с администрацией предприятий портов и начальниками отдела кадров на тему: «О мерах борьбы с нарушителями трудовой дисциплины на водном транспорте и на предприятиях бассейна». В этих беседах особое внимание было уделено тому, чтобы руководители предприятий правильно и полно оформляли материалы, передаваемые в военный трибунал на прогульщиков, чтобы эти материалы оформлялись так, как этого требует постановление СНК СССР от 21 августа 1940 года. [9].

Так, по Указу от 26 декабря 1941 года был привлечен к уголовной ответственности рабочий судовой верфи Тимофеев Леонид Ильич за самовольный уход с производства. Военный трибунал состав преступления в отношении Тимофеева Л. И. переквалифицировал и осудил его по 1-й части ст. 5 Указа от 26 июня 1940 года на 4 месяца тюремного заключения [10].

Динамика дел об авариях показывала, что наибольшее число по этой категории преступлений имело место в январе – 14 дел, в феврале – 7 дел, в апреле – 12 дел. А всего – 51 дело. Причины объяснялись двумя следующими обстоятельствами: во-первых, климатическими условиями полярной ночи, во-вторых, неравномерной загрузкой транспорта в связи с периодическим приходом в порт иностранных пароходов [11].

Так например дело № 42/219 по обвинению Бывшева Алексея Кирилловича по ст. 16-79 ч. 2 УК. Бывшев А. К. работал слесарем-мотористом на одном из складов Северного флота и 23 сентября 1942 года после окончания работы по откачке бензина из танкера «Юагир» в автобензовоз в отсутствие шофера самовольно сел за руль и повел машину к выходу с пирса склада. Не имея навыков вождения, на повороте Бывшев А. К. свалил автобензовоз с бензином 2,4 тонны в Кольский залив. Бензовоз затонул. Бывшев А. К. осужден на 5 лет лишения свободы и направлен в действующую армию [12].

Динамика дел о хищениях социалистической собственности показывала, что наибольшее число дел проходило в январе – 8 дел, в феврале – 9 дел, в марте – 7 дел, в апреле – 7 дел, в мае – 2 дела, в июне – 2 дела. Всего – 36 дел. Причины наибольшего поступления дел по этой категории преступлений, в январе – апреле месяцах, объясняется тем, что в этот период времени в Мурманский торговый порт поступало наибольшее количество грузов, а поэтому было большое скопление на работах грузчиков, которые, как оказалось, соприкасаясь с продуктами питания, совершали хищения [13].

Так, по уголовному делу № 44/59 по обвинению Малинова и других осужденных по закону от 7 августа 1932 года 2 человека – Малинов и Истратов - были приговорены к высшей мере наказания. Данное дело являлось наиболее крупным и по способу совершения хищений опасным. Решением Верховного Суда СССР высшая мера наказания Малинову Мефодию Федоровичу и Истратову Степану Сергеевичу была заменена 10-ю годами лишения свободы [14].

За первое полугодие 1942 года в военный трибунал Мурманского бассейна поступило 36 дел о контрреволюционных преступлениях. Все дела о контрреволюционных преступлениях поступали от УНКВД по Мурманской области и от Особого отдела НКВД Северного флота с утверждением обвинительных заключений прокурором Мурманского бассейна.

Так, дело № 42/1110 по обвинению Бочарова было рассмотрено в апреле 1942 года. Бочаров, работая сторожем в порту, среди окружающих его рабочих в конце 1941 года и в начале 1942 года систематически проводил контрреволюционную агитацию, клеветал на сообщения Совинформбюро, сеял клеветнические измышления на жизненные условия трудящихся в СССР, на боевую мощь Красной Армии, на проводимые мероприятия правительством в области обороны страны. Кроме того, Бочаров высказывал

пораженческие настроения. (Так указано в докладе военного трибунала Мурманского бассейна по рассмотренным делам о контрреволюционных преступлениях за первое полугодие 1942 года). Военным трибуналом Бочаров приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией лично принадлежащего имущества.

По военному трибуналу Мурманского бассейна за период с августа 1941 года по 15 июня 1942 года рассмотрено 43 дела, по которым осужден 51 человек с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР. Из этого количества 35 человек направлены в действующую армию и действующий ВМФ, а 16 человек в Мурманский порт. Большая половина из осужденных привлечена по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК – 27 человек, причём 10 человек из этого количества составляют капитаны пароходов, 4 – помощники капитанов, механиков 5 человек и шоферов 4 человека.

По ст. 109 УК осуждено 9 человек, в большинстве - работники разных предприятий Мурманского бассейна, за исключением 2-х капитанов пароходов. 15 человек осуждено по другим ст. УК РСФСР. При обсуждении вопроса о применении примечания 2 к ст. 28 УК по указанным делам и направлении того или иного работника на фронт или оставления его на водном транспорте, отсрочив исполнение приговоров до окончания войны, трибунал руководствовался конкретными обстоятельствами дела, тяжестью совершенного преступления и личностью осужденных. В последнее время трибунал по согласованию с политотделом Мурманского порта составил конкретный план проведения массово-политической работы, который предусматривает групповые и индивидуальные беседы по конкретным делам, в том числе проводилось и разъяснение ст. 28 УК. К недостатку работы в этой части следует отнести отсутствие у трибунала сведений, как ведут себя осужденные, в отношении которых применено примечание 2 к ст. 28 УК. Не исключено, что некоторые из них своей работой доказали, что заслуживают снижения или полного освобождения от отбывания меры наказания в дальнейшем. В ближайшее время трибунал запросил характеристики от соединений и организаций, где находились осужденные.

За период с 16 по 31 июля 1942 года поступило и рассмотрено 41 дело, в том числе:

1. Два дела по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК.

По этим делам осуждены капитаны мотоботов, их состав преступления установлен в том, что они грубо нарушили трудовую дисциплину на водном транспорте, вследствие чего допустили столкновение мотоботов в Кольском заливе. Из-за аварии произошло повреждение мотобота, убытки исчисляются в размере 823 рубля, не считая простоя одного мотобота в течение 3 суток.

Капитан Головацкий приговорен к 6 годам, а капитан Голубев – к 4 годам лишения свободы. Головацкий направлен в действующий флот, а Голубев - на водный транспорт.

2. Дело по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК. По этому делу осужден диспетчер Волков. Его состав преступления установлен в том, что он, будучи на дежурстве, самовольно уходил с поста на длительное время 25 и 26/VII-1942 года, оставив порт без оперативного руководства. Волков по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК приговорен к 7 годам лишения свободы. На основании примечания 2 к ст. 28 УК он направлен в действующий флот.

3. По закону от 7 августа 1932 года осуждены капитан мотобота Полулях и моторист Тостобров. Их состав преступления установлен в том, что они во время перевозки из воинского груза похитили яичного и молочного порошка 22 килограмма. Толстобров приговорен к высшей мере наказания, а Полулях – к 10 годам лишения свободы. Дело направлено в военный трибунал Карельского фронта.

4. По ст. 74 ч. 2 УК осужден Суворов – капитан п/х «Субботник». Суворов, будучи в состоянии опьянения, в столовой порта и на улице допустил хулиганские выходки, нанес несколько ударов гражданину Каневскому и другим. Суворов приговорен к 5 годам лишения свободы с направлением его в действующий флот.

5. По ст. 59-6 УК осужден Тимин – дежурный наблюдательной вышки МПВО порта. Его состав преступления установлен в том, что он во время воздушных тревог иногда уходил со своего поста. Тимин приговорен к 1 году ИТР.

6. За отчётное время рассмотрено 36 дел по Указу от 26/VI-1940 года, из них 2 дела направлены прокурору для расследования и привлечения виновных по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК.

Общественно-массовая работа

В связи с рассмотренным уголовным делом по закону от 7 августа 1932 года за хищение воинского груза проведена беседа с командами мотоботов «Байдуков» и «Ленинец» на тему: «Важность своевременной и сохранной доставки воинских грузов и уголовная ответственность за их хищение».

В связи с наличием целого ряда дел по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года на Мурманских судоремонтном заводе и судовой верфи проведен целый ряд бесед по разъяснению Указа от 26 июня 1940 года.

В различных цехах судоремонтного завода проведены 4 беседы на тему: «Трудовая дисциплина и ответственность за невыход на работу без уважительных причин» с общим охватом 217 рабочих. В цехах Мурманской судовой верфи проведены также 4 беседы с охватом 270 человек рабочих.

Всего общественно-массовой работой за отчётный период было охвачено 495 человек. Во время проведения бесед широко использовались материалы по уголовным делам, рассмотренным военным трибуналом в отношении рабочих судоремонтного завода и судовой верфи.

По делам об авариях и нарушении трудовой дисциплины на водном транспорте за время с 1 января по 30 июня 1942 года в военный трибунал поступило 50 уголовных дел, плюс одно дело было в остатке на 1/1 – 1942 года. За отчётный период военный трибунал рассмотрел с вынесением приговора 46 дел, прекратил в подготовительном заседании 1 дело, направил на доследование с подготовительного заседания 4 дела. А всего закончено 51 дело.

Динамика дел об авариях показывает, что наибольшее число по этой категории преступлений имело место в январе – 14 дел, в феврале – 7 дел, в апреле – 12 дел (1942 год). Причины хотя и незначительного расхождения в динамике по этой категории дел объясняются двумя следующими обстоятельствами: во-первых, климатическими условиями полярной ночи, затрудняющей плавание судов в Кольском заливе, а в апреле 1942 года – ветрами и снежными зарядами создаётся также трудность для судоходства, во-вторых, неравномерной загрузкой транспорта в связи с периодическим приходом в порт иностранных пароходов.

В военном трибунале за 1-е полугодие 1942 года прошло 620 дел (включая дела по Указу от 26/VI-1940 года).

Рассматривая уголовное дело № 42/22 по обвинению помощника капитана буксирного парохода «Боец» Каулайнена Нестора Карловича, было установлено, что Каулайнен небрежно относился к порученному делу, а именно: 10/1-42 года Каулайнен управлял мотоботом «Боец», увидел справа по носу на расстоянии 300 метров зелёный огонь встречного парохода «Субботник», пошёл на сближение, не меняя своего курса. Когда мотобот «Боец» сблизился с пароходом «Субботник» примерно на 100 метров, Каулайнен резко изменил курс мотобота вправо и пошёл на пересечение курса парохода «Субботник», свои действия не обозначив установленными знаками.

В результате неправильного и незаконченного манёвра, неожиданно сделанного осуждённым Каулайненом, мотобот «Боец» получил пробоину, от которой затонул. Военный трибунал осудил Каулайнена к 5 годам лишения свободы без поражения в правах и применения примечания 2 к ст. 28 УК.

По уголовному делу № 42/27 обвинялся капитан б/парохода № 23 Форощук Сергей Семенович, который уходя на берег, когда судно стояло в ремонте, по грубой халатности

у себя в каюте уронил искру от папиросы, в результате на пароходе возник пожар, причинивший ориентировочно убыток в сумме 25 732 рубля.

За совершенное преступление Форощук подлежал, безусловно, серьезному наказанию, но военный трибунал, учтя положительный отзыв командования Северного флота о Форощук и в прошлом его хорошую работу на транспорте, приговорил его к 3 годам лишения свободы, но в силу ст. 53 УК счёл возможным приговор считать условным с испытательным сроком на 2 года. Таким образом, связь с командованием флота помогла военному трибуналу вынести такой приговор, что Форощук по-прежнему оставался работать капитаном, что очень важно в наших условиях прифронтового города, где судоводительские кадры крайне нужны.

Форощук вину свою искупил хорошей работой и был награждён орденом «Красного Знамени». Указанный пример говорит о том, что по отдельным делам нет необходимости применять строгую меру наказания, если видно, что будет больше пользы при ином разрешении вопроса по делу.

По делу № 42/105 обвинялся шофер Чернов Сергей Иванович. При рассмотрении дела выяснилось, что Чернов, управляя автомашиной 12/III-1942 года, при переезде не охраняемого железнодорожного переезда, нарушил правила движения, не остановил машину, не убедился в безопасности пути, продолжая следовать вперед. На железнодорожном переезде внезапно заглох мотор автомашины, но, как было установлено, неполадки можно было легко устранить. Принимая во внимание всю совокупность обстоятельств по делу, военный трибунал осудил Чернова к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы.

18 и 19 августа 1942 года военным трибуналом Мурманского бассейна было рассмотрено дело Кудрик И. К. и Федорова И. Д. по закону от 7 августа 1932 года. На судебном следствии было установлено, что Кудрик и Федоров, работая 1-й - в должности заведующего овощехранилищем военфлотторга, а 2-й - в должности старшего инспектора Мурманской таможни, по взаимной договоренности похитили 50 банок консервов, 8 килограмм мяса и 4,7 кг яблок из аварийного груза, снятого с поврежденного иностранного парохода и переданного военфлотторгу. Кудрик и Федоров осуждены по закону от 7 августа 1932 года на 10 лет лишения свободы каждый.

30 августа 1942 года военный трибунал рассмотрел дело по обвинению Мороза и Степанова в совершении преступления, предусмотренного ст. 109 УК.

На судебном следствии было установлено, что Мороз и Степанов, являясь ответственными за разгрузку иностранного парохода «Эль-Эстеро», допустили злоупотребление своим служебным положением, передоверили это важнейшее дело рядовым сотрудникам. Мороз не вёл точного учёта выгруженной муки, а Степанов как представитель таможни отпустил пароход в обратный рейс, не осмотрев всех помещений парохода. В результате преступных действий Мороза и Степанова 135 тонн муки остались на пароходе и были отправлены обратно в США.

Военный трибунал осудил Мороза и Степанова на 8 лет лишения свободы каждого. Кроме того, военным трибуналом на судебном заседании был выявлен ряд недочетов в работе торгового порта, Мурманской таможни и контрольно-пропускного пункта. По этому делу написано частное определение.

В период с 1 апреля по 30 июня 1942 года в военный трибунал поступило 278 уголовных дел, кроме 7 дел, перешедших на 2-й квартал, находившихся в остатке на 1/IV-1942 года. Всего за отчётный период военный трибунал рассмотрел: с вынесением приговора 260 дел, прекратил в подготовительном заседании 15 дел, направил на доследование с подготовительного заседания 7 дел, направил на доследование с судебного заседания 1 дело, передал по подсудности 1 дело. Остаток на 1/VII-1942 года – 1 дело. Всего: 285 дел.

Анализируя судебную практику по делам о хищении социалистической собственности на водном транспорте за отчётный период, следует отметить:

1. Мурманский порт в условиях военного времени приобрел особо важное значение: через него в январе-апреле под прикрытием полярной ночи и туманов приходило значительное количество транспортов, количество работ и рабочих увеличивалось, а охрана поступающих грузов в первое время надлежаще налажена не была, в силу чего в это время больше всего возникало дел о хищении грузов. Однако при том размахе работы, какой был в порту, возникновение в месяц 8-10 дел нельзя признать угрожающим.

2. Военный трибунал, имея связь с руководством порта, при рассмотрении конкретных дел выяснил, что отдельные рабочие с условиями работ в порту знакомы не были и, соприкасаясь с ценностями, проявляли неустойчивость, совершали незначительные кражи. Всё это было в практической работе учтено, и соответственно была проведена массовая работа, а именно: 3 дела по закону от 7 августа 1932 года рассмотрены с выездом на место и по ст. 162 п. «Д и Г» УК рассмотрено также с выездом на место 4 дела. Кроме этого, были сделаны доклады по всем делам по закону от 7 августа 1932 года и по ст. 162 п. «Д и Г» УК на тех объектах, где возникали кражи.

Всего докладов и бесед было проведено 11. При рассмотрении дел была обеспечена быстрота их прохождения в суде (рассмотрено большинство дел в сроки до 3-х дней), а также следствием были быстро закончены дела в органах прокуратуры.

Наряду с быстротой рассмотрения дел, военный трибунал применял выдержанную карательную политику и ставил вопрос перед руководством порта об усилении охраны социалистической собственности. Всё это дало положительные результаты, и хищения впоследствии уменьшились.

3. Делами о кражах в порту особо интересовался уполномоченный ГКО товарищ Папанин, он лично по отдельным делам давал следственным органам указания о проведении быстрейшего расследования совершенных преступлений. Это, безусловно, сказалось и в работе военного трибунала. По отдельным делам размер похищенного выражался от 600 граммов и до 2-х кг сахарного песка, а по небольшому количеству дел (3-4 дела) были совершены хищения носильных вещей. Все похищенное впоследствии изымалось у виновных и передавалось по принадлежности.

4. Все дела о хищении социалистической собственности были истребованы и проверены в порядке надзора военным трибуналом Карельского фронта. За исключением указанных изменений в квалификации по отдельным делам, замечаний не последовало. Это нас в известной степени ориентирует на то, что военный трибунал в основном карательную политику применял правильно.

5. Военный трибунал о делах по растратам в военфлотторге сигнализировал письменно начальнику тыла Северного флота, а о кражах в Мурманском торговом порту сигнализировали политотделу госпароходства, а также начальнику тыла Северного флота.

Подводя итоги по рассмотренным делам о контрреволюционных преступлениях, можно сказать следующее:

1. В большинстве случаев антисоветская агитация проводилась среди работников на производстве, в конторах и в канцеляриях во время перерывов и в свободное время от работы.

2. Характер антисоветской агитации сводился к высказываниям пораженческих настроений в войне СССР с фашистской Германией, клевете на сообщения Совинформбюро и условия жизни трудящихся в СССР, к восхвалениям фашизма и их руководителей и клевете на мероприятия, проводимые Советским правительством [15].

В качестве образца можно представить приговор по делу № 41/11.

«Именем Союза Советских Социалистических Республик.

Военный трибунал Мурманского бассейна в составе: председательствующего Елфимова, членов трибунала Калганова и Просолупова, при секретаре Ильиной в закрытом судебном заседании в г. Мурманске 19 июля 1941 года, рассмотрев дело по обвинению гр. Шестакова Василия Ивановича, 1910 года рождения, Вологодской области, К-Городецкого р-на, дер. Курденька, с незаконченным средним образованием, со слов не

судимого, б/п, из крестьян-средняков, с 7/ХП- 1939 года работал в Мурманском военном порту в качестве капитана на буксирном пароходе № 15, проживал в г. Мурманске на ул. Максима Горького, д. 10. Обвиняется по ст. 16-59-6 УК.

Следствием установлено, что 29/VI- 1941 г. Шестаков на буксирном пароходе № 15 шёл из города Полярное в г. Мурманск. На пароходе в это время, кроме команды, находилось до 60-80 человек красноармейцев. В районе между островом «Сальный» и маяком «Ретинский» в воздухе появилось несколько вражеских истребителей и два советских гидросамолёта. Наши самолёты вступили в бой с вражескими истребителями. В воздушном бою один из наших самолётов был повреждён-подбит, охваченный пламенем огня, он был вынужден сделать посадку на залив. Буксирный пароход № 15 в это время от горевшего гидросамолёта находился на расстоянии 200-300 метров, капитан Шестаков и многие из команды парохода видели, что самолёт, получивший повреждение, сделал посадку на залив и идёт ко дну (тонет), что его экипаж на воде и нуждается в оказании ему немедленной помощи. Шестаков, видя гибель экипажа, сознательно уклонился от спасения его, взял курс на город Мурманск по заливу. Летчики (пять человек), после гибели гидросамолёта держались на воде несколько минут, их заметили с проходившего буксирного парохода № 16, капитан этого парохода Шаболин принял срочные меры по спасению экипажа и оказанию ему первой медицинской помощи. Не будь на заливе парохода № 16, весь экипаж мог бы погибнуть, т.к. самый ближний берег от места посадки гидросамолёта находился на расстоянии примерно полутора миль. На судебном следствии Шестаков виновным себя не признал и показал, что он считал поврежденный самолет не советским, а вражеским, поэтому и не принял требуемых мер по спасению экипажа.

Однако эти показания Шестакова опровергаются показаниями свидетелей Шаболина, Дубинина и других. Военный трибунал находит, что Шестаков сознательно не принял нужных мер по спасению летчиков, которые находились в тяжелом положении на заливе после гибели гидросамолёта, что состав преступления его (Шестакова) следствием квалифицирован по ст. 16-59-6 УК правильно. Руководствуясь ст.ст. 319, 320 УПК, военный трибунал приговорил:

Шестакова Василия Ивановича на основании ст. 16-59-6 УК лишить свободы на пять (5) лет с последующим поражением в избирательных правах на три года, с отбытием наказания в ИТЛ НКВД, с началом срока с 16 июля 1941 года. Конфискации имущества не применять. Мера пресечения Шестакову оставить содержание под стражей в Мурманской тюрьме. Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит. Председательствующий Елфимов. Члены трибунала Просолупов и Калганов. Секретарь Шурухин» [16].

В отчёте о работе военного трибунала Мурманского бассейна за февраль 1943 года указано интересное дело по обвинению экспедитора Торгпорта Зуева по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК и контролёра таможни Аникиной по ст. 111 УК.

Обстоятельства дела: в январе 1943 года экспедитором 1-го района Торгового порта было обнаружено хищение международной почты, находившейся на складе порта. В связи с этим прокуратурой было возбуждено дело на экспедитора Торгпорта Зуева по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК и контролёра таможни по ст. 111 УК.

В судебном следствии было установлено, что почта выгружалась при контролёре Аникиной и о выгрузке знал Зуев. По распоряжению контролёра, почта была сложена и находилась под охраной войск НКВД. Таможенное управление, имея коносамент, не поставило своевременно в известность почтамт, чтобы последний получил почту. При указанных обстоятельствах военный трибунал не усмотрел в действиях Аникиной и Зуева состава преступления и оправдал их.

Одновременно военный трибунал вынес частное определение о наложении взыскания на начальника 1-го района Торгпорта за плохую постановку охраны грузов как

общих и в особенности специальных грузов и наложения взыскания на зам. начальника таможни за несвоевременное сообщение почтамту о прибытии почты [17].

Военный трибунал Мурманского бассейна проводил работу по проверке народных судов. Так, в феврале 1943 года была проверена работа народных судов 1 и 2 участка Кандалакши о рассмотренных делах на работников водного транспорта по Указу от 26 июня 1940 года [18].

На 17 июня 1944 года на 2 участке Кировского района г. Мурманска работали нарсудья Коротяев и судебный исполнитель Королёва [19].

В работе военного трибунала Мурманского бассейна иногда возникала необходимость проверки наличия различных документов.

Согласно акту от 12 мая 1943 года, инспектором 4-го отделения отдела ВОСО штаба СФ – старшим техником - лейтенантом Кангурой Н.О. в присутствии члена трибунала – старшего лейтенанта юстиции Вальшонка - произведена проверка учёта, хранения и выдачи воинских перевозочных документов в военном трибунале Мурманского водного района (так в документе).

В результате проверки установлено: 1) книга учёта воинских перевозочных документов не ведётся, чем грубо нарушаются требования «Положения о воинских перевозках»; 2) хранение воинских перевозочных документов соответствует требованиям «Положения о воинских перевозках»; 3) оправдательных документов на право выдачи воинских перевозочных документов нет; 4) приказа о назначении лица среднего командного состава, ответственного за учёт, хранение и выдачу воинских перевозочных документов, нет; 5) прокладные листы воинских перевозочных документов заполняются химическими чернилами. В воинских перевозочных документах звания, фамилии и инициалы лиц, едущих по воинским перевозочным документам, не проставляются, а росписей о получении воинских перевозочных документов нет; 6) утрат или хищений воинских перевозочных документов нет [20].

На 3 января 1944 года в военном трибунале Мурманского бассейна работали следующие сотрудники: 1) Макунин И.Н. – капитан юстиции, заместитель председателя военного трибунала; 2) Рогозин А.И. – майор юстиции, член военного трибунала; 3) Вальшонок Я. З. – старший лейтенант юстиции, член военного трибунала; 4) Филиппов Г. М. – старший лейтенант административной службы, старший секретарь военного трибунала; 5) Семакова С. Д. – младший лейтенант административной службы, судебный секретарь военного трибунала; 6) Давыдова З. И. – краснофлотец, судебный секретарь военного трибунала, 7) Мишагина Е. Я. – заведующая делопроизводством; 8) Кирина Е. К. – машинистка [21].

В процессе работы возникали вопросы по применению действующего на тот момент законодательства. Так, 26 февраля 1944 года председатель военного трибунала Калганов направил запрос начальнику Главного управления военных трибуналов транспорта Пуговкину. В данном запросе он указал: «В судебной практике вверенного мне военного трибунала возник вопрос о том, как правильно квалифицировать хищение имущества, принадлежащего английской или американской миссиям, если упомянутый груз указанными миссиями был принят, но хранился в их складах (арендованных), расположенных на территории порта. Причем следует отметить, что дела встречались разнообразные. Так, в одном случае по размеру незначительное хищение имущества упомянутых миссий, которые сами непосредственно отвечали за его охрану, но имущество находилось на территории порта. В таких случаях мы виновника предавали суду по статье 162 п. «Г» УК РСФСР. Если кража при тех же условиях, но размер похищенного более значительный, также предавать суду виновных по п. «Г» ст. 162 УК РСФСР, как за кражу имущества, не принадлежащего нашим государственно-кооперативным органам, а являющегося частной собственностью, или в данном случае следует виновного предать суду по п. «Д» ст. 162 УК РСФСР, учитывая размер похищенного. Этот вопрос у нас возник еще и потому, что указанные миссии через НКВД

предъявляли претензию о том, что их имущество подвергается расхищению, из чего они делают нежелательные для нашего Советского государства предположения и взгляды. В связи с этим, возможно, вызывается необходимость о даче особых указаний об усилении репрессий с этим видом преступления, проводя квалификацию с применением аналогии или без таковой, применять в упомянутом случае п. «Д» ст. 162 УК РСФСР. В другом случае проходили дела о хищении имущества английской и американской миссий, находящегося на территории порта, но последний к этому имуществу касательства не имел. По делам было установлено, что расхититель не знал, крадет ли он имущество английской миссии или расхищает народнохозяйственные грузы, поступившие морскому транспорту для перевозок. Как наиболее правильно квалифицировать состав преступления в данном случае?» [22].

Во время Великой Отечественной войны Мурманск был прифронтовым городом и постоянно подвергался бомбардировкам, особенно летом 1942 года, когда город практически весь сгорел. Так, председатель военного трибунала Мурманского бассейна, военный юрист 2 ранга Елфимов направил письмо начальнику Управления военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта, бригаю юристу Шнейдеру, в котором сообщил, что данные об авариях и нарушениях трудовой дисциплины на водном транспорте за 1-е полугодие 1941 года представить не может, так как все учетные материалы, как, например, наряды, книги, копии приговоров и большинство карточек бывшего Линейного суда водного транспорта, были уничтожены пожаром 18 июня 1942 года. [23]. Чтобы хоть как-то сохранить документы при такой ситуации, все дела направлялись в архив военного трибунала Томской железной дороги [24].

В военном трибунале Мурманского бассейна по законом того времени была организована работа с секретной документацией. В 1942 году за эту работу отвечал старший секретарь военного трибунала, старший лейтенант административной службы Филиппов. В военном трибунале имелось два журнала входящих и исходящих бумаг. Секретные документы хранились в железном ящике, который закрывался на внутренний замок. Ящик находился в помещении военного трибунала, который располагался в каменном здании на 3-м этаже. На ночь ящик опечатывался сургучной печатью. Сотрудники были допущены к секретной переписке соответствующими органами [25].

Наиболее полную картину работы военного трибунала Мурманского бассейна можно найти в докладной записке старшего инспектора Управления военных трибуналов водного транспорта, подполковника юстиции Верещагина от 7 июля 1944 года «О проверке работы военного трибунала Мурманского бассейна за период с 1-го января по 1-е июля 1944 года». В данной докладной записке указано, что «военный трибунал обслуживает Мурманское морское пароходство, Мурманский порт, Беломорско-Онежское пароходство, флот рыбной промышленности и судоремонтный завод Мурманского пароходства. Бассейн довольно компактный. Постоянной сессии не организовано и не требуется, так как с выездом связано лишь рассмотрение незначительного количества дел в Беломорске.

По штатному расписанию оперативный состав военного трибунала – 5 человек. К моменту ревизии - 3 человека: председатель военного трибунала, его заместитель и один член военного трибунала.

За обследуемый период поступило 238 дел, из них: а) прекращено 3 дела; б) направлено на доследование 20 дел; рассмотрено по существу 212 дел; г) в остатке нерассмотренных - 3 дела.

Средняя нагрузка работы военного трибунала составляла 36 дел в месяц или 9 дел в месяц на каждого оперативного работника военного трибунала.

За шесть месяцев из 212 дел рассмотрено под председательством: а) председателя Калганова – 42 дела; б) заместителя председателя Rogozina – 85 дел; в) члена военного трибунала Вальшонка по 25 июня – 65 дел; г) члена военного трибунала Черенкова со 2 апреля – 12 дел; д) бывшего заместителя председателя Макунина по 13 января 1944 года – 8 дел.

Из приведенных данных видно, что нагрузка работы военного трибунала незначительная. Оперативный состав военного трибунала, а также и секретариат военного трибунала - достаточно квалифицированный. Качество работы будет показано ниже, а характеристики на оперативный состав - отдельно.

За обследуемый период военный трибунал рассмотрел по существу 212 дел, по которым осудил 255 человек, из них: а) за контрреволюционные преступления - 11 человек; б) самовольные отлучки - 11 человек; в) за дезертирство - 21 человека; г) за все остальные воинские преступления - 7 человек; д) за аварии и нарушения правил технической эксплуатации - 13 человек; е) за хищение народных грузов - 122 человека; ж) за хищение и разбазаривание продовольственных и промышленных товаров - 11 человек; з) за прочие хищения - 13 человек; и) за нарушение Указа от 26 июня 1940 года - 29 человек; к) за остальные виды преступлений - 13 человек; л) за спекуляцию - нет; м) за взяточничество - нет; н) за простой судов - нет. Итого: 255 человек.

Таким образом, наиболее распространенным видом преступления на бассейне является хищение, и в особенности - хищение народно-хозяйственных грузов, составляющее к общему числу осужденных 59 %, причем абсолютное большинство из преступлений падает на Мурманский порт, где производится разгрузка импортных грузов.

За 6 месяцев 1944 года военный трибунал осудил 255 человек, из них: а) к лишению свободы в местах заключения - 124 человека; б) к исправительно-трудовым работам по месту службы - 29 человек; в) к условному наказанию - нет; г) к лишению свободы с направлением на фронт - 77 человек; д) к лишению свободы с оставлением на транспорте - 35 человек; е) оправдано - 9 человек.

Причем, из 29 человек, осужденных к исправительно-трудовым работам, 24 человека - за прогулы по Указу от 26 июня 1940 года, которым мера наказания и не могла быть применена в виде лишения свободы.

Из приведенных данных видно, что военный трибунал осудил к лишению свободы в местах заключения и с направлением на фронт - 201 человека, или 75 %.

Проверкой дел установлено, что военный трибунал правильно проводил судебную политику и применял меры наказания к осужденным в соответствии с содеянным и требованиями законов военного времени, а также абсолютное большинство дел (204, или 96 %) рассмотрел в установленные законом сроки.

По данным водного отдела милиции, за 6 месяцев 1944 года по бассейну зарегистрировано 939 случаев хищений, из них в январе - 439, в феврале - 154, в марте - 114, в апреле - 107, в мае - 75 и в июне - 50 случаев.

Большое количество случаев хищений в январе объясняется увеличением разгрузки товаропродуктов в этом месяце в связи с приходом каравана судов.

За указанный период военный трибунал осудил за хищение народно-хозяйственных грузов 122 человека, из них: а) к лишению свободы в местах заключения - 75 человек; б) к лишению свободы с направлением на фронт - 47 человек. Причем 7 человек из общего числа осужденных по закону от 7 августа 1932 года.

Учитывая, что хищение народнохозяйственных грузов является наиболее распространенным видом преступления на бассейне, военный трибунал совершенно правильно применял наиболее суровые меры наказания к осужденным.

Из 85 дел, рассмотренных по существу, 80 дел, или 94 % разрешены в установленные сроки - 3 дня.

Наиболее актуальные дела военный трибунал рассматривал непосредственно на производстве среди моряков и проводил массово-правовую работу по охране грузов - 37 бесед, докладов с охватом 4332 человека и другие мероприятия, о чем будет указано ниже.

Наряду с этим, военный трибунал по отдельным делам допускал ошибки. Военный трибунал (председательствующий - старший лейтенант юстиции Вальшонок) 31 января 1944 года осудил грузчика Мунина за хищение 4-х банок консервов и 150 грамм сала шпик по ст. 162 п. «Д» УК к 5 годам лишения свободы, невзирая на то, что Мунин

является участником Отечественной войны, имеет два ранения, ранее не судился и на его иждивении находится 5 несовершеннолетних детей. Военный трибунал, председательствующий майор юстиции Рогозин, 12 апреля 1944 года осудил Шилову за сокрытие похищенных часов по ст. 17-162 п. «Д» УК к 4 годам лишения свободы, без учета содеянного и личности осужденной, которая имела ранение от бомбардировки города Ленинграда, мужа на фронте и на своем иждивении 3-х человек детей. ВВТК по протесту председателя Верховного суда оба приговора изменила, определив меру наказания условно.

За обследуемый период за хищение и разбазаривание продовольственных и промышленных товаров и прочие хищения военный трибунал осудил 24 человека, из них: а) к лишению свободы в местах заключения – 16 человек; б) с направлением на фронт – 6 человек; в) с оставлением на транспорте – 2 человека.

Просмотром дел установлено, что абсолютное большинство дел разрешены правильно и меры наказания определены в соответствии с содеянным. Все дела рассмотрены в установленные сроки, 10 дел - до 3-х дней и 1 дело - до 5 дней.

По данным пароходства, за 6 месяцев этого года было 29 аварий с причинением убытка на сумму 772 000 рублей, из них в 1 квартале - 18 аварий, во 2-м квартале – 11 аварий.

За тот же период военный трибунал осудил за аварии и нарушения правил технической эксплуатации 13 человек, из них: а) к лишению свободы с направлением на фронт – 5 человек; б) к лишению свободы с оставлением на производстве – 8 человек.

Дела рассмотрены в установленные законом сроки и меры наказания определены в соответствии с содеянным.

Вместе с тем, военный трибунал по отдельным делам допускал ошибки. Военный трибунал (председательствующий – Вальшонок) 14 марта 1944 года осудил капитана мотобота Мухина по ст. 59-3 п. «В» ч. 1 УК к 7 годам лишения свободы с оставлением на транспорте только потому, что Мухин признал себя виновным в происшедшей аварии, а в чем его нарушение заключается конкретно, на судебном заседании не установлено, процесс проведен наспех. Приговор военного трибунала по делу № 94 Архипова по ст. 59-3 п. «В» ч. 1 УК изложен технически неграмотно и с большим количеством синтаксических и орфографических ошибок, председательствующий - Рогозин. Так же неграмотно изложен приговор от 16 февраля 1944 г. по делу Егорина и Молчанова по ст. 59-3 п. «В» ч. 1 УК. Объясняется это тем, что майор юстиции Рогозин слабо знает русский язык и правила технической эксплуатации морского флота.

За обследуемый период по делам о воинских преступлениях военный трибунал осудил: а) за дезертирство – 21 человек, б) за самовольную отлучку – 11 человек; в) за другие воинские преступления – 9 человек. Итого: 41 человек. Были применены следующие меры наказания: а) к лишению свободы в местах заключения – 9 человек; б) к исправительно-трудовым работам – 1 человек; в) к лишению свободы с направлением на фронт – 9 человек; г) с оставлением на транспорте – 22 человека.

Из общего числа 46 дел рассмотрено в установленные сроки: 42 дела (91 %) и 4 дела (9 %) - от 4-х до 10 дней.

Таким образом, абсолютное большинство дел разрешено правильно и своевременно.

Наряду с этим, по некоторым делам военный трибунал допустил неосновательное предание суду и неправильную квалификацию преступления. Грузчик Гомзяков 18,19,20 декабря 1943 года не выходил на работу вследствие того, что он не мог выполнять тяжелые работы, связанные с хождением, что подтверждается врачебно-контрольной комиссией, и об этом Гомзяков заявлял на предварительном следствии. Однако определением подготовительного заседания он был предан суду по ст. 193-7 п. «Г» УК, содокладчик по делу - Рогозин, председательствующий - Калганов. Приговором военного трибунала от 6 января 1944 года Гомзяков был оправдан.

За ревизуемый период военный трибунал осудил за контрреволюционные преступления 11 человек. Все 11 человек осуждены к лишению свободы от 5 до 10 лет с поражением в правах, из них 5 человек - с конфискацией имущества. Дела рассмотрены в установленные сроки и разрешены правильно.

По данным пароходства, за 6 месяцев 1944 года простои судов составляли 1176 судочасов, на сумму 152 601 рубль. Причины простоев вызваны фронтовыми условиями, поэтому дел о простоях судов в военный трибунал не поступало. Случаев спекуляции и взяточничества не установлено, и дел в военный трибунал также не поступало.

Военный трибунал (председательствующий – Калганов) 18 января 1944 года осудил Гудкова по ст. 162 п. «Д» к 3 годам лишения свободы и исполнение приговора отсрочил до разрешения вопроса в военкомате о годности Гудкова к строевой службе. Гудков признан годным и направлен в штрафные роты, но определение об отсрочке приговора не было вынесено.

Военный трибунал планировал свою работу в соответствии с требованиями ГУВТТ. За обследуемый период военный трибунал занимался обобщением судебной практики: 1. По делам о хищениях за 1943 год; 2. По делам о хищениях народнохозяйственных грузов. 3. По делам о хищениях и разбазаривании продовольственных и промтоварных грузов. 4. По делам об авариях. 5. По делам о воинских преступлениях.

За тот же период военный трибунал провел 8 оперативных совещаний с обсуждением вопросов: а) Итоги судебной практики военного трибунала; б) О работе канцелярии; в) О работе подготовительных заседаний; г) Приказы и указания ГУВТТ и другие вопросы. Кроме того, проведено 8 занятий по изучению приказов и указаний НКО СССР и ГУВТТ.

При рассмотрении дел военным трибуналом вынесено 8 частных определений о недостаточной охране грузов, о недостатках следствия и других вопросах, по 5 частным определениям имеются ответы о принятии соответствующих мер по линии хозорганов.

Военный трибунал периодически информировал руководство Мурманского порта, пароходство и парторганы о выявленных недостатках на производстве путем представления докладов, обзора по судебной практике.

Военный трибунал правильно составлял отчетные доклады, статотчеты своевременно представлял их в ГУВТТ.

Председатель военного трибунала подполковник юстиции Калганов установил хорошую воинскую дисциплину в аппарате военного трибунала. За обследуемый период не было ни одного случая нарушений дисциплины. Наоборот, за четкое, своевременное выполнение служебных обязанностей заместителю председателя военного трибунала Рогозину, судебным секретарям Симаковой, Давыдовой и другим приказами военного трибунала объявлена благодарность.

Наряду с этим, имеют место отдельные недостатки: 1. В нарушение указаний ГУВТТ от 10 февраля 1944 года за № 010, недостаточно проводится разъяснительная работа с заседателями, за 6 месяцев - 2 занятия. 2. По заявлению секретаря Мурманского обкома ВКП(б) т. Прокофьева, председатель военного трибунала Калганов имеет недостаточную живую связь с обкомом, чего не отрицает и сам Калганов.

Из 203 дел, рассмотренных на подготовительных заседаниях: а) в день поступления – 144 дела – 71 %; б) в суточный срок – 55 дел – 27 %; в) в двухдневный срок – 3 дела – 1,5 %; г) свыше двух дней – 1 дело – 0,5 %.

Дела изучаются в большинстве своем тщательно и рассматриваются на подготовительных заседаниях правильно. Так, за обследуемый период прекращено на подготовительных заседаниях 3 дела и направлено на доследование 16 дел. Отмененных определений военным трибуналом нет. Вместе с тем имеют место недостатки: 1. Как указано выше, грузчик Гомзяков был предан суду по ст. 193-7 п «Г» УК без достаточных на то оснований. 2. По делам о хищениях народнохозяйственных грузов военный

трибунал не отмечает в определениях, что это дело подпадает под постановление ГКО от 23 июля 1942 года. В определениях не указывается место и время рассмотрения дел.

Председательствуют на судебных заседаниях, как правило, те же лица, которые изучали дело и были содокладчиками на подготовительных заседаниях. Вызов лиц на судебные заседания и вручение обвинительных заключений делается своевременно, в установленные законом сроки. Судебные процессы проводятся культурно и с соблюдением процессуальных норм. Приговоры и определения в абсолютном большинстве излагаются правильно и грамотно. Наиболее грамотно составляет приговоры член военного трибунала Черенков. Недостаточно грамотно составлены некоторые приговоры по аварийным делам Архиповой, Егориной, Морозовой заместителем председателя Рогозиным.

Приказы и указания военный трибунал выполняет, но допускает отдельные ошибки. Приговоры обращаются к исполнению своевременно: в) в день вынесения – 181; б) на второй день – 29; в) свыше двух дней – 2. Итого – 212 дел.

С исполнением приговоров по взысканию причиненного ущерба дело обстоит неблагоприятно. За 6 месяцев 1944 года присуждена к взысканию сумма 1 435 870 рублей. Взыскано за это время 673 рубля, и представлены акты о несостоятельности на 48 871 рубль. Таким образом, 1 386 326 рублей остаются невзысканными.

Несвоевременное взыскание объясняется тем, что по 20 приговорам исполнительные листы направлены в НКО разных областей, по месту прежнего жительства осужденных, от которых никаких ответов нет. Однако военный трибунал повторных запросов не делал.

В порядке надзора ВВТК рассмотрела 13 дел, из них: а) изменено приговоров – 11; б) оставлено в силе – 1; в) отменено с прекращением дела – 1. Изменение приговоров заключается главным образом в применении ст. 53 УК и примечания 2 к ст. 28 УК.

Старший секретарь военного трибунала, старший лейтенант административной службы Филиппов хорошо организовал работу секретариата. Секретное делопроизводство велось в соответствии с приказом НКО № 0150, а простое делопроизводство - в соответствии с инструкцией ГУВТТ.

Протоколы и другие судебные документы оформлялись правильно судебными секретарями Симаковой и Давыдовой. Все дела и наряды были приведены в надлежащий порядок и хранились в шкафах и ящиках, которые на ночь пломбировались. Регистрационные карточки регистрировались правильно и своевременно.

Вместе с тем имеются недостатки: 1. На поступающих делах от прокуратуры не делается отметка о времени поступления. 2. Не налажен контроль за исполнением приговоров по взысканию причиненного ущерба.

За обследуемый период военный трибунал провел значительную массово-правовую работу. На предприятиях морского транспорта проведено 46 бесед и докладов, из них по охране народнохозяйственных грузов - 37, с охватом 4332 человека, и по укреплению воинской дисциплины - 9, с охватом 632 человека.

Наиболее актуальные дела военный трибунал рассмотрел непосредственно на производстве, из них 16 - с участием сторон – обвинения и защиты.

Член военного трибунала Черенков учился в 2-х годичной заочной юридической школе и учебный план выполнял.

Как недостаток необходимо отметить, что секретари военного трибунала в заочной учебе не участвовали, не были организованы занятия по изучению правил технической эксплуатации морского флота и правил предупреждения столкновения судов в море. Изучены и сданы правила технической эксплуатации только председателем военного трибунала Калгановым и членом военного трибунала Черенковым.

Таким образом, работу военного трибунала можно признать вполне удовлетворительной. 1. Военный трибунал абсолютное большинство дел (204 – 96 %) рассмотрел в установленные законом сроки и разрешил правильно. 2. Учитывая, что наиболее распространенным видом преступления являлось хищение

народнохозяйственных грузов (49 %), военный трибунал правильно применял суровые меры наказания (61 % - к лишению свободы в местах заключения и 39 % - к лишению свободы с направлением на фронт). 3. Военный трибунал обобщал судебную практику по делам о хищениях, преступлениях по службе, авариях и провел 8 оперативных совещаний с обсуждением судебной практики и приказов НКЮ СССР и ГУВТТ. 4. Своевременно, как правило, в день поступления дела вносились на подготовительные заседания, и приговоры обращались к исполнению в день их вынесения и в суточный срок. 5. Военный трибунал провел большую массово-правовую работу по разъяснению законов (46 докладов, бесед с охватом 4964 человека). 6. Приказы и указания НКЮ СССР и ГУВТТ военный трибунал в абсолютном большинстве выполнял своевременно и в соответствии с требованиями. 7. Председатель военного трибунала, подполковник юстиции Калганов установил деловую связь с руководством порта, пароходства и парторганов и своевременно информировал о недостатках. 8. Старший лейтенант административной службы Филиппов хорошо поставил работу секретариата и заслуживал поощрения [26].

Определенный интерес представляет следующее дело.

Попов 16/IX-1944 года в 11 часов 00 минут находился с водоналивной баржей у борта линкора «Архангельск». По окончании слива воды Попов получил распоряжение отбуксировать баржу к пирсу № 2 (Ваенга) для пополнения водой. У северной стороны этого пирса правым бортом, вторым корпусом, стоял без паров эсминец «Разумный» с выносом носовой части за восточный срез пирса на 20 метров. Попов, пришвартовав баржу № 07400 к правому борту буксира М-75, кормой вперёд, взял курс к пирсу. Имея большую скорость переднего хода и опасаясь посадки её на мель, при подходе к пирсу, Попов застопорил машину, а затем дал малый ход назад. Под действием отливного течения и малого хода назад, баржа начала делать разворот влево, причём этот разворот усиливался действием винта правого шага на заднем ходу буксира, в результате баржа своей средней частью навалилась на форштевень эсминца «Разумный», который получил повреждение форштевня и обшивки корпуса правого и левого бортов. Ущерб - 10 000 рублей [27].

На 18 апреля 1945 года в составе военного трибунала Мурманского бассейна работали следующие сотрудники: Рогозин, Черенков, Калганов. Одно дело рассматривал член военного трибунала войск НКВД Купершток. Работали три секретаря судебного заседания и один старший секретарь [28].

Сотрудники военного трибунала Мурманского бассейна во время службы проходили необходимое повышение квалификации.

Согласно отчёту о работе военного трибунала Мурманского бассейна за 1-й квартал 1945 года по повышению квалификации работников военного трибунала в порядке выполнения приказа НКЮ СССР за № 89 от 13/IX-1942 года, один оперативный работник (Черенков), не имеющий подготовки, учился в Ленинградской заочной юридической школе.

В отчётном квартале он был на учебной сессии, где сдал экзамены по следующим предметам: 1) Колхозное право с оценкой «4»; 2) Основы бухгалтерского учёта с оценкой «4»; 3) Уголовное право (особенная часть) – «4»; 4) Русский язык – «4».

Кроме того, им же прослушаны установочные лекции: 1) Уголовное право; 2) Уголовный процесс; 3) Гражданское право; 4) Гражданский процесс; 5) Административное право; 6) Криминалистика; 7) Судебная медицина.

По повышению деловой квалификации и изучению директив НКЮ СССР и ГУВТТ проведено 8 занятий. Из них на темы: 1) О воинской дисциплине и порядке подчиненности (проработан устав ВМФ, приказ начальника ГУВТТ № 002 и пользование учебником Советское военно-уголовное право); 2) О вещественных доказательствах (изучение инструкции); 3) О подготовке дел на подготовительное заседание (Приказ ГУВТТ № 3 от 8/I-1944 года); 4) О полноте ведения судебного заседания; 5) Изучение директив НКЮ СССР и ГУВТТ о порядке взыскания сумм за хищения и растраты;

6) Изучение директив ГУВТТ об организации и правильном проведении массово-правовой работы; 7) Изучение директив и нового плана по составлению квартального доклада; 8) Изучение директив по организации и ведению делопроизводства.

На общие политические темы проведено 2 занятия (изучение приказа Сталина № 5 от 22/II-45 года и доклад о международном женском дне 8 марта).

Занятия проводили: Калганов – 3, Рогозин – 1, Черенков – 2, Филиппов – 3, Симакова – 1 [29].

Определенный интерес представляет следующее уголовное дело.

30 апреля 1945 года Кандалакшский морской порт отправил по железной дороге в город Владивосток пожарную автомашину. В качестве старшего сопровождающего был назначен шофер этой же машины Голицын Г.С. В пути следования Голицын охрану машины не организовал, не нёс дежурства, сам пьянствовал. В результате на машине от искр паровоза произошёл пожар, машина сгорела полностью. Порт понёс ущерб порядка 67 517 рублей.

Военный трибунал признал Голицына виновным по ст. 59-3 «В» ч. 1 УК и приговорил к 3 годам лишения свободы без поражения в правах [30].

В книге 1-го секретаря обкома ВКП(б) Мурманской области М.И. Старостина «Дневник войны» указаны небольшие сведения о работе военных трибуналов во время войны на территории Мурманской области. Так, «7-8 декабря 1941 года на Военном совете армии провели совещание прокуроров, председателей трибунала, начальника особого отдела армии совместно с председателем Ревтрибунала фронта Дмитриевым и представителем Главной военной прокуратуры по вопросам их работы и взаимоотношений», «18 февраля 1942 года два следователя трибунала в 10-й гвардейской дивизии, будучи недовольными председателем трибунала, взяли у него поллитра водки, напились до опьянения и приказали красноармейцу освещать лампой висевшую в землянке ватную тужурку председателя трибунала. По тужурке своего начальника следователи сделали 40 выстрелов из револьверов. Командир дивизии полковник М.К. Пашковский доложил об этом случае командующему фронтом генерал-лейтенанту В.А. Фролову. Тот приказал отобрать у следователей оружие, а самих посадить под арест», «Трибунал водного бассейна (председатель - Калганов) осудил за хулиганство одного поляка с парохода «Тобрук» к штрафу в размере 300 рублей», «20 августа 1943 года на заседании Военного совета 14-й армии работником военного трибунала Тутаевым было доложено, что за 1 полугодие 1943 года в армии было осуждено 168 человек, в том числе за контрреволюцию – 49 человек, за попытку изменить Родине – 28 человек, за измену Родине – 5 человек», «29 сентября 1943 года председатель военного трибунала пограничных войск Ленинградского военного округа Марчук был на приеме у М. И. Старостина и докладывал свои замечания по работе трибунала погранвойск Мурманской области» [31].

В книге «Военная прокуратура Северного флота. 85 лет на страже закона» также есть упоминание о работе военных трибуналов: «Наибольшую сложность в расследовании вызывали преступления, связанные с нарушением правил кораблевождения и эксплуатации вооружений, требовавшие глубоких технических познаний.

В октябре 1942 года военным трибуналом было рассмотрено уголовное дело в отношении капитан-лейтенанта Н., который грубо нарушил правила кораблевождения и, проявив лихачество, выскочил на эсминце на берег. Корабль на длительное время вышел из строя. По приговору военного трибунала Н. был направлен рядовым в штрафную роту на полуостров Рыбачий. Впоследствии он был восстановлен в воинском звании, храбро сражался, был награжден орденами и медалями [32].

В январе 1948 года председателем военного трибунала Мурманского бассейна являлся капитан юстиции Н. Ф. Смирнов, членом военного трибунала - капитан юстиции Доля К. Н., старший секретарь - капитан юстиции Филиппов Г. М., сотрудники военного трибунала: судебный секретарь Ермоленко С.Д., судебный секретарь Рашева А.И.,

бухгалтеры Ткаченко М. А., Бабанин Е. Г., курьер-уборщица Богданова В. Ф., машинистка Кирилычева Вера Александровна [33].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 августа 1949 года линейный суд Мурманского бассейна был избран в следующем составе: председатель суда - Шевелев Ефим Иванович, члены линейного суда - Мазалов Алексей Дмитриевич и Белотелов Николай Александрович [34].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1952 года Мазалов Алексей Дмитриевич был избран членом Средне-Азиатского окружного суда железнодорожного транспорта.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1952 года членом линейного суда Мурманского бассейна был избран Кошелев Борис Михайлович [35].

В ходе своей работы линейный суд делал обобщения своей судебной практики. Так, в представлении секретарю Мурманского городского комитета ВКП(б) Коленову от 4 марта 1952 года председатель линейного суда Шевелев Е. И. сообщал, что «из результатов обобщения судебной практики линейного суда Мурманского бассейна по делам о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 года явствует, что состояние трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях Мурманского морского бассейна находится далеко не на должном уровне. И особенно неблагоприятно в этой части обстоит дело в Мурманском торговом порту, где в течение 4 квартала 1951 года был совершен 121 случай прогулов, опозданий на работу, преждевременного ухода с работы, самовольного оставления места работы и других нарушений по службе. Тогда как в 4 квартале 1950 года подобных нарушений в порту было лишь 58 случаев. Следует отметить, что 23 случая, или 19 % от общего количества нарушений трудовой и производственной дисциплины были совершены командно-начальствующим составом и ИТР порта. Что касается состояния судимости в области нарушения трудовой дисциплины, то в этой части в порту имеется значительное снижение. Так, в 4 квартале 1951 год за этот вид преступления было осуждено 7 человек, тогда как за 4 квартал 1950 год было осуждено 25 человек.

В связи с быстрым ростом флота рыбной промышленности в Мурманске, предприятиями рыбной промышленности принимается на работу в качестве судоводителей большое количество молодых специалистов, прибывающих после окончания специальных учебных заведений, а также прибывающих и из других бассейнов СССР, которые мало знакомы с районами плавания на Севере. Несмотря на это, они не снабжены необходимыми пособиями для обеспечения безопасного плавания, а именно: на судах нет карт крупного масштаба Кольского залива, планов для подхода к якорным местам в губах побережья Мурмана, таблиц приливов и отливов и лоции Баренцева моря часть II - все эти пособия изъяты из общего пользования. Отсутствие указанных выше пособий на плавсудах, несомненно, в некоторой степени способствует росту аварийности флота. Так, по данным аварийной инспекции за 2-е полугодие 1950 года на Мурманском бассейне было совершено 85 аварий, а во 2-м полугодии 1951 года их было уже 117, в 1-м квартале 1952 года совершена 61 авария. В отношении снабжения судоводителей указанными пособиями руководство объединения «Мурманрыба» и руководство управления тралового флота неоднократно обращались в Министерство рыбной промышленности СССР, но ни положительного, ни отрицательного ответа не было получено. По этому вопросу линейным судом Мурманского бассейна 20 февраля 1952 года было вынесено частное определение и выслано министру рыбной промышленности для принятия соответствующих мер» [36].

В 1953 году линейный суд Мурманского бассейна был объединен с Петрозаводским линейным транспортным судом [37].

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11;
2. ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 32;

- 3.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д.15. Л. 39;
- 4.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 39. Л.1;
- 5.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 16;
- 6.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 1;
- 7.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 4;
- 8.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 22;
- 9.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л.16, 16 об.,
- 10.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 38;
- 11.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 32;
- 12.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 70;
- 13.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 54;
- 14.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 7. Л.13;
- 15.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л.16, 16 об., 20, 29, 29 об., 32,34 об., 40,40 об., 44, 44 об.,
56 об., 57, 66, 72, 73 об.;
- 16.ГАМО. Ф. Р-487. Оп.1. Д. 2. Л. 9, 10;
- 17.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3. Л. 72 об., 73;
- 18.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3. Л. 74;
- 19.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 5. Л. 99;
- 20.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3. Л. 112;
- 21.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3. Л. 202;
- 22.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 6;
- 23.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 31;
- 24.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 5;
- 25.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 4;
- 26.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 6. Л. 33, 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об., 36, 36 об.;
- 27.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 5. Л. 154;
- 28.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 24;
- 29.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 27;
- 30.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 56;
31. Старостин М. И. Дневник войны. Мурманск : «Опимах», 2014. С. 58, 92, 280, 332;
32. Военная прокуратура Северного флота. 85 лет на страже Закона. Североморск,
2019. С. 48;
- 33.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 2, 3;
- 34.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 16. Л. 3, 4, 5;
- 35.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 27. Л. 4, 5;
- 36.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 3;
- 37.ГАМО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

Члены военного трибунала 6-й оленельжной бригады. Слева направо: Роза Яковлевна Похоровникова (Курзенева), Василий Иванович Бондаренко, Нина Пыхалова, секретарь прокуратуры, Н.Т. Ильин, следователь прокуратуры. Сентябрь 1942 года

Члены военного трибунала 6-й оленельжной бригады. Слева направо сидят: Н.Т. Ильин, следователь прокуратуры, Роза Яковлевна Похоровникова (Курзенева), Нина Пыхалова, Потапов, работник прокуратуры. Слева направо стоят: Ив. Наз. Горшков, председатель ВТ, Ив. Гр. Плеханов, Михеев. Август 1942 года

Члены военного трибунала 72-й морской бригады. Слева направо первый ряд: Тройников, Владимир Васильевич Яковлев, председатель ВТ, Федор Иванович Дергачев. Второй ряд: Владимир Петрович Сергеев, боец ВТ, Роза Яковлевна Похоровникова (Курзенева). Октябрь 1942 года

Члены военного трибунала 14-й стрелковой дивизии. Слева направо первый ряд: Серебров К.В. председатель ВТ, Роза Яковлевна Похоровникова (Курзенева), Яким Парфильевич Вепхвадзе, зам. командира 14 стр. дивизии, подполковник, 2-й ряд: Василий А. Лынный, Иван Ф. Смирнов, боец. 13 февраля 1944 года

Члены военного трибунала 14-й стрелковой дивизии. Слева - Роза Яковлевна Похоровникова (Курзенева), справа - Клавдия Шурухина, секретарь военного трибунала. 1944 год

Печать военного трибунала.
ГАМО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об.

Мурманский областной суд

С началом Великой Отечественной войны на первый план выдвигались задачи, обеспечивающие максимальную мобилизацию всей страны на борьбу с врагом. Ужесточились меры воздействия к проявлениям халатности, расточительства, к нарушителям государственной и трудовой дисциплины. В прифронтовых районах целый ряд судов был реорганизован и преобразован в военные трибуналы.

На защиту Отечества встали и работники областного суда. Приказом по областному суду от 23 июня 1941 года были отозваны из отпусков все судьи и сотрудники аппарата суда. В первые месяцы войны в ряды Красной Армии были мобилизованы трое судей областного суда: Карасев, Юрченко Я. А., Федоров П. В. и работники аппарата. На основании приказа Наркома юстиции Союза ССР судьи областного суда были назначены членами трибунала Северного бассейна: Дьяконов (председателем трибунала), Просолупов, Павлов, Калганов. Судьи Rogozin и Клинаяева – членами Военного трибунала войск НКВД Мурманской области. Владимир Петрович Черников возглавлял областной суд в один из самых тяжелых периодов истории – годы Великой Отечественной войны (1941-1946 гг.)

В сентябре 1941 года Мурманский областной суд был эвакуирован в глубь Кольского полуострова: сначала - в Мончегорск, затем - в Кировск. В условиях военного времени сроки рассмотрения дел судами были значительно сокращены. Ряд директив Наркомюста возлагал на судей обязанность рассматривать дела в кратчайшие сроки, которые исчислялись сутками, а по делам о нарушениях трудовой дисциплины – часами. Судьи и работники аппарата постоянно выезжали в командировки по городам области. Осуществлялась работа по оказанию практической помощи рассмотрению дел на местах.

Переход страны от войны к миру изменил задачи и характер деятельности органов суда: был взят курс на укрепление социалистической законности. Остро ощущалась нехватка грамотных юристов. По архивным данным, к концу войны из 7 тысяч судей, работавших в судах РСФСР, лишь 10% имели высшее юридическое образование. Со средним образованием было 24,1 % судей, остальные имели незаконченное среднее и начальное образование.

Источник: <http://www.oblsud.mrm.sudrf.ru>

Северный флотский военный суд

27 марта 1934 года на основании приказа № 028 командующего и военного комиссара Северной военной флотилии в городе Полярном был сформирован военный трибунал Северной военной флотилии. Он действовал в составе председателя, военного юриста 1 ранга, Данченко Даниила Федоровича, члена коллегии, военного юриста 3 ранга, Сидорова М. А., судебного секретаря, военного юриста, Рождественского А. А. и предназначался для осуществления правосудия в соединениях, на кораблях и в воинских частях Северной флотилии, которая была образована 1 июня 1933 года. 25 февраля 1938 года военный трибунал Северной военной флотилии был переименован в военный трибунал Северного флота.

Во время Великой Отечественной войны компетенция военных трибуналов существенно расширилась. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» устанавливалось, что «в изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных

трибуналов». Тогда же было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий.

Основная работа военных трибуналов была направлена на борьбу с изменниками Родины, шпионами и диверсантами, а также с дезертирами, паникерами и трусами, распространителями ложных слухов, возбуждающих тревогу среди мирного населения. Дела по законам военного времени слушались в упрощенном порядке, по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть изменены или отменены лишь в порядке судебного надзора.

В годы Великой Отечественной войны деятельность военного трибунала, возглавляемого военным юристом 1 ранга Котылевым А. Н. и полковником юстиции Огурцовым Б. Н., отличалась высокой оперативностью и гибкостью в применении закона. Строго карая злостных и опасных преступников, чтобы предостеречь от совершения правонарушений неустойчивых людей, суд в то же время проявлял гуманность при решении судеб тех, кто совершил преступление при стечении неблагоприятных обстоятельств.

Судьи проводили широкую праворазъяснительную работу среди личного состава. Нижестоящими по отношению к военному трибуналу флота в годы войны являлись военные трибуналы Мурманской, Беломорской, Печенгской, Новоземельской, Карской, Иокангской и Главной военно-морских баз, а также десять военных трибуналов морских оборонительных районов, бригад и других соединений.

Вот некоторые биографии руководителей Северного флотского военного суда, участников Великой Отечественной войны.

Бригадный военный юрист **Кузнецов Порфирий Артемьевич** (январь 1939 года – июль 1940 года).

Родился предположительно в 1893 году. Проходил военную службу на должностях председателя военного трибунала Северного флота (январь 1939 года – июль 1940 года), затем председателя военного трибунала 34 стрелкового корпуса Западного фронта.

Погиб 3 августа 1941 года после полученного ранения при переправе через реку Днепр.

Полковник юстиции **Котылев Алексей Константинович** (1940 – 1944).

Родился 15 марта 1893 года в селе Завражная слобода Больше-Мурашкинского района Горьковского края. Специального образования не имел. По 1923 год работал в Княгининском Уисполкоме. С 1923 по 1936 год – на судебных должностях в Нижегородском окружном суде, Горьковском краевом суде, народном суде города Дзержинска Горьковского края.

Поступил на военную службу в 1936 году. Занимал должности члена коллегии, заместителя председателя, затем председателя военного трибунала Тихоокеанского флота. С июля 1940 года по сентябрь 1944 года – председатель военного трибунала Северного флота. С сентября 1944 года по май 1946 года – председатель военного трибунала Таллинского морского оборонительного района Балтийского флота.

Награжден орденом Красной Звезды (дважды), орденом Отечественной войны I степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья».

Дата смерти неизвестна.

Полковник юстиции Огурцов Николай Дмитриевич (1944-1946).

Родился 9 марта 1896 года в деревне Слобода Вологодской области. Окончил 4-классное городское училище. В мае 1915 года досрочно призван на действительную военную службу и направлен на Черноморский флот, где до Октябрьской революции 1917 года служил матросом-сигнальщиком и телеграфистом. В годы гражданской войны 1917-1922 годах в качестве военкома участвовал в боях на Южном и Северном флотах и в Крыму.

В органах военной юстиции (с 1921 года) занимал должности члена военного трибунала Черного и Азовского морей, заместителя председателя и председателя военного трибунала войск ОГПУ Ленинградского округа, затем – следователя по важнейшим делам Военной коллегии Верховного Суда СССР. В 1929 году уволен, а в 1936 году вновь зачислен в кадры Вооруженных Сил, где в дальнейшем проходил

службу на должностях председателя военных трибуналов Тихоокеанского флота, Краснознаменной Амурской флотилии, Северного флота, Краснознаменной Дунайской флотилии.

Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени.

Дата смерти не установлена.

Генерал-майор юстиции Степанов Борис Степанович (1946-1948).

Родился 15 июля 1906 года в Санкт-Петербурге. В 1928 году окончил Новгородскую советскую партийную школу, в 1938 году – военно-морской факультет Военной политической академии им. В.И. Ленина, в 1947 году – Всесоюзный юридический заочный институт.

С 1928 года проходил военную службу на политических должностях в различных воинских частях Ленинградского военного округа. В системе военных трибуналов с 1938 года. Являлся членом коллегии военного трибунала Балтийского флота, председателем военного трибунала Кронштадтской ВМБ, заместителем председателя военного трибунала Балтийского флота.

После окончания Великой Отечественной войны занимал должности заместителя председателя (1945–1947), затем председателя (1946-1948) военного трибунала Северного флота, начальника Управления военных трибуналов Военно-морских сил (1948-1950), начальника Управления военных трибуналов Москвы (1950-1953), начальника отдела Управления военных трибуналов Москвы (1953-1954), начальника отдела (1954-1955), затем председателя судейского состава (1955-1957) Военной коллегии Верховного Суда РФ. С 1957 года – в запасе по состоянию здоровья.

Участник Советско-финской и Великой Отечественной войн. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды.

Умер 27 сентября 1973 года. Похоронен на Химкинском кладбище г. Москвы.

Полковник юстиции **Булда Петр Ильич** (1948-1954).

Родился 23 августа 1912 года на хуторе Н-Декаленкин Северского района Краснодарского края. После окончания в 1935 году Саратовского юридического института работал народным судьей в город Алма-Ата, затем проходил обучение в полковой школе 10 мотомеханизированного полка внутренних войск НКВД (Ташкент). С 1937 по 1939 годов – член Саратовского областного суда. В 1939 году повторно поступил на военную службу. Последовательно занимал должности ревизора Главного управления военных трибуналов при Наркомюсте (1939), председателя военного трибунала Краснознаменной Каспийской флотилии в Баку (1939-1944), заместителя председателя военного трибунала Черноморского флота в Севастополе (1944-1947), председателя военных трибуналов: Северного флота (1948-1954), 4 Военно-Морского флота (1954-1956), Балтийского флота (1956-1961). Уволен в запас в 1961 году.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды.

Дата смерти не установлена.

Полковник юстиции **Шемшура Евгений Георгиевич** (1954-1958).

Родился 15 декабря 1918 года в городе Мариуполь Сталинской области. В 1942 году окончил Военно-юридическую академию, в 1954 году – вечерний университет марксизма-ленинизма и высшие академические курсы при Военно-юридической академии.

В системе военных трибуналов с 1942 года. Занимал должности члена военного трибунала (1942-1944), затем заместителя председателя (1944-1945) военного трибунала Военно-воздушных сил Тихоокеанского флота. В 1945 году являлся председателем военного трибунала Гензанской военно-морской базы ТОФ. С 1945 по 1947 год – председатель военного трибунала Военно-Воздушных сил 7 Военно-морского флота Минюста СССР, с 1947 по 1949 год – председатель военного трибунала Лиепайской Военно-морской базы 4 ВМФ. С 1951 года – заместитель председателя, с 1954

по 1958 год – председатель военного трибунала Северного флота.

С 1959 по 1969 год – председатель военного трибунала Львовского гарнизона Прикарпатского военного округа, с 1969 по 1972 год – председатель военного трибунала Севастопольского гарнизона ЧФ.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды. Умер 13 сентября 1994 года.

Генерал-майор юстиции **Титов Федор Дмитриевич** (1958-1963).

Родился в Москве 1 мая 1915 года. После окончания в 1941 году Военно-юридической академии проходил военную службу заместителем председателя военного трибунала Таллинской военно-морской базы, членом коллегии военного трибунала Военно-воздушных сил Балтийского флота, заместителем председателя военного трибунала учреждений и частей ВМФ (Москва). С 1943 по 1949 год – инспектор, старший

инспектор, заместитель начальника отдела, затем начальник отдела Управления военных трибуналов ВМФ Главного Управления военных трибуналов Вооруженных Сил СССР.

Умер 2 июня 2005 года.

С 1949 по 1953 год – начальник правового отдела советской военной администрации в Германии. С 1953 года – заместитель председателя военного трибунала Московского округа. В 1958 году назначен председателем военного трибунала Северного флота.

22 июня 1962 года военный трибунал Северного флота под председательством полковника юстиции Титова оправдал командира подлодки «Б-37» Бегебу А. С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 260, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР.

В 1963 году назначен начальником организационно-инспекторского отдела Военной коллегии Верховного Суда СССР. С 1968 по 1973 год – председатель военного трибунала 3-й армии группы советских войск в Германии.

Уволен в запас в 1973 году с должности заместителя начальника организационно-инспекторского отдела Управления военных трибуналов. Награжден двумя орденами Красной Звезды.

Генерал-майор юстиции **Трунин Лев Георгиевич** (1963-1968).

Родился 17 декабря 1919 года в Кизляре Дагестанской АССР. В 1937 году поступил в Московское авиационное техническое училище. После его окончания проходил службу в авиационном дальнебомбардировочном полку армии особого назначения. В августе 1940 года зачислен слушателем военно-морского факультета Военно-юридической академии. После нападения фашистской Германии на Советский Союз был направлен на фронт. Принимал участие в боевых действиях в составе Волжской военной флотилии (в качестве начальника радиостанции Главной базы в Сталинграде, начальника участка службы наблюдения и связи Главной базы) и на различных должностях в составе частей Северного флота. В августе 1945 года возвратился на второй курс Военно-юридической академии, которую окончил в 1949 году.

В 1949 году избран на должность члена военного трибунала Рижской военно-морской базы, в 1950 году – члена военного трибунала Балтийского флота. С 1955 года – заместитель председателя военного трибунала

Тихоокеанского флота, с 1959 года – заместитель председателя военного трибунала группы советских войск в Германии, с 1960 года – председатель военного трибунала Ленинградского гарнизона. С 1963 по 1968 год являлся председателем военного трибунала Северного флота. С 1968 года – председатель военного трибунала Киевского военного округа. Уволен в запас в 1980 году.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Умер 12 февраля 2012 года.

Генерал-майор юстиции **Ладик Николай Афанасьевич** (1968-1972).

Родился 19 декабря 1919 года в деревне Земцы Лепельского района Витебской области. В 1939 году призван на военную службу. С августа 1941 года по август 1943 года занимал должности от политрука роты до старшего инструктора по информации 34 армии Северо-Западного фронта. Участвовал в боях под городами Остров, Старая Русса, озером Ваньо, был ранен.

В 1947 году закончил Военно-юридическую академию и был назначен судьей военного трибунала Хабаровского гарнизона. В дальнейшем – председатель военного трибунала гарнизона, судья, заместитель председателя военных трибуналов Забайкальского и Прикарпатского военных округов. С 1964 года – председатель военного трибунала Приволжского военного округа, с 1968 года – председатель военного трибунала Северного флота. В 1972 году назначен председателем военного трибунала Ракетных войск стратегического назначения.

Уволен в запас в 1975 году. Награжден орденом «Знак Почета», орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени. Умер в 2010 году.

Источник: <http://www.severnyfrs.mrm.sudrf.ru>

Полярнинский гарнизонный военный суд

История Полярнинского гарнизонного военного суда неразрывно связана с историей развития Северного флота.

6 ноября 1934 года Управление Северной военной флотилии, корабли отдельного дивизиона подводных лодок и эскадренных миноносцев торжественно перешли в новую военно-морскую базу – Полярный.

В циркуляре начальника Главного морского штаба ВМФ от 12 ноября 1942 года № 01066 значится:

«1) Расформировать военные трибуналы 12, 63, 254 стрелковых бригад Северного оборонительного района СФ и военный трибунал 82 стрелковой бригады Сухопутной обороны главной базы СФ.

2) Начальнику Организационно-строевого управления ВМФ исключить военные трибуналы из штатов вышеуказанных стрелковых бригад».

Председателем Военного трибунала 12 отдельной морской бригады СФ с 08 октября 1942 года по 16 ноября 1942 года был военный юрист 3 ранга Жердев Яков Георгиевич.

Председателями Военного трибунала 63 морской стрелковой бригады СФ с апреля 1942 года по октябрь 1942 года был военный юрист 3 ранга Жердев Яков Георгиевич, а с 03 декабря 1942 года по 16 декабря 1942 года – военный юрист 3 ранга Копылов Леонид Николаевич.

Председателем Военного трибунала 82 морской стрелковой бригады СФ на 03 декабря 1942 года был военный юрист Микшин Петр Федорович.

Председателем Военного трибунала 254 морской стрелковой бригады СФ с 01 августа 1942 года по 06 декабря 1942 года был военный юрист 2 ранга Родин Николай Андрианович [1].

Вот характеристика на Родин Н. А. из наградного листа.

«Майор юстиции Родин Николай Андрианович, в действующих соединениях находится с первых дней Отечественной войны. В составе войск Центрального фронта он участвовал в боевых действиях по отражению нападения гитлеровской Германии при захвате территории Белорусской республики, а затем Народным Комиссариатом Юстиции с группой работников был переброшен на Карельский фронт. Здесь тов. Родин проходил службу в трибунале 14 армии, а с января 1942 года непрерывно находится на судебной работе на полуостровах Рыбачий и Средний.

Вся работа тов. Родина как военного судьи, в течение последних полутора лет неразрывно связана с жизнью и боевой деятельностью частей и подразделений 254 бригады морской пехоты, в составе которой он находится с момента её создания, первоначально будучи Председателем военного трибунала бригады, а затем как Председателя постоянной сессии ВТ ССР.

Кадровый офицер, обладающий знанием жизни, быта и боевой деятельности войск, тов. Родин свою работу проводит непосредственно в частях, среди масс бойцов и офицеров.

Во время нахождения бригады на первом боевом участке, в особенности в зимний период 1943 года, преодолевая все трудности (бездорожье, морозы, снежные заносы и др.), тов. Родин регулярно выходил в части, организовывал на местах судебные процессы и проводил среди личного состава воспитательную работу. По согласованию с командирами частей он проводил беседы по разъяснению советских законов и в землянках переднего края, и в боевом охранении, и в полевых караулах.

Обслуживая штрафные части, находившиеся на строительстве оборонительных сооружений в районе боевого охранения, тов. Родин оказывал большую помощь командованию в воспитании штрафников и предоставлении им возможности искупить свою вину перед Родиной. Заседания по рассмотрению ходатайств командования проводились им непосредственно на переднем крае.

Неоднократно находясь в боевой обстановке, под огнем противника, в частности на подходах к БО, тов. Родин вел себя стойко и хладнокровно, не теряя присутствия духа и показывая пример выдержки.

Умело сочетая судебную и массово-политическую работу и увязывая её с обстановкой в частях и боевыми задачами, тов. Родин значительно помог командованию бригады по укреплению воинской дисциплины и политико-морального состояния частей. При деятельной помощи тов. Родина, благодаря его инициативе, командование и политаппарат организовали и наладили работу товарищеских судов. Всесторонне подходя к разрешению судебных дел, тов. Родин сигнализирует командованию об обнаруженных недостатках в организации службы и помогает их устранять.

В настоящее время тов. Родин проводит судебную и разъяснительную работу также среди других частей и подразделений 3-го боевого участка.

Исключительно добросовестный и честный в служении Родине, грамотный и честный коммунист, тов. Родин все свои силы, энергию и умение отдает на благо Советского государства, в силу чего пользуется у личного состава заслуженным авторитетом и уважением. В августе этого года он был назначен парторгом Управления бригады.

Подчиняя проводимую им судебную и массово-политическую работу делу укрепления судебной дисциплины, помогая командованию в решении общих задач победы над врагом, - майор юстиции Родин Николай Андрианович, приобрел перед нашей Родиной боевые заслуги и достоин правительственной награды – Ордена «Красная Звезда» [2].

3 декабря 1942 года в соответствии с приказом председателя военного трибунала Северного флота № 65 сформирован военный трибунал Береговой обороны Главной базы Северного флота с дислокацией в Полярном, председателем был назначен военный юрист Микшин Петр Федорович. В 1943 году его сменил подполковник юстиции Кудряшёв Степан Владимирович (приказ председателя военного трибунала береговой обороны главной базы Северного флота № 2 от 06 октября 1943 года), а 17 августа 1944 года на должность председателя военного трибунала назначен капитан юстиции Яковлевский Михаил Иванович (приказ председателя военного трибунала береговой обороны главной базы Северного флота № 29 от 17 августа 1944 года).

В период с 1942 по 1944 года заместителями председателя военного трибунала были назначены: военный юрист 3 ранга Жердев Яков Георгиевич (приказ председателя военного трибунала Северного флота № 65 от 13 декабря 1942 года); старший лейтенант юстиции Моисеенков Иван Григорьевич (приказ председателя военного трибунала береговой обороны главной базы Северного флота № 5 от 11 ноября 1943 года); майор юстиции Родин Николай Андрианович (приказ председателя военного трибунала береговой обороны главной базы Северного флота № 4 от 08 февраля 1944 года); капитан юстиции Яковлевский Михаил Иванович (приказ председателя военного трибунала береговой обороны главной базы Северного флота № 15 от 13 апреля 1944 года).

15 апреля 1945 года расформирован военный трибунал береговой обороны главной базы Северного флота (штат № 2/239). Основание: приказ командующего Северным флотом от 16 февраля 1945 года № 0091, решение Народного комиссара ВМФ Союза ССР от 27 января 1945 года № 0013, циркуляр начальника Главного Морского штаба ВМФ от 2 февраля 1945 года № 005.

Сформирован с 15 апреля 1945 года военный трибунал Кольского морского оборонительного района Северного флота с дислокацией в городе Полярное (штат № 02/166-Б). Основание: приказ командующего Северным флотом от 5 июня 1945 года № 00351.

Система военных трибуналов, согласно Закону «О судоустройстве» от 1938 года, состояла из: 1) военных трибуналов армий, корпусов, иных воинских соединений и военизированных учреждений, рассматривавших дела только в качестве судов первой

инстанции; 2) военных трибуналов округов, фронтов и флотов, которые действовали как суды первой, кассационной и надзорной инстанции.

К компетенции военных трибуналов относились дела о воинских преступлениях, а также об иных преступлениях, отнесенных законом к их ведению. С 1940 года военные трибуналы стали рассматривать все уголовные дела о преступлениях военнослужащих.

С началом Великой Отечественной войны организация и деятельность судебных органов была перестроена. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 года установил, что в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, должны передаваться на рассмотрение военных трибуналов. Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела через 24 часа после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, без участия народных заседателей и адвоката.

Приговоры приводились в исполнение немедленно, кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора. Однако о каждом приговоре к высшей мере наказания (расстрелу) военный трибунал, вынесший его, был обязан немедленно сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. В случае отсутствия в течение 72 часов ответа о приостановлении приговора он приводился в исполнение. В июле – сентябре 1941 года Президиум Верховного Совета СССР упростил эту процедуру и предоставил право командирам и комиссарам корпусов и дивизий в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий утверждать приговоры военных трибуналов «к высшей мере наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение». По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 года лица, виновные в совершении этого преступления, подлежали суду военного трибунала. Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года отнес к подсудности военных трибуналов дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. В связи с введением военного положения на транспорте дела обо всех преступлениях, совершенных на транспорте, стали также рассматриваться специальными военными трибуналами.

В ноябре 1941 года совместным приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР было установлено, что во всех случаях, когда постановлениями Правительства СССР предусмотрена ответственность за то или иное преступление «по законам военного времени», необходимо передавать дела об указанных преступлениях на рассмотрение военных трибуналов с применением порядка рассмотрения дел, установленного «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 года.

Возрастает общее число военных трибуналов Красной Армии и Военно-морского флота. Действовали трибуналы в военных соединениях: отдельных бригадах, дивизиях, корпусах, армиях, флотилиях, военно-морских базах и гарнизонах. Это были суды первой инстанции. Высшим звеном были военные трибуналы фронтов, флотов, округов, отдельных армий. Были созданы военные трибуналы НКВД, которые боролись с уклонениями от трудовых мобилизаций, самовольными уходами рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, злостными нарушениями правил и распоряжений МПВО, а также другими преступлениями. Все военные трибуналы Красной Армии, ВМФ и НКВД замыкались на Военную коллегию Верховного Суда СССР. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года в местностях, объявленных на военном положении, линейные суды железных дорог и водных бассейнов с первых же дней войны были реорганизованы в транспортные военные трибуналы. В 1943 году в связи с введением военного положения на транспорте вся транспортная юстиция СССР была преобразована в военную, а в составе Верховного Суда СССР

дополнительно сформированы Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии, на которые стали замыкаться военные трибуналы железнодорожного, морского и речного транспорта.

Систему военных трибуналов, осуществлявших правосудие в период Великой Отечественной войны составляли: 1) военные трибуналы Красной Армии и Военно-морского флота; 2) военные трибуналы НКВД; 3) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 4) военные трибуналы, созданные на базе местных народных судов в силу чрезвычайной обстановки военного времени; 5) военно-полевые суды, образованные при дивизиях действующей армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года. Были созданы военно-полевые суды, которые действовали в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ», заместителя командира дивизии по политчасти и прокурора дивизии. Все приговоры военно-полевых судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение.

Вся система военных трибуналов по-прежнему возглавлялась Верховным Судом СССР. Военная коллегия Верховного Суда СССР действовала в качестве: а) суда первой инстанции по наиболее важным делам особой подсудности; б) кассационной инстанции для военных трибуналов округов, флотов и отдельных армий в местностях, не объявленных на военном положении; в) надзорной инстанции по делам всех военных трибуналов, кроме трибуналов железнодорожных и водных путей сообщения, в отношении которых аналогичные функции выполняли Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии Верховного Суда СССР [3].

1. Архивная справка Центрального военно-морского архива от 28.04.2010 года № 3587.
2. Наградной лист на Родина Н.А. от 5 ноября 1943 года.
3. Письмо Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26.01.2010 года № СД-2/117.

Островной гарнизонный военный суд

Островной гарнизонный военный суд был расположен на северо-востоке Кольского полуострова, на границе Баренцева и Белого морей. Путь сообщения с другими населенными пунктами Мурманской и Архангельской области - только морской.

По данным исторического журнала войсковой части 20424 (инв. № 56, страница 5) 30 января 1943 года флотским полуэкипажем Йокангской ВМБ был сформирован военный трибунал (приказ командира ИВМБ № 043 от 30 января 1943 года). О деятельности военного трибунала до 1959 года информации в Островном гарнизонном военном суде нет.

Источник: <http://www.ostrovgrs.mrm.sudrf.ru>

Мончегорский городской суд Мурманской области

В Мончегорском городском суде Мурманской области и во время Великой Отечественной войны работали следующие судьи.

Пашков Михаил Иванович (первый народный судья Мончегорска) 23 мая 1902 года рождения, уроженец деревни Костино Псковского округа Пушкинского района Ленинградской области, русский, отец до и после революции работал сторожем в библиотеке города Санкт-Петербурга (Ленинграда).

Общее образование – 3 класса. В 1919 году со школьной скамьи ушел добровольцем в Красную Армию, участвовал в боях на Псковском фронте в направлении города Острова в 23 Советском полку рядовым. Участвовал в ликвидации кулацких восстаний в Пугачевском уезде Самарской губернии.

В 1921 году, будучи курсантом 33 Самарских курсов, был ранен в левую ногу. Позднее до апреля 1924 года служил в разных частях Красной Армии.

После демобилизации вернулся в город Ленинград и начал работать на разных предприятиях города Ленинграда: паропроводчиком и кочегаром в Откомхозе Жилкоммунстрой, паропроводчиком в Александровском, Михайловском и Мариинском театрах, старшим кочегаром на фабрике Мюнценберга, там же был председателем товарищеского суда.

В 1932 году направлен на областные юридические курсы, которые закончил в 1933 году. В июне 1933 года назначен народным судьей Смольнинского районного народного суда. С 25 октября 1933 года переведен в город Мурманск на должность народного судьи. С 01 ноября 1936 года Пашков М. И. назначен первым народным судьей нарсуда города Мончегорска. 10 октября 1938 года переведен народным судьей Терского района. С 1939 года утвержден членом Мурманского областного суда. В апреле 1940 года отозван из состава областного суда в связи с избранием народным судьей 1 участка Мончегорского района. 3 апреля 1943 года Пашков М. И. зачислен членом Мурманского областного суда с возложением на него обязанностей заместителя председателя Мурманского областного суда.

31 мая 1945 года отозван с должности члена Мурманского областного суда по состоянию здоровья.

Земскова Тамара Николаевна 2 сентября 1916 года рождения, уроженка города Новочеркасск Ростовской области. Социальное происхождение – из семьи служащих. Образование 8 классов.

В 1933 году поступила работать в Новочеркасский райпотребсоюз ученицей лаборантки.

В 1934 году переехала в город Ленинград, где работала на заводе «Двигатель» ученицей. Затем переехала в город Кировск, где училась в школе ФЗО в группе электромонтеров. По окончании школы ФЗО устроилась работать в «Сантехмонтаж» счетоводом.

В 1937 году «Сантехмонтаж» реорганизован в «Кольстрой-монтаж» и переведен в город Мончегорск.

В 1939 году районным комитетом ВЛКСМ переведена на должность пионервожатой в среднюю школу № 17.

В 1940 году переведена в отдел хлебопечения Продснаба, где работала в должности бухгалтера, а затем старшего бухгалтера.

С августа 1942 года по решению Исполнительного комитета Мончегорского районного Совета депутатов трудящихся Земскова Т. Н. была утверждена заместителем народного судьи второго участка города Мончегорска.

24 августа 1944 года решением Исполнительного комитета Мончегорского районного Совета депутатов трудящихся Земскова Т. Н. утверждена на должность народного судьи второго участка города Мончегорска.

17 сентября 1947 года Земскова Т. Н. отозвана с должности народного судьи второго участка города Мончегорска в связи с выездом за пределы Мурманской области.

Кроме Пашкова М. И. и Земской Т. Н. в Мончегорском городском народном суде работали судьи: Суслов Александр Александрович, Черникова, Дьяконова. Рассматривали уголовные и гражданские дела. К сожалению, архивной информации об этих судьях не имеется.

Источник: Письмо врио председателя Мончегорского городского суда Мурманской области В.Б. Кораевой от 23.03.2021 года № 01-12/3543.

Кандалакшский районный суд Мурманской области

В Кандалакшском районном суде Мурманской области и во время Великой Отечественной войны работали следующие судьи.

Калганов Федор Никифорович, 1902 года рождения, Вытегорский район Ленинградской области, народный судья по Кандалакшскому району с 16 ноября 1933 года по 16 апреля 1939 года (выписка из приказа № 131 по НКЮ Карельской АССР от 21 ноября 1933 года). Член и исполняющий обязанности заместителя Мурманского областного суда с 17 апреля 1939 года. Избран заместителем председателя Мурманского областного суда (с 9 декабря 1939 года по 2 декабря 1941 года, характеристика на заместителя председателя Мурманского областного суда). Выбыл в военный трибунал Мурманского бассейна с 3 декабря 1941 года (приказ по Мурманскому областному суду от 2 декабря 1941 года № 73).

Бахвалов Алексей Павлович, 1896 года, г. Малая Вишера, народный судья 2 участка Кандалакшского района с 21 ноября 1940 года (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 27 ноября 1940 года № 174), врио народного судьи Кольского района с 4 мая по 25 июля 1941 года (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 21 мая 1941 года № 76).

Народный судья Ленинградской области с 1945 года, после демобилизации.

Якубова Агафья Игнатьевна, 1907 года, город Гомель, народный судья 2 участка Житковичского района БССР с 1939 по 1941 год. Народный судья 1 участка Кандалакшского района с 1 апреля 1941 года по 5 июля 1941 года (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 1 апреля 1941 года № 48), освобождена от должности в связи с эвакуацией (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 30 июля 1941 года № 116).

Потапов Валентин Никитич, 1910 года, г. Полоцк, БССР, народный судья 2 участка города Кировска с 11 апреля 1941 года (выписка из приказа Управления НКЮ РСФСР по Мурманской области от 11 апреля 1941 года № 54). Народный судья 2 участка города Кандалакша с 11 апреля 1941 года (выписка из приказа Управления НКЮ РСФСР по Мурманской области от 11 апреля 1941 года № 54). Исполняющий обязанности народного судьи города Кандалакша по 1948 год (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 30 июля 1941 года № 116).

Свирелкина Валентина Арсентьевна, 1922 года, Вологодская область, народный судья 1 участка города Кандалакша с 1 августа 1941 года по 18 мая 1942 года (выписка из приказа Управления НКЮ РСФСР по Мурманской области от 21 августа 1941 года № 134). Народный судья Ловозерского района с 22 июля 1942 года (выписка из распоряжения от 22 июля 1942 года № 88 по Ловозерскому райисполкому).

Иванова Ефросинья Васильевна, февраль 1918 года, Вологодская область, Пришекснинский район, Демсинский сельсовет, деревня Ильинское, народный судья 1 участка города Кандалакша с 18 мая 1942 года по 7 апреля 1949 года (выписка из протокола № 72 заседания Исполнительного комитета Кандалакшского городского совета депутатов трудящихся от 18 мая 1942 года, выписка из приказа по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 2 июня 1942 года № 38).

года № 19).

Егорова Анастасия Федоровна, 19 января 1911 года, судисполнитель нарсуда судебного участка № 1 Кандалакшского района с 30 августа 1942 года (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 7 сентября 1942 года).

Нотариус Кандалакшской государственной нотариальной конторы с 15 сентября 1943 года (приказ по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 14 сентября 1943 года № 56). Заместитель, исполняющая обязанности народного судьи 1 участка города Кандалакша на время выбытия Ивановой Е. В. (выписка из приказа по Управлению НКЮ РСФСР по Мурманской области от 27 февраля 1945

Источник: Письмо Кандалакшского районного суда Мурманской области от 09.04.2021 г.

Из биографии Героя Советского Союза Кононова Николая Ивановича – народного судьи 7-го участка г. Мурманска

Николай Иванович Кононов родился в 1911 году в Ярославской губернии, Парфеньевского уезда, в деревне Костино.

Вот что сам Николай Иванович пишет в своей автобиографии: «Происхождение из крестьян. Родители до революции и после революции занимались крестьянством. Хозяйство было середняцкое, а в 1930 году вступили в колхоз. Избирательных прав никто не лишался, а также не подвергались репрессиям. У белых из родственников никого не было и с границей никто связи не имеет. В 1920 году я пошел учиться в сельскую школу, где проучился до 1924 года. С 1924 года я начал работать в сельском хозяйстве, а с 1930 года ухожу на отхожий промысел работать плотником в Горьковскую область на Бумстрой, я там проработал до 1931 года.

А с 1931 года отец переехал в Мурманск плотничать, в это время и я переехал к нему в Мурманск. Работал в Мурпишестрое до 1932 года, а в 1932 году я поехал в колхоз, где проработал до 1933 года, а в 1933 году я ухожу в РККА, служил в войсках НКВД. С 1934 года меня зачислили в полковую школу, я ее окончил и мне присвоили звание младший командир. В 1936 году демобилизуюсь в долгосрочный отпуск и заезжаю в деревню к родным, прожил я в деревне 2 месяца и уезжаю на работу в Мурманск. В Мурманске я устроился на консервный завод и работал старшим браковщиком.

В 1937 году в декабре меня командировали в Ленинград на юридические 2-х месячные курсы, но я пошел в правовую школу и в 1938 году эту школу окончил, где мне присвоили звание нарсудьи. В ВЛКСМ я вступил в армии в 1935 году. Социальное происхождение жены - из крестьян, и так же родители ее.

Подтвердить мою автобиографию могут: Коротаев Иван Михайлович, Павлов Сергей Геннадьевич и Павлова Вера Федоровна, проживающие все здесь и с одной местности.

Состояние моего здоровья хорошее. Целесообразно меня использовать в нарсуде, так как я учился и притом уже был месяц на практике». Автобиография была составлена 28 октября 1938 года [1].

Согласно выписке из протокола № 54 заседания бюро Обкома ВКП(б) от 9 июня 1939 года, Кононов Николай Иванович был утверждён народным судьей 7-го участка Мурманска [2], хотя фактически Николай Иванович работал народным судьей 7-го участка в Мурманске с 10 ноября 1938 года [3].

ХАРАКТЕРИСТИКА
на нарсудью 7 участка г. Мурманска т. **К О Н О Н О В А**
т. КОНОНОВ Николай Иванович, 1918 г. р. студ., член ВЛКСМ с 1938г., Народный работник с ноября 1938г.
Показатели работы т. Кононова
по данным Коллегии Облсуда за I квартал 1939г.

Уголовн.	Гражд.
21,9%	64%
10-20 дней	12,8%
20-30 дней	36,3%
Свыше 1 мес	9,2%

Сроки рассмотрения дел (по уголовным делам длительные, в основном по уголовным делам)
Среднее месячное поступление - 107 дел, окончание - 95 дел.
Составок рассмотренных дел на

Работа подготовительного заседания ведётся по общему. Подготовительные заседания ведутся регулярно. Все дела тщательно изучаются самим т. Кононовым, и передаются на докладчика. Протоколы и определения подготовительных заседаний ведутся удовлетворительно. Ведение процесса удовлетворительно. По отсылке судебного заседания пишутся удовлетворительно. Решения и приговоры пишутся достаточно полно.

Вот такую характеристику на Николая Ивановича выдал начальник Управления НКЮ РСФСР по Мурманской области Тепляков: «Показатели работы т. Кононова. По данным коллегий Облсуда за 1 квартал 1939 год: отменено полностью – 14 % уголовных дел, 28 % гражданских дел, отменено частично – 11 % уголовных дел. Карательная политика нарсуда за 1 квартал 1939 года по важнейшим категориям дел следующая: лишение свободы – хулиганство – 50 %; злостная халатность – 100 %; хищение соцсобственности – 64 %. С учетом, что по делам о хищениях социалистической собственности осуждено 4 несовершеннолетних, процент лишенных свободы составит 100%. В основном, карательная политика выдержана. Сроки рассмотрения дел за 1 квартал 1939 года: до 10 дней – уголовные - 21,9 % дел, гражданские - 64 % дел; 10 – 20 дней – гражданские – 12,8 %; 20-30 дней – уголовные - 36,3 % дел, гражданские - 14 % дел; свыше 1 месяца – уголовные - 41,8 % дел, гражданских – 9,2 % дел. Сроки рассмотрения уголовных дел длительные. Среднее месячное поступление – 107 дел, окончание – 95 дел.

Подготовительные заседания ведутся регулярно. Все дела тщательно изучаются самим т. Кононовым. Протоколы и определения подготовительных заседаний ведутся удовлетворительно. Ведение процесса удовлетворительно. Решения и приговоры пишутся достаточно полно. Работой канцелярии Нарсуда т. Кононов недостаточно интересуется, полагаясь на секретаря. Массовой работе т. Кононов не уделяет внимания и за время работы составил всего лишь один отчет перед избирателями о своей работе. Другой массовой работы не ведет, что объясняется еще и тем, что работает недавно и опыта по массовой работе нет. К делу относится добросовестно. Политически развит. Работой интересуется. Участвует в соцсоревновании, заключив индивидуальный договор с нарсудьей 1 участка г. Мурманска т. Левченко. Выводы: Должности нарсудьи соответствует [4].

А вот характеристика секретаря Комитета ВЛКСМ Щекина на комсомольца Кононова Николая Ивановича: «Тов. Кононов член ВЛКСМ с 1935 года – комсомольских взысканий не имеет. За время пребывания в комсомольской организации при Муроблсуде показал себя дисциплинированным комсомольцем, замечаний не имеет, поручения комсомольской организации, не всегда в срок, но добросовестно их выполняет. Политически грамотный, выдержанный, идейно устойчивый. Самостоятельно занимается над повышением политических и юридических знаний [5].

В период с 25 сентября 1939 года по 21 октября 1940 года Николай Иванович работал инспектором в АХО УНКВД по Мурманской области. С 21 октября 1940 года по 28 ноября 1940 года младшим следователем в следственной части УНКВД по Мурманской области и инспектором по кодификации в секретариате УНКВД по Мурманской области.

На основании справки выданной заместителем начальника ОК УМВД Мурманской области подполковником Барабановым Кононовой Надежде Николаевне. Николай Иванович проработал в УНКВД по Мурманской области до 17 августа 1941 года [6].

ГОРОДСКОЕ
ЖИЛИЩНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
при Мурманском Горкомхозе

ОРДЕР № 21

Разрешается занять квартиру № 45
ком. № 2 по улице Сталина дом № 54
занимаемая площадь 18 кв. метров
Фамилия Кононов
Имя, отчество Николай Иванович
Место службы Ч.К.В.Д.
Получаемая зарплата 704 в м-ц
Количество семьи 4 человек
14 июня м-ца 1941 года
Зав. Горкомхозом
Нач. Гор. жил. управления И. Сидя

До войны семья Кононовых сначала жила по адресу: г. Мурманск, ул. Рабочая, д. 5, комната 71, затем переехала на ул. Сталина, д. 57, кв. 45, комната 2 [7].

С началом Великой Отечественной войны Николай Иванович вновь был призван в Красную Армию. С ноября 1941 года участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В годы войны Кононов Н.И. прошел со своей частью большой путь. Дважды был ранен, награжден орденом Красной Звезды. В 1943 году окончил курсы младших лейтенантов и получил назначение командиром пулеметного взвода 213-го гвардейского стрелкового полка.

Летом 1944 года 71-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой служил гвардии младший лейтенант Николай Иванович Кононов, в составе войск 1-го Прибалтийского фронта прорвала оборону противника на так называемом Белорусском выступе.

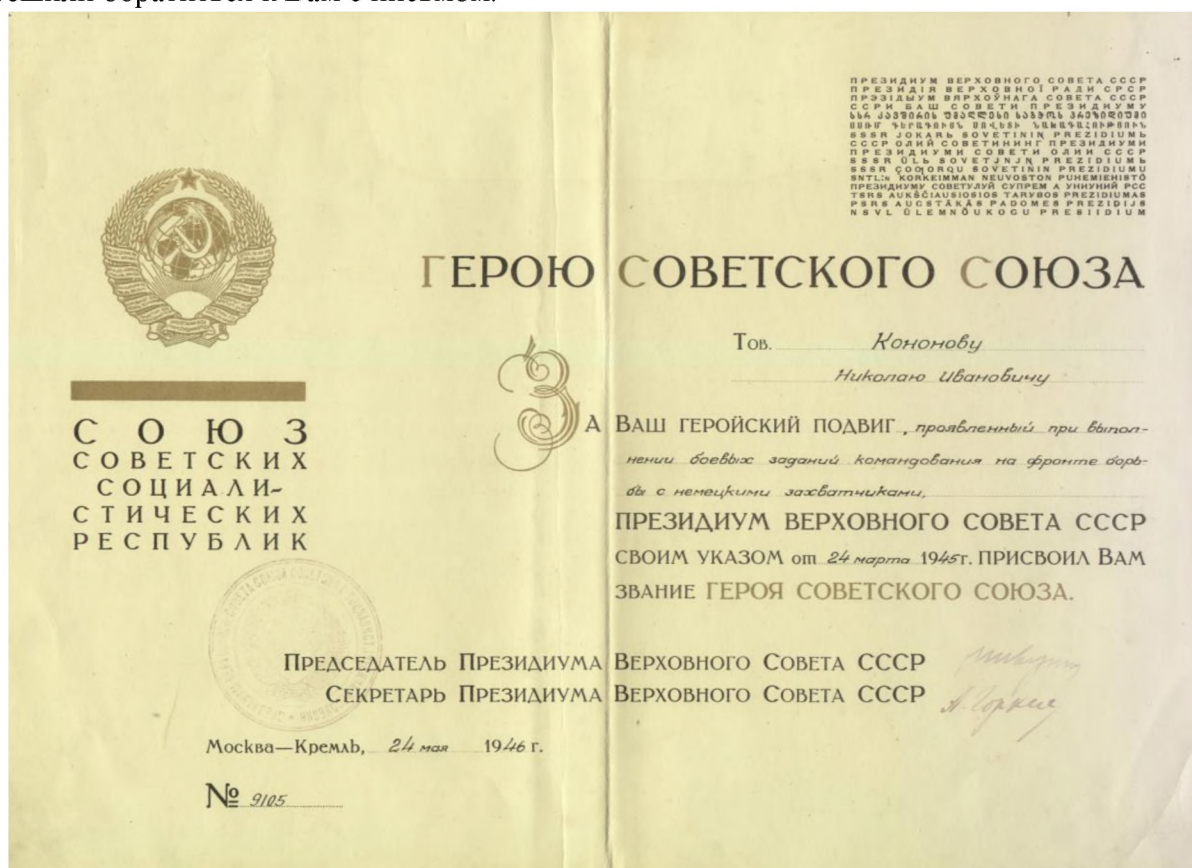
22-23 июня 1944 года в боях на подступах к городу Витебску гвардии младший лейтенант Кононов Н.И. грамотно организовал боевую работу взвода. Пулеметчики под его командованием оказали эффективную огневую поддержку наступающим подразделениям. В районе деревни Орехи и станции Шумилино Витебской области он лично подавил 3 огневые точки противника и уничтожил до 20 гитлеровцев.

24 июня во главе взвода одним из первых в полку преодолел реку Западная Двина и тут же завязал бой с гитлеровцами. Командир удачно расположил пулеметные расчеты, умело организовал оборону захваченного плацдарма. Он лично из станкового пулемета отбил ожесточенную контратаку противника. Во время этого боя Николай Иванович пал смертью храбрых.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии младшему лейтенанту Кононову Николаю Ивановичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Николай Иванович также был награжден орденами Ленина, Красной Звезды [8].

Вскоре жене Героя Н.Н. Кононовой из части пришло письмо. Гвардейцы писали: «Дорогая Надежда Николаевна! Красноармейцы, сержанты и офицеры нашей части, собравшиеся на митинг, посвященный присвоению правительством Вашему мужу гвардии лейтенанту Николаю Ивановичу Кононову звания Героя Советского Союза, решили обратиться к Вам с письмом.

Мы вместе с Вами гордимся героическими делами Николая Ивановича Кононова, который своими боевыми подвигами заслужил себе вечную славу и прославил нашу часть. Высшую награду нашей Родины он заслужил тем, что 24 июня 1944 года он первый в своей части со взводом солдат на подручных средствах переправился под огнем врага на левый берег Западной Двины, завоевал там плацдарм и этим обеспечил боевой успех всей части. В этом бою Николай Иванович погиб смертью храбрых, но светлая память о нем будет вечно храниться среди его боевых соратников.

Над могилой Героя мы поклялись отомстить врагу, и мы свято выполняем свою клятву. Тысячи немцев мы истребили и будем истреблять до тех пор, пока не разгромим окончательно гитлеровских людоедов» [9].

Кононов Николай Иванович был похоронен на месте боя. В 1954 году, в дни 10-летия освобождения Белоруссии от гитлеровцев, останки погибших солдат и офицеров из одиночных могил были перезахоронены в братской могиле в деревне Загромадино Бешенковичского района Витебской области. На могиле установлен обелиск, первым среди имен выбито имя Героя Советского Союза Кононова Н. И. [10].

1. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 5;
2. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 14;
3. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 5;
4. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 7, 7 обор.;
5. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 8;
6. Служебная карточка Кононова Н.И.;
7. ГАМО. Ф. П1. Оп. 19. Д. 3008. Л. 1;

8. Патриотический Интернет-проект «Герои Страны»;
9. Голубев Е. Боевые звезды. Ярославль, 1972. С. 374-375;
10. Патриотический Интернет-проект «Герои Страны».

Письма Кононова Николая Ивановича

2 августа 1941 года.

Надюсенька, только что написал письмо, хотел отослать и от тебя получил второе. Вновь писать не буду, потому что я все уже описал. Но в отношении хлеба сходи в РО НКВД в Парфеньеве и поговори, как сложилось дело. Не стесняйся и быстро пиши. А сама не плачь и не расстраивайся, а живи спокойно. Мы с тобой будем опять вместе. Обстановка в Мурманске все так же, ничего страшного нет. Еще посмотрю, и опять приедете ко мне. Прошу еще раз не расстраивайся, ты не одна в таком положении, есть люди хуже: мужья на фронтах и имеют детей, и живут, не плачут, ты уже очень теряешься, пока воздержись. И еще, милочка, прошу не расстраивайся, а воздерживайся. Люди еще все странствуют по дорогам, не найдут, где остановиться. Прошу еще раз и еще раз, не волнуйся, не одни мы с тобой в таком положении. Ну, пока, целую крепко-крепко всех, ваш папа. Н. Кононов.

12 ноября 1941 года.

Здравствуй, милая семья! Надюсик, сыночек Юрий и дочь Галя. С приветом к вам ваш Николай и папа. И всех вас крепко-крепко целую, и так же вся остальная семья: папа, мама, Фаина, Шура и Ляля, и маленькая девочка Валя.

Милый Надюсик, большое-большое спасибо, что я сегодня, то есть 11 ноября 1941 года в 22 часа, получил от тебя открытку и письмо. И не знаю, как тебя благодарить и сам себе не представляю. Какую я сейчас переживаю радость и восторг, что более или менее дело у вас обстоит благополучно, а именно: мои птенцы здоровы и жизнерадостны.

Да, Надюсик, я сам знаю, что ты переживаешь немало, но, милочка, сама знаешь и учти, что весь советский народ и ты вместе с ним должна переживать все трудности и отдавать все свои силы только на пользу и усиления нашего фронта, направленного против оголтелого

кровавого гитлеризма.

Вот, милочка, сейчас наша основная задача уничтожить эту озверелую гадину, а ты, милочка, желай мне больше смелости, мужества и здоровья, уничтожим эту гадину и будем жить опять по-старому.

Надюсик, ты обижаешься, что я мало тебе пишу. Мне особенно расписывать нечего. У нас жизнь и задача нашей красноармейской жизни одна – уничтожить гитлеризм. Вот, Надюсик, что я могу писать о своей жизни.

Итак, я чувствую себя здоровым. Да, Надюсик, с 25 августа 1941 года и по сегодняшней день, то есть 11 ноября 1941 года, находился все в тылу, от Мурманска недалеко, а 12 ноября 1941 года, то есть завтра, уезжаю на фронт и пока не пиши. Жди следующего моего письма.

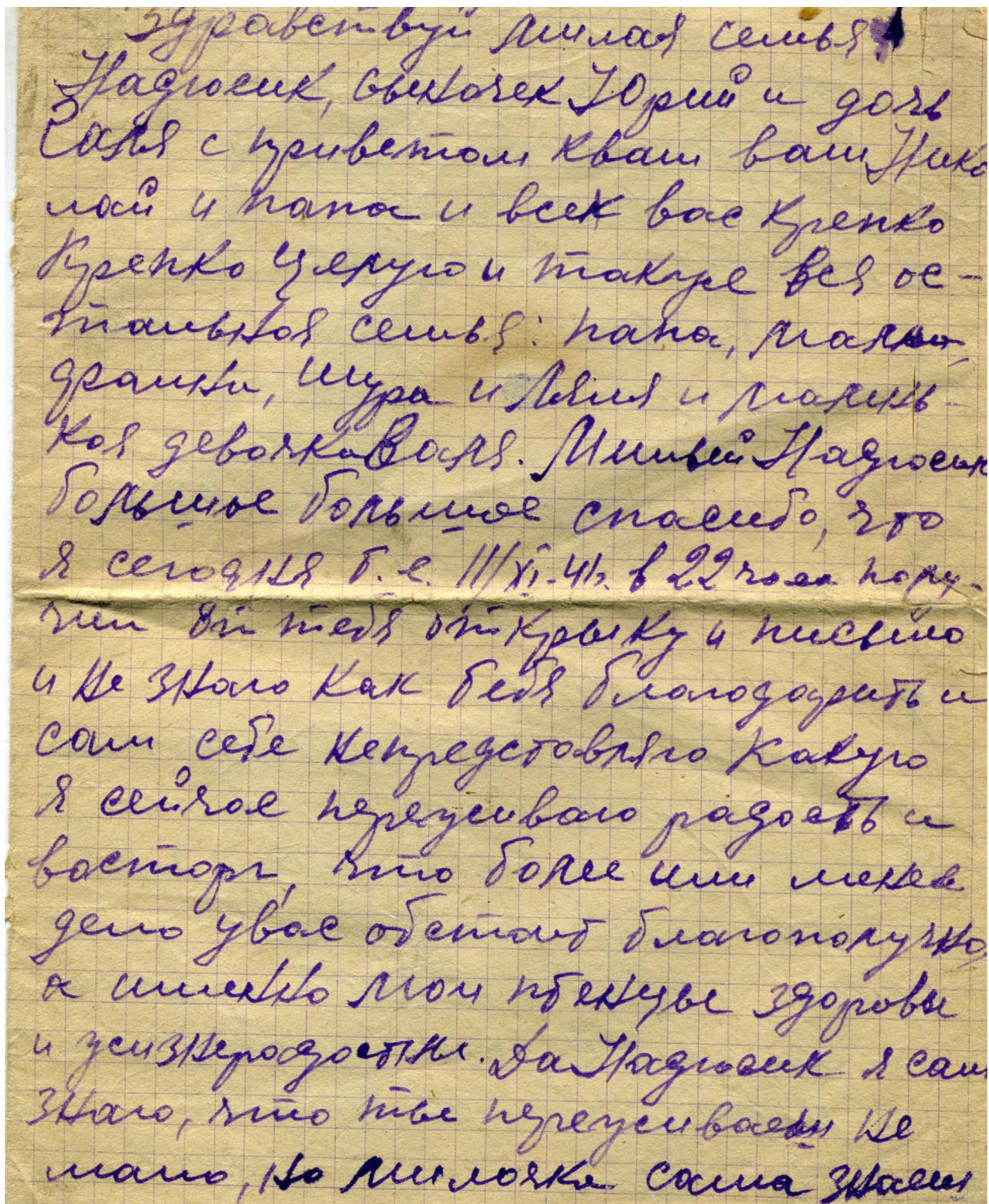
Надюсик, ты сама не знаешь, как бы я хотел сейчас с вами со всеми встретиться и полепетать со своими птенцами – с Юрочкой и Галей, я сижу пишу письмо, а сам представляю, как будто бы я с вами. Надя, мне очень жаль, что наша воспитанница мама болеет очень серьезно, ты ей пожелай от меня, чтобы она не поддавалась болезни и выздоравливала как можно быстрее, передай от меня маме мой сыновей поцелуй.

Ну, милый мой любящий друг жизни Надюсик и мои любимые птенцы Юрочка и Галюсик пока до свидания я всех вас крепко, крепко целую и еще раз целую твой Коля и отец своим детям. Надюсик, высылаю

одновременно еще сто рублей. Надюсик, разреши еще раз поцеловать. Ну пока, до свидания, пиши со следующего моего письма ответ быстрее. Целую всех вас ваш Николай. Снегу здесь уже много и стоят холода. Очень жалею Ваню Смирнова, но ничего не поделаешь. Ваш Кононов. Закончил 00 час. 35 мин 12/XI-41 г.

Надя, ты еще раз пиши Григорию Ивановичу и я напишу при 1-й возможности.

A photograph of a handwritten letter on aged, lined paper. The handwriting is in cursive, written in dark ink. The text is a personal letter, likely from a soldier or a person in a similar situation, given the date and the mention of a family. The paper shows signs of wear, including a horizontal crease and some discoloration. The letter is addressed to 'Надюсик' and mentions several family members and a specific date in November 1941.

Здравствуй Анна Семья
Надюсик, Света, Юрий и дядя
Саша с приветом, как вам Николай
и мама и всек вас крепко
крепко целую и так же все ое-
тальников Семья: мама, Мария,
Зина, Шура и Лилия и Мария-
Кол заводка Вася. Милый Надюсик
Большое большое спасибо, что
я сегодня в. е. 11/XI-41. в 22 часа полу-
чим от тебя от Кривку и письмо
и не знаю как тебе благодарить и
сам себе не представляю какую
я сейчас переживаю радость и
восторг, что более или менее
дело уже обстоит благополучно
а маме моя пишу о здоровье
и самочувствии. Да Надюсик я сам
знаю, что тебе переживается не
мама, но мамочка сама знает

30 ноября 1941 года.

Здравствуй милая семья!

Надюсик, сын Юрочка и дочь Галя, с приветом к вам ваш Коля и папа.

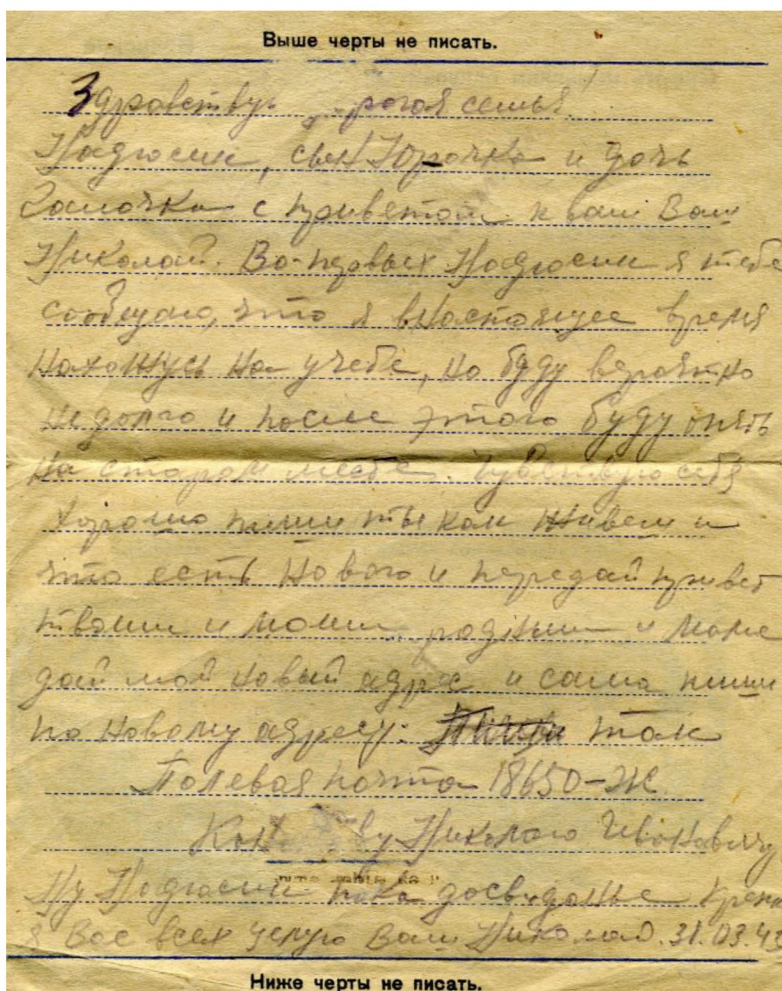
Надюсик, я прибыл в новую обстановку, то есть нахожусь на передовой с 14.11.41 г. и чувствую себя пока хорошо.

Ну, милый Надюсик, мне сейчас расписывать особенно нечего. Когда я поехал на фронт, то я был в Мурманске. И заходил к Григорию Ивановичу. Но их дом заколочен и его не видел. Не знаю, где живет. Это было часов в 10 вечера.

Заходил в свою квартиру. В квартире все в порядке. Живёт один Николай Яковлевич. А в свою комнату не попал. Ключ у Григория Ивановича, а я его не нашел. Но Николай Яковлевич говорит, что он ходит в нашу комнату. Я всего побыл минут 5 и так более никого не мог увидеть. И не знаю, кто где живёт. А вообще, Надюсик, я просто удивился: в Мурманске в это время народу почти никого не было. Ну, милочка, пока и все.

Пока я жив и здоров. Пиши ты все-все подробно. Пока, до свидания, всех я вас крепко, крепко целую. И передай привет всем родным. Жду. Ваш Коля.

Адрес: Почтовая полевая станция 191, 758 стрелковый полк, минбатальон, 2 мин. рота. Н. Кононов.

31 марта 1943 года.

Здравствуй дорогая семья!

Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка, с приветом к вам ваш Николай. Во-первых, Надюсик, я тебе сообщаю, что я в настоящее время нахожусь на учебе, но буду, вероятно, недолго. И после этого буду опять на старом месте. Чувствую себя хорошо. Пиши, ты как живешь и что есть нового. И передай привет твоим и моим родным. И маме дай мой новый адрес и сама пиши по новому адресу. Пиши так: Полевая почта 18560-Ж Кононову Николаю Ивановичу.

Ну, Надюсик, пока до свидания. Крепко я вас всех целую, ваш Николай.

1 мая 1943 года.

Добрый день милая семья!

Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка, с приветом к вам твой

муж и отец Николай. Во-первых, Надюсик, сообщаю, что письмо твое получил 1-го мая. Как раз пришел из столовой и употребил 100 грамм, и мне передают твое долгожданное письмо, за которое большое спасибо.

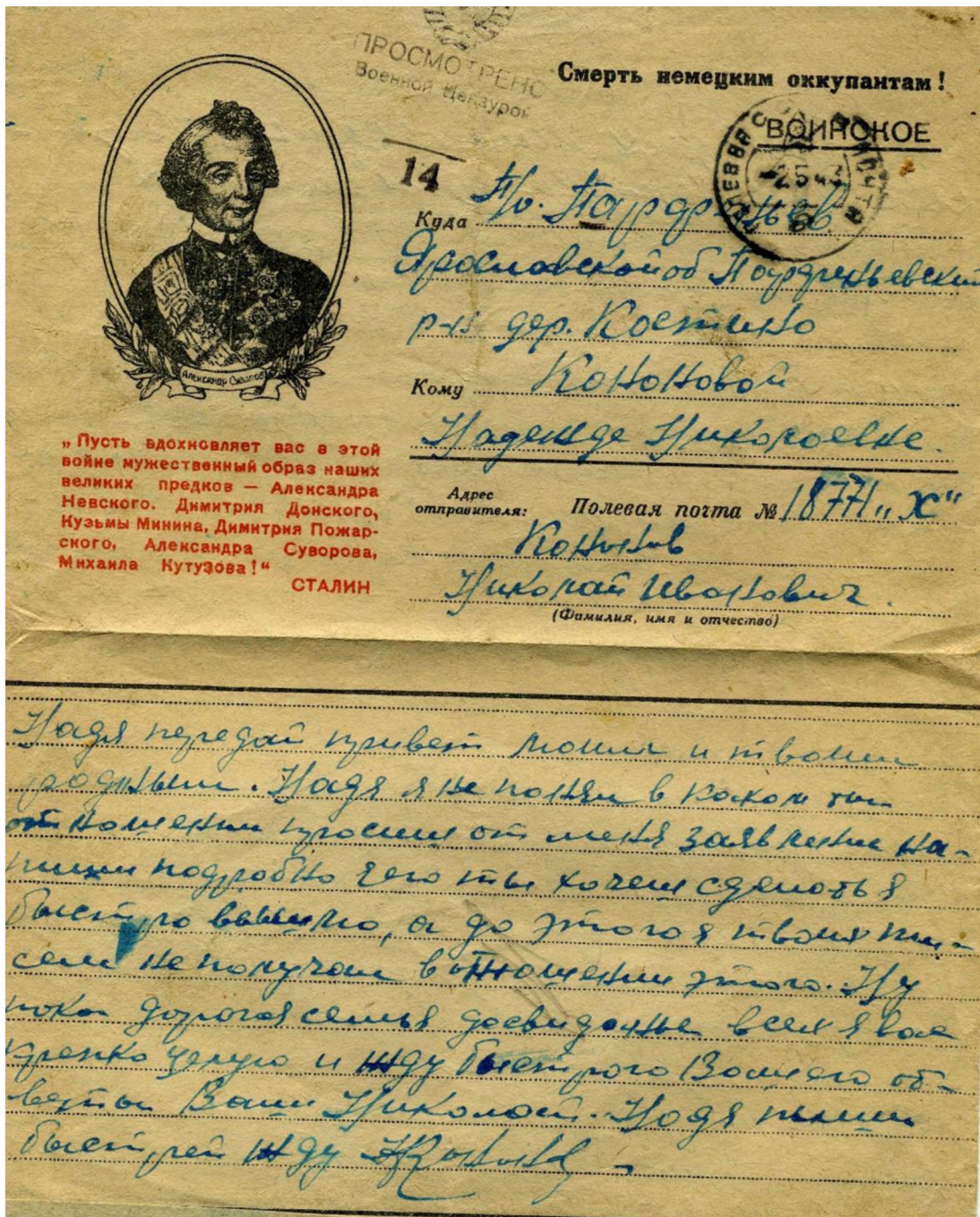
Надюсик, вижу, что жизнь у тебя протекает все по-старому, это очень хорошо. Но только меня одно беспокоит, что Юрик не очень здоров. Надо его беречь, а ему скажи, чтобы он слушал маму и, когда холодно, не бегал много на улице.

Еще ты, милочка, пишешь, что вышлешь фотоснимок. Высылай быстрее, жду с нетерпением, а мне сейчас нет возможности сфотографироваться.

Надя, я чувствую себя хорошо, а учусь на среднего командира. Надя, ты пишешь про Сашу Желнина. Разве он дома? Как он попал? Опиши. И передай от меня привет ему. Также передай от меня привет Леше Вавилову. И пускай он мне черкнет пару слов о себе, как он живет. Ты ему скажи, что я просил.

Надя, передай привет моим и твоим родным. Надя, я не понял, в каком ты отношении просила от меня заявление. Напиши подробно, чего ты хочешь сделать.

Я быстро вышлю. А до этого я твоих писем не получал в отношении этого. Ну, пока, дорогая семья, до свидания. Всех я вас крепко целую и жду быстрого вашего ответа. Ваш Николай. Надя, пиши быстрее, жду. Н. Кононов.

5 октября 1943 года.

Добрый день дорогая семья!

Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка. С приветом к вам твой муж Николай и детям отец. Всех я вас крепко, крепко целую. Надюша, ждал, ждал от тебя письма, не мог дожидаться и решил тебе написать письмо, а то скучновато, что долго не пишешь.

Пару слов про себя. Я живу все по-старому и чувствую себя хорошо. Все продолжаю учиться, ну мне про себя более нечего и писать.

Милочка, спрошу тебя, как ты поживаешь и что есть нового в твоей жизни. Как чувствуют себя дети и как их сейчас здоровье? Вообще пиши все подробно, и что пишет Нюра, всё, всё опиши.

Надюсик, опиши, чем ты себя обеспечила или нет на зиму, чего собрала или нет. В общем, всё, всё опиши. И что обсуждают, дать или нет из колхоза.

Ну пока, дорогая семья, до свидания. Всех я вас еще раз крепко, крепко целую. Ваш Николай.

Надюша, передай привет твоим и моим родным от меня. Надюша, еще прошу, вышли мне адрес Петра Фаины. Я нахожусь где-то в этих районах. Жду. Н. Кононов.

Выше черты не пишите! 5.10.43

Добрый день дорогая семья! Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка. С приветом к вам твой муж Николай и детям отец. Всех я вас крепко, крепко целую. Надюша, ждал, ждал от тебя письма, не мог дожидаться и решил тебе написать письмо, а то скучновато, что долго не пишешь.

Пару слов про себя. Я живу все по-старому и чувствую себя хорошо. Все продолжаю учиться, ну мне про себя более нечего и писать.

Милочка, спрошу тебя, как ты поживаешь и что есть нового в твоей жизни. Как чувствуют себя дети и как их сейчас здоровье? Вообще пиши все подробно, и что пишет Нюра, всё, всё опиши.

Надюсик, опиши, чем ты себя обеспечила или нет на зиму, чего собрала или нет. В общем, всё, всё опиши. И что обсуждают, дать или нет из колхоза.

Ну пока, дорогая семья, до свидания. Всех я вас еще раз крепко, крепко целую. Ваш Николай.

Надюша, передай привет твоим и моим родным от меня. Надюша, еще прошу, вышли мне адрес Петра Фаины. Я нахожусь где-то в этих районах. Жду. Н. Кононов.

Ниже черты не пишите!

31 декабря 1943 года.

Надя, привет с фронта!

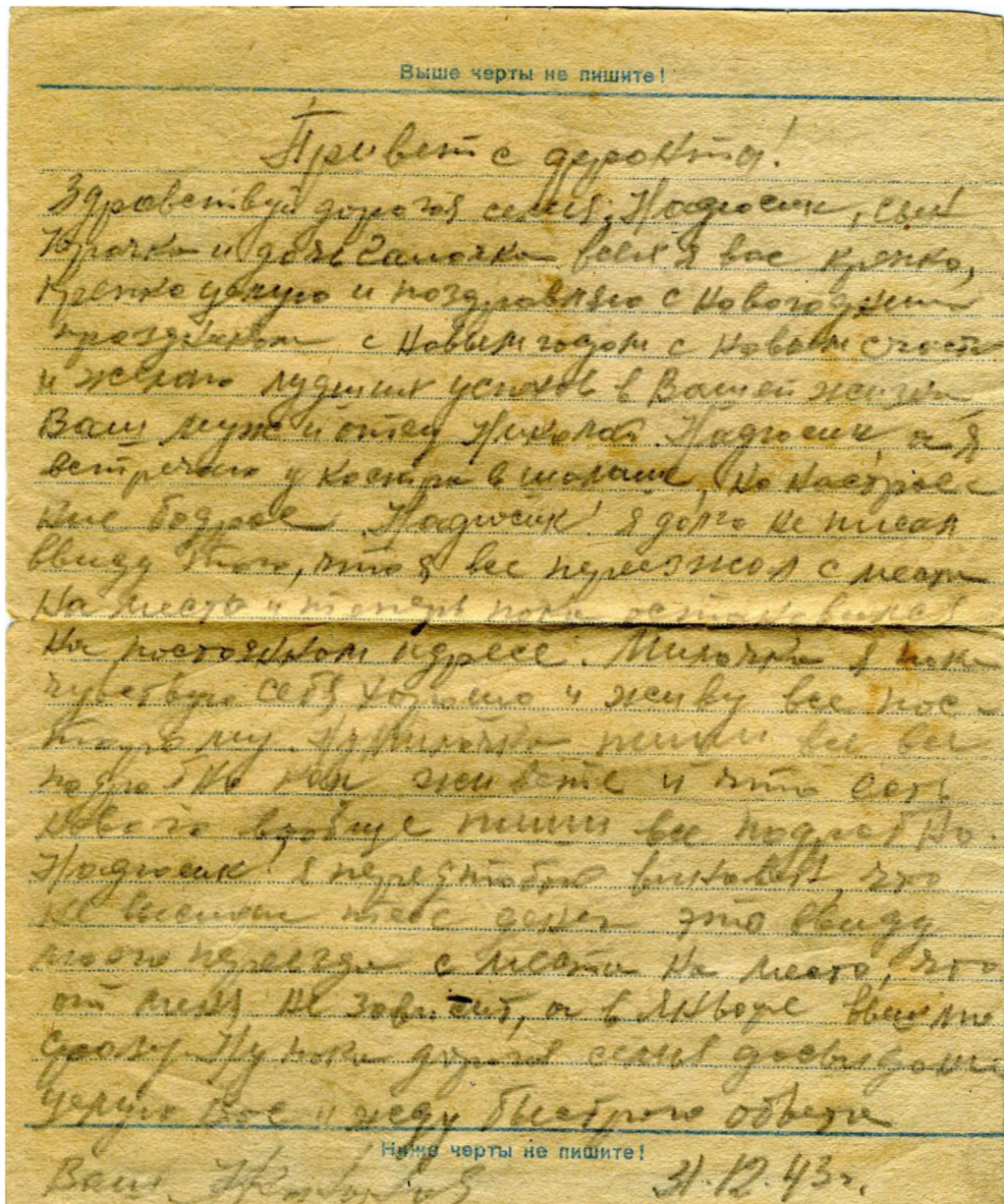
Здравствуй, дорогая семья: Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка. Всех я вас крепко, крепко целую и поздравляю с новогодним праздником. С Новым годом, с новым счастьем! Желаю лучших успехов в вашей жизни, ваш муж и отец Николай.

Надюсик, а я встречаю у костра в шалаше, но настроение бодрое. Надюсик, я долго не писал ввиду того, что я все переезжал с места на место. И теперь пока остановился на постоянном адресе.

Милочка, я пока чувствую себя хорошо и живу все по-старому. Ну, милочка, пиши все, все подробно. Как живете и что есть нового, вообще. Пиши все подробно.

Надюсик, я перед тобою виновен, что не выслал тебе денег. Это ввиду моего переезда с места на место, что от меня не зависит, а в январе вышлю сразу.

Ну, пока, дорогая семья, до свидания. Целую вас и жду быстрого ответа. Ваш Н. Кононов.

20 апреля 1944 года.

Добрый день, милая семья!

Надюсик, Юрий и Галочка, поздравляю я вас с праздником, ваш Николай, и желаю лучших успехов в вашей жизни и торжественно отметить праздник.

Надя! Во-первых, сообщаю, что 19.04.44 г. выслал тебе на праздник денег 1100 рублей. Но до этого еще выслал 800 рублей, а ответа до настоящего времени не получил.

Не знаю, ты их получила или нет, прошу, опиши. Пару слов о себе. Я пока нахожусь все в ремонте, то есть в госпитале, чувствую себя хорошо. Скоро, вероятно, выпишусь и опять вольюсь в боевые ряды товарищей.

Пожалуй, воздержись писать ответ на эту открытку по тому адресу. Меня еще интересует, почему пока не пишут мои родные, но ты передай им привет.

Ну, пока, дорогие, до свидания.

Всех я вас крепко, крепко целую, ваш Н. Кононов.

11 мая 1944 года.

Добрый день милая семья!

Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка, с боевым приветом к вам твой Николай. И крепко, крепко я вас всех целую. Надюсик, во-первых, сообщаю о себе, что я из госпиталя выписался 6 мая 1944 года и влился в боевые ряды к боевым товарищам 7 мая 1944 года, чувствую себя хорошо.

Надюсик! Прошу, пиши все подробно и быстрее о своей жизни и о детях. Милочка, еще прошу, пиши, где и кем работаешь. И как правильно писать тебе адрес в Парфеньев.

Дорогуша, прошу опиши все, все и также про Ньюру.

Ну, милая семья, мне пока писать нечего. До свидания. Целую я вас всех без счету раз. Ваш Николай.

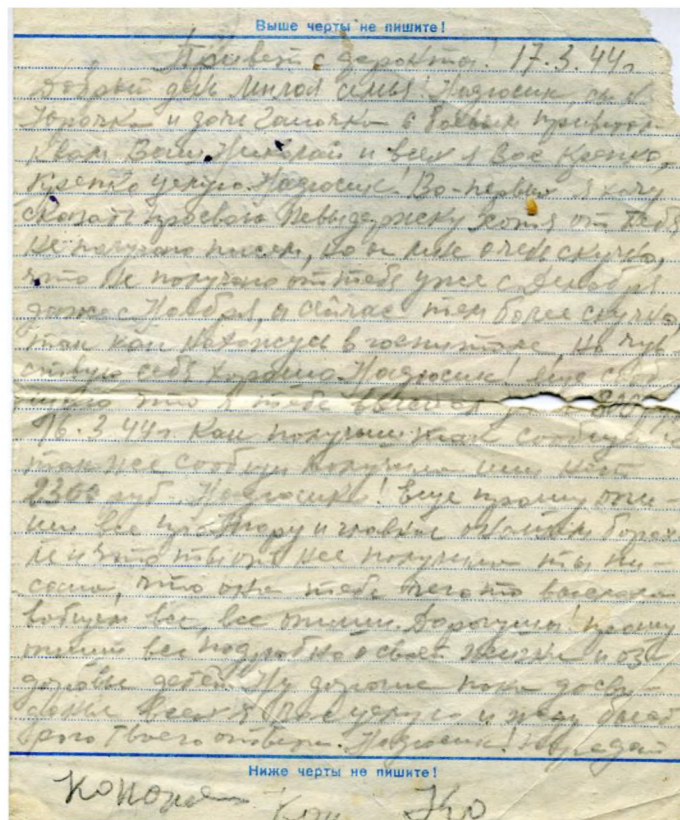
Надюсик! Прошу, пиши все подробно и что есть нового. Прошу, передай привет моим и твоим родным и опиши, как они живут. Ну, пока, еще раз до свидания, жду быстрого вашего ответа.
Н. Кононов.

15 мая 1944 года.

Привет с фронта! Добрый день, милая семья! Надюсик, сын Юрочка и дочь Галочка, с боевым приветом к тебе и детям ваш Николай.

И крепко, крепко я вас всех целую. Надюсик! Не дождавшись твоего письма, я решил написать еще тебе письмо, чтобы было не скучно.

Пару слов про себя. Я чувствую себя хорошо. По прибытии из госпиталя я получил правительственную награду – Орден Красной Звезды.

Можете поздравить, все-таки отметили мои боевые дела. Надюсик! Прошу, опиши все подробно о своей жизни, о детях: как вы питаетесь и как одеты. И укажи, как правильно писать адрес на Парфеньев, и что есть нового вообще.

Ну, дорогие до свидания. Еще раз крепко, крепко целую. Н. Кононов.

Интервью с внучкой Н.И. Кононова, Татьяной Александровной Фаюк, проведено ведущим специалистом Управления Судебного департамента в Мурманской области Ю.Е. Кочегаровой, 5 июня 2015 года.

1. Всё, что Вы знаете о жизни деда, это рассказы Вашей матери, отца?

Мой дед, Николай Иванович Кононов, является отцом моей мамы. К сожалению, о его жизни я мало что знаю. Дедушка ушел на фронт, когда маме было 9 месяцев (она родилась в 1940 году). Старший брат тоже был слишком мал к тому времени, он 1939 года рождения. Все, что я знаю о своем дедушке, - это, в основном, из рассказов маминой двоюродной сестры и из документов, фотографий, которые остались после смерти бабушки – Надежды Николаевны Кононовой. При жизни бабушка мало что рассказывала про деда, потому что по своей природе она была скромным, молчаливым человеком. Она оказала большую помощь моим родителям с нашим с братом воспитанием. Нас у мамы двое – я и мой брат Константин.

Дедушкин сын, Юрий Николаевич Кононов, жил в Минске. 25 января 2015 года его не стало. У него остались две дочери, с которыми мы поддерживаем отношения. К сожалению, они тоже ничего не знают о нашем дедушке. Бабушка вышла замуж за деда в 1936 году. Переехала с ним в Мурманск, где у них родилось двое детей. В 1995 году бабушка умерла в Мурманске.

Их дочь, моя мама, в настоящее время проживает в Калужской области, на родине моего отца, куда они переехали жить в 1999 году.

Дядя Юра после учебы в Санкт-Петербурге женился и переехал на родину своей жены в Минск.

2. Жив ли кто-нибудь из тех, кто знал Вашего деда? Может Вы с кем-нибудь лично общались, или кого-то просто знаете?

Я знаю, что после войны мама с братом и с бабушкой навещали родителей деда в Ленинграде. Мама помнит, как они ездили к бабушке и дедушке. Однако адреса они не помнят. Во время эвакуации мама с братом очень голодали. Особенно было тяжело первые два года, так как у них не было огорода. В эвакуации они жили у дедушкиных родителей, в деревне Костино.

3. Как сложилась судьба семьи Кононова после его смерти? Долго ли они жили в Мурманске? Как так вышло, что брат и сестра стали жить в разных местах в Ленинграде и Минске? Расскажите, что Вам известно о судьбе бабушки?

Эвакуацию бабушка с детьми провела у родителей деда, в деревне Костино. После войны родители дедушки уехали жить в Ленинград. А бабушка вернулась в 1946 году в Мурманск. Когда она вернулась, оказалось, что комната занята. Тогда ее с детьми разместили в коридоре. Бабушке пришлось ходить по инстанциям и доказывать, что имеет право на комнату. Ей вообще потом пришлось везде доказывать, что имеет право на какие-то льготы, как вдова Героя с двумя детьми. С 1973 года мы жили на улице Морской, в квартире, которую бабушка получила как вдова Героя Советского Союза. Умерла бабушка в 1995 году в Мурманске, где и похоронена.

Мой брат, Константин Батузов, сейчас живет в Ленинградской области в городе Бокситогорске. До развода он жил с женой и сыном в г. Волгограде. Племянник учится на втором курсе академии МВД.

4. Знаете ли Вы что-нибудь о судейской работе Николая Ивановича?

О судейской работе дедушки ничего не могу сказать, как и о других местах его работы. К сожалению, бабушка никогда ничего про это не рассказывала. И все что я знаю – это информация из документов.

5. Поделитесь семейными откровениями. Наверняка в семье говорилось о характере, о привычках Николая Ивановича. Вы знаете какие-нибудь интересные случаи из жизни деда?

Каких-то сведений о характере дедушки, о его привычках у меня нет. Кто его видел, с ним общался, уже нет в живых. Я бы хотела найти своих родственников, кто его хорошо знал. Бабушкина сестра рассказывала своей дочери, моей двоюродной тете, с которой я общаюсь, что он был очень веселым, заводным, душой компании. О других его личных качествах, думаю, можно судить, читая его письма семье с фронта. Очень любил свою жену, своих детей, помогал им, заботился о них.

В магазине «Колос». Третья слева в первом ряду – Надежда Ивановна Кононова

6. На сегодняшний день есть обелиск над братской могилой, возле деревни Загромадино Бешенковичского района, где высечена фамилия Кононова. Именем героя в селе Парфеньево на его родине названа улица. Его имя носил корабль Министерства рыбного хозяйства и пионерская дружина Новиковской школы. Открыта табличка на кадетской школе г. Мурманска. Биографические материалы о нем есть в фондах Парфеньевского краеведческого музея, в библиотеке – музее имени Блинова в Мурманске. Вы бывали на месте захоронения Кононова в Белоруссии? А на его родине в Костромской области? Вы активно участвуете в увековечении памяти Кононова Н.И. Как Вы начинали этот процесс, кто помогал,

что предпринимали? Эта информация наверняка поможет тем родственникам, которые хотели бы узнать о судьбе своих близких – участников Великой Отечественной войны или хотят сделать достоянием россиян память о них.

В детстве я ездила в деревню Загромадино, где увековечено имя деда. За братской могилой много лет ухаживала обыкновенная жительница села Ирина Панфиловна. Ее сейчас уже нет в живых. Помню в детстве она присылала нам в Мурманск посылки с клюквой. Они долго общались с бабушкой, переписывались.

В городе Бешенковичи есть Курган Славы, где на мемориальных досках высечено имя дедушки. В Минске, на Площади Победы, под обелиском Победы организован символический вечный огонь, установлены мемориальные доски с именами героев – освободителей Беларуси. Среди имен есть имя моего дедушки.

Раньше пионерские дружины вели активную переписку с бабушкой. Эти письма сохранились в нашей семье. Кроме переписки, бабушка встречалась с ребятами в Беларуси. Я, к сожалению, на таких встречах ни разу не была.

В Мурманске в 1966 году одному из судов «Севрыбпромразведки» было присвоено имя Николая Ивановича Кононова. Я была на этом судне, там был музей, посвященный памяти дедушки. Скорее это был уголок. Нас с братом пригласил капитан судна, показали судно, накормили обедом. Почему-то мама с бабушкой не ходили.

В Костроме не бывала ни разу. Очень хотелось бы там побывать. Даже не знаю, остались ли в тех местах наши родственники. Но мы ни с кем не общаемся.

7. Вас как наследницу героя, наверняка переполняет гордость за деда. Разделяют ли это чувство Ваши близкие, удастся ли передавать память о предке Вашим детям?

В 1985 году Мурманску было присвоено имя города-героя. Я училась в пединституте, была комсомольским активистом, меня вызвали в комитет комсомола и предложили выступить на собрании, посвященном вручению «Звезды» городу. Меня не пустили на работу в лагерь, пригрозили, что выгонят из комсомола, если откажусь от выступления. Однако вручение «Звезды» в 1985 году не состоялось, выступить мне

пришлось только в 1987 году. Благодаря памяти о моем дедушке, меня пригласили на такое торжественное собрание.

Естественно, что меня переполняет гордость за деда. Хотя в нашей семье не было принято говорить об этом везде. Не думаю, что подвиг дедом был совершен в один день. Скорее всего, вся его военная биография, как и у других солдат, – подвиг.

Читая его письма, понимаешь, что дед был лидером, который мог повести за собой людей. Он просто каждый день делал то, что должен был делать каждый советский человек в такое тяжелое для всей страны время.

Не так давно я заинтересовалась, где же находится орден дедушки. Я сделала запрос в архив в городе Подольске. Мне ответили, что по закону не вправе отдать «Звезду» семье. Случайно попалась книга с именем деда, я связалась с директором библиотеки имени Блинова. Она заинтересовалась биографией моего деда. Благодаря ее

содействию и помощи, мы смогли открыть мемориальную доску на кадетском лицее.

Газетные статьи, посвященные Кононову Николаю Ивановичу

В гостях у дочери героя

Имя героя Великой Отечественной Николая Ивановича Кононова не примелькалось мурманчанам. Даже в День Победы оно нечасто упоминалось. Между тем этот человек много лет жил и работал в Мурманске, и на фронт он ушел из нашего города.

Правда, воевал он не в Заполярье и погиб не здесь. Может, потому и не стало его имя таким известным и привычным для жителей Мурманска, как имена многих героев-участников обороны Советского Заполярья.

Но память о героях живет не только в монументах, экспозициях музеев и юбилейных публикациях. О Герое Советского Союза Кононове в Мурманске всегда была, да и сейчас остается, живая память. В нашем городе и теперь живут близкие ему люди.

Последняя открытка

Шла на встречу, а в памяти звучали известные строчки:

Мы тебе хороший дом построим,

Чтобы видно было по всему:

Здесь живет семья русского героя,

Грудью защитившего страну...

Но дом оказался совсем обычным – девятиэтажка в ряду многих девятиэтажек в Первомайском районе города. И квартира невыдающаяся: хотя и трехкомнатная, но небольшая.

Встретила меня дочь Николая Ивановича Кононова – Галина Николаевна Батузова и ее взрослые дети – Таня и Константин. Муж Галины Александр Батузов, ветеран тралового флота, был в море.

Сразу вижу, что меня ждали. На столике в гостинной аккуратно стопками разложены документы, книги, фотографии, газеты, радиogramмы – все, что бережно собирала более полувека и хранила жена героя Надежда Николаевна (она умерла три года назад), а теперь хранят его дочь и внуки. Самые главные и ценные реликвии, оставшиеся от отца – это его фронтовые письма, написанные четким, разборчивым почерком и открытки, присланные к праздникам. Как приметы тех суровых лет – типографические пометки на них: «Выше черты не писать», «Ниже черты не писать» и штампель «Цензурой просмотрено».

Последняя открытка, отправленная родным, датирована 20 апреля 1944 года: «Добрый день милая семья! Надюсик, Юрий и Галочка, поздравляю вас с праздником! Надя, во-первых, сообщаю, что 19.04.44 г. выслал тебе на праздник 1100 рублей. Пару слов о себе. Пока нахожусь в госпитале, чувствую себя хорошо, скоро, вероятно, выпишусь и опять вольюсь в ряды товарищей. Пожалуй, воздержись писать ответ на эту открытку по этому адресу. Ну, пока, дорогие, до свидания. Я вас крепко, крепко целую...».

Много ли напишешь в открытке? Да и мог ли он предполагать, что она будет последней?

«Пал смертью храбрых...»

Следующая весточка, уже официальная, пришла Надежде Николаевне ровно через два месяца со знакомыми до боли словами: «...ваш муж Кононов Николай Иванович 24 июня 1944 года пал смертью храбрых...».

Погиб 33-летний командир пулеметного взвода Николай Кононов далеко от Мурманска, в Белоруссии, под Витебском. Он был в это время уже дважды ранен, имел орден Красной Звезды. В наградном листе, составленном через шесть дней после его смерти, 30 июня 1944 года, сказано, что «гвардии младший лейтенант Н.И. Кононов,

командир пулеметного взвода 213-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, отличился в боях в районе деревни Орехи и ст. Шумилино, 22 и 23 июня 1944 года его взвод огнем своих пулеметов поддерживал наступление пехоты, уничтожил 3 огневые точки врага. 24 июня 1944 года под сильным артиллерийским огнем противника первым со своим взводом форсировал Западную Двину, на левом берегу завязал бой с немцами и лично сам из станкового пулемета отбил контратаку немцев...».

Спустя годы П. Константинов, участник боев за освобождение Шумилинского района, напишет о подвиге Николая Кононова вот эти, может, и не очень удачные, но искренние поэтические строки:

...А было так: придвинская земля
Стенала долго в непосильной муке,
И к небу поднимали тополя
Обугленные, израненные руки.
Был трудный бой у Западной Двины,
Казалось, что противника не выбить.
Но встали дружно Родины сыны,
Как будто бы реку хотели вздыбить...
А немцы прут за танковой броней,
И дрогнули ряды бойцов усталых.
Но Кононов кричит:
- Вперед! За мной!
Прижавшись к вороненому металлу,
Стреляя метко, он солдат увлек
В рывок, собрав слабеющие силы.
И пусть до цели был уж недалек,
Но жизни командиру не хватило...

Читаю о нем в кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном в Москве в 1987 году: «...Н.И. Кононов похоронен в братской могиле в деревне Загромадино Бешенковичского района Витебской области. Там же установлен обелиск. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 24 марта 1945 года посмертно. Его имя носит судно МРХ...».

Мурманск стал родным

Николай Кононов прожил неполных 33 года. Родился он в 1911 году в деревне Костино ныне Парфеньевского района Костромской области. Двадцатилетним приехал вместе с отцом на отхожий промысел в Мурманск. Почти год они плотничали в «Мурпищестрое». А потом Николая призвали в РККА. Он служил в дивизионе НКВД, окончил полковую школу младших командиров. Отслужив срочную, он не остался в армии. В начале побывал в родной деревне, но скоро снова приехал в Мурманск. Сюда привез из деревни и свою жену Надю. Небольшой деревянный город на берегу Кольского залива стал для них родным. Здесь у них в предвоенные годы появились на свет двое детей.

Некоторое время Николай был старшим браковщиком на консервном заводе. А в декабре 1937 года его командировали на учебу в Ленинград, в годичную правовую школу. После нее работал в Мурманске народным судьей, затем следователем.

Война перевернула жизнь и этой молодой семьи. Николая призвали в действующую армию, а Надежда с малышами была эвакуирована на родину, в Костромскую область.

Горек вдовий хлеб

В Мурманск Надежда Николаевна с детьми вернулась после окончания войны, в 1946 году. Юрке было тогда семь лет, а Гале – шесть. Нелегко пришлось семье без мужа и отца. Надежда Николаевна одна поднимала детей. Никаких привилегий и льгот за мужа,

кроме пенсии на сирот, не получала. Как и тысячи мурманчан, многие годы семья Кононовых ютилась в коммунальной квартире. И только в 1961 году вдове героя (после долгих хождений по инстанциям) дали однокомнатную. А позже, когда появились внуки, получили уже эту трехкомнатную.

Вплоть до ухода в 1966 году на пенсию по болезни (подвело сердце) Надежда Николаевна Кононова трудилась в системе горпищеторга. Последнее время была кассиром-контролером в магазине «Колос». Дети гордились матерью: ее фотография висела на Доске передовиков Октябрьского района Мурманска.

Магазин «Колос». Надежда Ивановна Кононова – четвёртая слева

Горек вдовый хлеб. Жить втроем на одну очень скромную зарплату, несмотря на пенсии, было нелегко. Вот и пришлось определить Юрия в 13 лет в нахимовское училище.

Раз уж зашел разговор о детях, надо сказать о них чуть подробнее. Не прельстившись военной карьерой, Юрий окончил потом Ленинградский институт точной механики и оптики. И уж так распорядилась судьба, что после учебы Юрий Кононов уехал на работу в Белоруссию, где погиб его отец, и сейчас живет и работает в Минске, у него растут две дочери.

А его сестра Галина окончила Мурманское педагогическое училище и вот уже тридцать три года работает в детских дошкольных учреждениях, причем последние девятнадцать лет – в детских яслях-саде № 16. Ее дочь Татьяна Звонарева, выпускница пединститута, - тренер областной детско-юношеской спортивной школы, сын Константин работает в Октябрьском районном управлении внутренних дел.

- Я родилась в 1940 году, - рассказывает Галина Николаевна, - и отца, конечно же, не помню. Мое детство и юность – это годы горького сиротства. Я видела, что мои ровесники, чьи отцы вернулись с войны живыми, жили лучше нас, и это казалось несправедливым. Жалко было маму, ведь жизнью солдатских вдов раньше мало кто интересовался...

Сегодня еще не забыт

Нет, нельзя сказать, что о подвиге Н.И. Кононова совсем забыли, и это подтверждают материалы, которые хранятся в семье героя, - письма, фотографии,

заметки. Тридцать с лишним лет назад поиски документов о нем начали белорусские школьники. Пионеры Новиковской средней школы Бешенковического района добивались присвоения их дружине имени Н.И. Кононова. Ребята вели переписку с Надеждой Николаевной, в школе был оформлен стенд, посвященный командиру пулеметчиков.

Здравствуйте, дорогая
Надежда Ивановна!
Вам пишут ученики в "В"
классе Парфеньевской средней
школы Костромской области.
Перед днём Советской Армии,
узнав, что ваш муж погиб в
Боях за Родину и наше сча-
стливое детство, мы решили
написать вам письмо.
Просим ответить на наше
письмо и рассказать в своём
письме всё, что Вы знаете
о Николае Ивановиче, а
ещё напишите, какая у Вас
семья и как вы сейчас
живёте. Ещё просим, если,
можно, то пришлите
фотографию Николая Ивано-
вича. Можем сообщить, что

Имя Н.И. Кононова занесено в книги «Навечно в сердце народном» и «Память», изданные в Белоруссии к 30-летнему и 40-летнему юбилею Победы.

Но, пожалуй, еще дороже то, что год за годом уже несколько десятилетий за могилой Николая Ивановича бескорыстно и любовно ухаживает простая белорусская женщина Ирина Панфиловна Ерошенко, недалеко от дома, которой он похоронен.

Помнят о Герое и на его родине в Парфеньевском районе Костромской области. Там установлена посвященная ему мемориальная доска. Рассказывается о Кононове и в книге Е.П. Голубева «Боевые звезды», выпущенной в 1972 году в Ярославле.

А что в Мурманске? У нас чаще других вспоминали это имя в Мурманском тралфлоте. Дело в том, что в декабре 1966 года траловый флот пополнился прибывшим из новостроя большим морозильным рыболовным траулером, на борту которого красовалось название «Николай Кононов». Как тогда было принято моряки нового БМРТ, в том числе и сам капитан Чистяков и помполит Игнатюк, познакомились с семьей героя. Они, как могли, заботились о Надежде Николаевне – присылали цветы, поздравления, сувениры.

В семье хранят память и о событии, которое произошло 1 октября 1987 года. В этот день во Дворце культуры имени С.М. Кирова М.С. Горбачев вручал Мурманску Золотую

звезду города-героя. Внучка Николая Ивановича Таня, в то время студентка пединститута, была приглашена на это торжественное собрание и выступила на нем.

Рвутся нити памяти

Конечно, я думаю, что сам Николай Кононов, как и его боевые товарищи, вряд ли думал о славе и почестях. Сохранить память о них сегодня в будущем – это наш долг перед ними, перед их детьми и внуками, перед собственной совестью.

Сейчас выходит, что Николай погиб на земле другой страны, на земле Белоруссии. И хотя нам она и сегодня не кажется чужой, эта земля, кто знает, как будут относиться в дальнейшем к памяти наших российских героев заграничные граждане? Во всяком случае, связи ослабевают. Уже несколько лет не приходят в семью героя письма от белорусских школьников. Постарела за эти годы, но, слава богу, жива еще Ирина Панфиловна Ерощенко... Случись что, найдется ли другой такой человек?

А в Мурманске, на второй родине героя? В марте прошлого года в управлении «Севрыбпромразведка» списан на металлолом БМРТ-422 «Николай Кононов». Ничего не поделаешь, суда живут даже меньше, чем люди. Порвалась еще одна ниточка памяти... По каким-то причинам не попало имя героя в первый том мурманской Книги памяти. Правда, главный редактор издания историк С.Н. Дашинский, узнав об этом пробеле, пообещал исправить ошибку и поместить биографическую справку о Н.И. Кононове в заключительном томе Книги памяти.

Пожалуй, не мешало бы и администрации Мурманска подумать, как сохранить память о герое. Активисты общества охраны природы в связи с 50-летием Победы выступили с хорошей инициативой – провести акцию под девизом «Каждому погибшему – живой знак памяти». Какой же знак мы поставим Николаю Ивановичу Кононову?

Источник: В гостях у дочери героя / Л. Одинцова // Мурманский вестник. - 1995. - 26 апр.

Памяти героя

Николаю Ивановичу Кононову, народному судье из Мурманска, не было и тридцати лет, когда летом 1941 года он добровольно ушел на фронт. Возможно, он решил, что с юридическими тонкостями в тылу справятся и другие.

- Я вернусь героем, - сказал он жене, оставшейся в Мурманске с двумя детьми. Героем он действительно стал, а вот с войны не вернулся.

Ему не довелось воевать на Мурманском направлении. Волею приказа Николай Кононов оказался на другом участке фронта, а в 1943 году окончил курсы младших лейтенантов и получил назначение командиром пулеметного взвода 213-го гвардейского стрелкового полка.

Дважды был ранен. За отвагу награжден орденом Красной Звезды. 24 июня 1944 года в боях под Витебском его взвод одним из первых в полку преодолел реку Западная Двина и тут же завязал бой с гитлеровцами. Командир удачно расположил пулеметные расчеты, умело организовал оборону захваченного плацдарма. Во время этого кровопролитного боя Николай Кононов погиб и был похоронен на месте боя.

В Белоруссии его помнили. В 1954 году останки погибших солдат и офицеров из одиночных могил были перезахоронены в братской могиле в деревне Загромадино Бешенковичского района Витебской области. На могиле установлен обелиск, первым среди имен выбито имя Героя Советского Союза Н.И. Кононова.

- А вот в Мурманске имя Николая Кононова было почти забыто, хотя здесь продолжала жить его семья, говорит директор бывшей школы № 19, ныне Мурманской

кадетской школы Михаил Белошеев. – Какое-то время его имя носил большой морозильный рыболовецкий траулер. А потом корабль списали.

- После войны бабушке пришлось непросто, - рассказывает внучка Николая Кононова Татьяна Фаюк. – Семья вернулась из эвакуации в Мурманск, а квартира оказалась занятой. Поскольку Звезду Героя бабушке не отдали, то приходилось постоянно доказывать, что она является вдовой Героя Советского Союза. Замуж больше она не вышла.

И вот вчера спустя 67 лет после гибели героя на фасаде мурманской кадетской школы торжественно установили мемориальную доску, на которой выбито имя Николая Ивановича Кононова.

- Очень символично, что это происходит, когда мы празднуем день рождения нашего города, - сказал на церемонии открытия памятной доски глава администрации города Мурманска Андрей Сысоев. – Николая Кононова никто не заставлял идти на фронт, но его высокие моральные принципы не позволяли ему остаться в тылу. Он ушел защищать и Мурманск, и свое Отечество. Я очень благодарен учащимся кадетской школы и их директору Михаилу Белошееву за то, что они сделали. Ведь память – это самое дорогое, что у нас есть.

Источник: Памяти героя / А. Киришко // Вечерний Мурманск. - 2011. - 7 окт.

Время над памятью не властно

В столице Кольского Заполярья состоялось торжественное открытие мемориальной доски в честь Героя Советского Союза Николая Кононова. Николай Иванович исполнял обязанности народного судьи седьмого городского участка в 1938-1939 годах. Памятник установлен на фасаде дома № 63 на проспекте Ленина – там, где до своего призыва на фронт проживал герой.

- Николай Кононов прожил всего 33 года, но большая часть его жизни была посвящена значительным делам, - отметил глава администрации города Мурманска Андрей Сысоев. – Он служил правосудию на нашей суровой земле, служил Родине и

отдал жизнь за нее. Хочу поблагодарить всех, кто принял активное участие в увековечении памяти Героя Советского Союза.

Идею установки такой памятной доски предложили представители Мурманского областного суда, мурманское отделение общественной организации «Российское объединение судей», а также Управления Судебного департамента в Мурманской области и органов судейского сообщества.

На церемонии открытия присутствовала и внучка Николая Кононова Татьяна Фаюк. Она с любовью хранит память о дедушке и несколько раз посещала место его захоронения в Республике Беларусь.

- Моя бабушка после того, как погиб дед, больше не вышла замуж. Она свято хранила память о своем муже, а теперь ее сохранили и мы, - рассказала Татьяна. – Это мероприятие – дань уважения не только Николаю Ивановичу, но и всем героям Великой Отечественной войны.

Источник: Время над памятью не властно // Вечерний Мурманск. - 2018. - 22 февр.

Проезд имени деда

Уважаемый Андрей Иванович Сысоев! К вам обращается Татьяна Александровна Фаюк, внучка Героя Советского Союза, народного судьи 7-го участка города Мурманска Николая Ивановича Кононова.

В сентябре прошлого года вышло постановление «О присвоении наименования элементу улично-дорожной сети, расположенной между улицей Софьи Перовской и улицей Пушкинской в Октябрьском административном округе города Мурманска, имени Николая Кононова».

Наша семья благодарит администрацию города Мурманска и лично главу администрации Андрея Ивановича Сысоева за присвоение имени моего дедушки – Николая Ивановича Кононова – одному из мурманских городских проездов, рядом с которым расположен Мурманский областной суд.

И я, и моя семья считаем, что такие поступки – лучший метод воспитания патриотизма, любви к Родине, стремления быть похожим на этих героев, живших ради блага народа, преданных своему делу и своей Отчизне! Очень важно, чтобы жители Мурманска не забывали своих земляков, отдавших свои жизни за наше будущее.

Наша семья желает властям города Мурманска и лично Андрею Ивановичу Сысоеву, чтобы в этом году осуществились все ваши добрые начинания, планы и замыслы. Желаем, чтобы каждый день наступившего года открывал новые перспективы, а рядом всегда были любимые люди, хорошие друзья и надежные партнеры. Крепкого здоровья вам, душевной гармонии, счастья и удачи во всех начинаниях!

С уважением Татьяна Фаюк, город Санкт-Петербург.

Источник: Проезд имени деда // Вечерний Мурманск. - 2019. - 19 янв.

Из биографии и воспоминаний председателя Кандалакшского городского народного суда Лукьянова Александра Осиповича

Александр Осипович Лукьянов родился 9 июня 1924 года в Вологодской области. Участник Великой Отечественной войны.

Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны, боевыми и юбилейными медалями.

С 1953 года – судья. Более 36 лет проработал в Кандалакшском районном суде, в том числе 24 года – его председателем.

Первым в Мурманской области удостоен высокого звания «Заслуженный юрист РСФСР».

23 апреля 2008 года присвоено звание Почётный гражданин города Кандалакша.

Из воспоминаний А.О. Лукьянова:

- О том, что буду судьей, я никогда не предполагал, да и слово юрист в те былые годы я в обиходе не слышал.

Но всему предшествовал случай. В те довоенные годы я с родителями проживал в поселке Пиренга, который располагался в устье реки Пиренга. Теперь этого поселка уже нет, через реку построен мост, через который вы будете проезжать, если поедете в город Мурманск.

Не удивляйтесь, в те времена в поселке не было школы, телефона, радио. Все дети из лесопунктов Пиренга, Уполокша, Гирвес-губа, Молочная с первого класса учились и жили в интернате Зашейковской средней школы и обеспечивались Зашейковским лесокombинатом.

В летнее время самым любимым занятием была рыбалка. Рыбу никогда не покупали. Для нужд брал удочку, шел на реку, ловил и приносил как купленную в магазине. Так обычно делали все, кто занимался рыбалкой. А охота! У нас было ружье 16-го калибра. С 14 лет отец разрешил мне ходить с ним на охоту. В те времена еще лес вокруг поселка не был вырублен, и дичь водилась в нем. А глухариный ток – необыкновенное зрелище. Каждую весну тетерева и глухари собираются, как правило, на одну и ту же поляну в пределах двадцати-тридцати штук и начинают танцы, пляски, а иногда и драки из-за «любимой». Получается, что пошел на охоту, но не сделаешь ни одного выстрела, будучи очарован их танцами. В общем, в таких случаях пойдешь на охоту, не сделаешь ни одного выстрела, а посмотришь танец «белых лебедей», как в Мариинском театре.

Теперь уже таких концертов, такого размаха присутствующих, наверное, не встретишь. Охотников стало больше, а создания условий для воспроизведения дичи мало или вообще нет. А жаль!

Наступил 1941 год. Я окончил 8 классов Зашейковской средней школы и проживал с родителями. Поселок жил обычной жизнью и казалось, ничто не нарушит этой тишины для простых людей-лесорубов. Но мы ошибались. В один из дней прибыл уполномоченный из района и объявил, что началась война. Сразу после этого объявления много жителей ушли добровольцами на войну. Почти сразу же со стороны Финляндии через поселок стали летать фашистские самолеты, которые бомбили Кировскую железную дорогу. Строящийся аэродром в поселке Африканда и города Кировска, города Апатиты тогда еще не было. Разбомбив железнодорожное полотно, немцы пытались прервать снабжение всем необходимым города Мурманска и жителей других населенных пунктов.

Отбомбив, фашистские самолеты возвращаясь стреляли на бреющем полете по всему двигающемуся из пулеметов. В одну из таких перестрелок попали и мы. В это раннее утро мы с отцом на лодке ездили посмотреть сети на озере Имандра. Проверив их, возвращались в поселок. И надо же такому совпадению, что в это время фашистские самолеты, отбомбив, возвращались в Финляндию, и, заметив нас, на бреющем полете стали обстреливать. По приказу отца я прыгнул в воду и спрятался за бортом лодки, держась за цепь. Туда же спрятался и отец.

Фашистский самолет сделал круг и, убедившись, что в лодке никого нет, улетел в Финляндию. А мы влезли в лодку и добрались до берега. На наше счастье фашистский самолет прострелил борта нашей лодки, но выше ватерлинии и она не затонула. Так мы встретили войну с глазу на глаз. Положение на фронтах складывалось не в нашу пользу. Немцы, финны прорвались в Карелию и захватили город Петрозаводск. Железная дорога была перекрыта. Началась эвакуация населения женщин и детей на материк, на водном транспорте (пароходах, грузовых судах) в Архангельск.

На одном из них вывезли меня с матерью в Вологодскую область Белозерский район. Там в деревне не стреляли, не бомбили и как-то не ощущались все ужасы войны. Ребята моего возраста и меньше, женщины пахали, сеяли и собирали урожай. Но за внешним спокойствием ощущалась тревога за жизнь ушедших на войну отцов и сыновей. Уже стали поступать похоронки о гибели на фронте некоторых из них. Ну вот и наступил 1942 год, когда мне «стукнуло» 18 лет. Казалось, что в военкомате этого только и ждали, поскольку сразу же вызвали в военкомат, призвали и направили служить в поселок Ваенга Мурманской области. Признаться, я был этому рад. Мечтал уж, если служить, то только на флоте. Мурманск встретил нас недружелюбно. В период, когда состав прибыл на станцию, была объявлена тревога. Были очередной налет и бомбежка города немецкими самолетами. По команде мы выгрузились из вагонов и спрятались под ними. На наше счастье самолеты немцев бомбили другой район города. Под покровом ночи нас построили, и пешком мы добрались до поселка Ваенга, где располагался запасной полк.

Там обычно распределяли вновь прибывших по частям. Меня распределили пулеметчиком в какую-то часть, которая располагалась на границе. События развивались так быстро, что сейчас не помню их последовательность. Помню, что на прифронтовой полосе мы сидели в землянке и стреляли по врагу. В общем, между сторонами велась вялая перестрелка. Но были и потери среди тех, кто уходил в разведку на вражескую территорию. Но мне повезло.

Моя мечта служить только на флоте осуществилась. В один из дней в землянку пришел «старший» и сказал, что меня вызывают в штаб западного полка в Ваенге. Я очень волновался, за что ж меня вызывают, да еще в штаб. Вроде ничего противоправного не совершал.

А все сложилось просто неприятно для меня. В штабе сказали, что меня направляют, как и ряд других, учиться в школу оружия Северного флота, которая располагалась на Соловках.

Было военное время, и срок подготовки специалистов был сокращенным. Через три месяца вместе с другими специалистами (радисты, мотористы и т.д.) меня направили в город Рыбинск, где достраивались большие морские катера, оборудованные «Катюшами», автоматической зенитной пушкой и двумя пулеметами «Кольт». Время было тяжелое. Медлить было нельзя, поэтому на не полностью готовых к выходу кораблях сформировывались команды, каждая из которых днем работала на заводе, а по ночам осуществляла их охрану.

С открытием навигации мы по Мариинской системе шли в город Вытегра, где в это время сформировалась Онежская военная флотилия. Туда же подошли несколько торпедных катеров и два бронекатера. На мой взгляд, военные события развивались вяло, а мы ритмично, но старались незаметно по Мариинской системе проходить ближе к фронтовой полосе поселка Вознесенск, делали несколько залпов и «убегали». Один залп трех «Катюш» - это 16 снарядов. А если в операции участвуют два, три катера и каждый из них делал 1-2 залпа из «Катюши», то переполох и ущерб немцы и финны получали приличный. Неслучайно, что вслед за этим они тоже начинали обстрел, вылетали их самолеты, но мы же знали, что последует со стороны врага после нашей операции, поэтому удирали в заранее подготовленные укрытия. Но были и небольшие потери с нашей стороны. Но вместе с тем я, простой флотский старшина, уже в то время понимал, что немцы и финны устали от войны и наша победа в недалеком будущем.

26 июня был высажен десант моряков Онежской военной флотилии в районе поселка Желтозеро. Позднее такой же десант моряков высадился и в районе поселка Дровяной. Это пригород города Петрозаводска. Еще до высадки десанта в поселке Дровяное из моряков отряда были сформированы две группы, задача которых - тайно высадиться на берегу города Петрозаводска и, не вступая в бой, захватить почтовый центр и железнодорожный вокзал.

Поскольку я ранее бывал в городе Петрозаводске и знал его расположение, мне как руководителю одной из групп поручили захват охраны железнодорожного вокзала до прихода наших войск.

Еще в сумерках на торпедных катерах нас высадили на берегу. Сняв гюйсы (это воротнички флотской формы), мы тихими улочками подошли к железнодорожному вокзалу, а около него бегал человек с факелом, пытаясь его поджечь. Вокзал был не тот, что сейчас в Петрозаводске, а деревянный, чем-то обшитый, если бы он сгорел вместе с техникой, то могли возникнуть проблемы с пропуском составов по Кировской железной дороге до города Мурманска. Увидев нас, этот «поджигатель» (он был одет в форму финского солдата) побежал к недалеко стоявшей на ходу дрезине, где было еще несколько человек с оружием. Я успел догнать этого солдата и ударил его прикладом по голове, подбежали мои ребята. Мы повязали этого финна и, откровенно говоря, первоначально не знали, что с ним делать, ведь находились на финской территории. Правда, он не сопротивлялся и просил нас на ломаном русском языке не убивать. Стоявшая «на парах» дрезина с финнами ушла. К этому времени наши десантники из Уйской губы уже вошли в город, поэтому захваченного финна мы сдали в образованный штаб. В стороне, в этом же помещении, за другим столом я заметил одетого в солдатскую куртку человека, с которым, как я подумал, когда-то встречался. Он был высокий, статный, с головой в мелкие кудри. Явно отличался от других. После сдачи захваченного финна и данных обо мне меня попросили подождать в другой комнате, где тоже было много военных, но пониже чинами.

В процессе ожидания и разговора с офицерами я поинтересовался, а кто же это такой статный и кудрявый человек, находящийся в другой комнате. Они были удивлены тем, что я не знаю руководителя партизанского движения Карелии Андропова Юрия

Владимировича, а я ведь встречался с ним в Рыбинске, когда в начале войны, будучи секретарем Ярославской областной комсомольской организации, с открытием навигации он руководил спуском кораблей на воду, а я в группе моряков, выделенных частью, помогал рабочим, причем рабочие это были, как правило, женщины.

Поскольку из выделенных частью моряков я уже был старшим, носил одну лычку «старший матрос», поэтому ежедневно докладывал человеку в горкоме комсомола в Рыбинске о проделанной работе. Он иногда хлопал по плечу и называл меня старшиной, а я его секретарём.

Вторично встретился с ним уже в Петрозаводске, когда доставил пленного финна в штаб. Это был тот же Андропов, но только постарше и небритый и не в той одежде. Не узнать Андропова было просто невозможно. Уж слишком яркая внешность. Меня подмывало подойти к нему и поздороваться, как старые знакомые, но не решился, уж слишком разные у нас были статусы. Да и в двух комнатах, где мы находились постоянно, сновали офицеры «туда-сюда», а я-то рядовой.

После освобождения Ладоги и Онеги нас перевели на Балтику, где включили в отряд катеров морских охотников, задачей которых было сопровождение кораблей, подводных лодок, тральщиков и так далее к немецким берегам. Охраняли от проникновения вражеских катеров наши берега.

Немало хлопот представляли и плавающие мины, на которых подрывались корабли: как наши суда, так и противника. По меткому выражению одного старослужащего, на Балтике их так много, как «галушек в супе». На одной из них в 1944 году подорвались и мы. Взрывной волной меня с палубы выбросило в море. Как летел, я не помню, только «очухался», когда «плюхнулся» в воду. Сразу почувствовал резкую боль в левой ноге.

Когда летел, зацепился ногой о какой-то предмет с катера. Катер не затонул. Сразу же после взрыва подошел корабль соседней точки дозора, затем - аварийный буксир с острова Лавансари, он отбуксировал нас в Ленинград на судоремонтный завод для ремонта.

Пролечившись больше месяца в госпитале, я вновь приступил к службе на катере. Вообще 1944 год для меня как-то сложился неудачно. Немцы чувствовали свое поражение, редко, но иногда производили бомбежки. В один из налетов взрывной волной меня выбросило из катера в море, но обошлось без повреждений, и после небольшого лечения я вновь вернулся служить.

После окончания войны и срока службы в 1950 году я приехал на свой любимый Север. Работал лесотехником в Кировском лесхозе, одновременно учился в 10 классе Кировской вечерней школы. Но вот сдал экзамены и встал вопрос, что же делать дальше. Все решил тот случай, о котором я писал в начале своего повествования. В одной из передач по радио сообщили, что производится прием на учебу в Ленинградскую юридическую школу, желательно участников войны, работников партийных органов. Я по всем канонам подходил, поскольку еще и был неосвобожденным секретарем партийной организации лесхоза.

В Ленинграде не только обучился профессии, но и встретился со своей будущей женой Александрой.

После подачи документов был вызван для сдачи экзаменов, которые сдал, и был зачислен студентом. Окончив учебу в 1953 году, по моей просьбе, был направлен на работу судьей все на тот же Крайний Север. Явившись 7 сентября в Управление юстиции, начальник Егоров Ф. Ф., как мне показалось, радушно встретил меня и, пожав руку, предложил работу судьи в Саамском районе со столицей в поселке Гремиха. В то время Саамский район и Териберский со столицей в поселке Териберка были самостоятельными районами. Позднее их ликвидировали.

Я знал, что это самое глухое место, но отступить было поздно, тем более он пообещал, что если у меня по работе будет складываться все нормально, то в очередные

выборы, а это через год, меня переведут судьей в Мурманск или другой город с большим объемом работы.

Функцию судьи в то время в Гремихе осуществлял народный заседатель, работник банка. Тогда в состав суда, осуществляющего правосудие, входили председательствующий, как правило, юрист и два народных заседателя, избираемых народом.

В эту избирательную компанию я должен был встретиться с избирателями и рассказать о себе. В одну из поездок для встречи я на пассажирском пароходе прибыл в поселок Поной. Там пристани не было, за пассажирами в море выходила «дора» - это большая лодка с мотором. При этом в период волнения моря «дора» не подходила к пароходу, а груз и пассажиров загружали краном в большом сетчатом оплетенном из троса мешке. На берегу встретились с начальником, это был заведующий фактории по обработке рыбы, он провел меня в помещение и показал лежащую семгу. Это был один экземпляр в пределах тридцати килограммов. Я поинтересовался, куда эту рыбу отправляют, он указательным пальцем ткнул в небо и сказал, что в Москву, в Кремль. Я подумал, что, видно, там мужики неплохо живут. Подумал, но не сказал, и вы догадываетесь почему.

И вот я судья Саамского района. Работы мало, жилищные условия отвратительные. Выезд для рассмотрения дел в другие поселки зимой только на оленях. В суде было как инвентарь несколько экземпляров одежды для таких поездок, это ватные брюки, фуфайки, пимы, малицы, сшитые из оленьей шкуры. И вот все готово для первой поездки. Закуплены продукты, подошли олени упряжки, управляемые оленеводами.

Но оказалось не все, ко мне подошел мужчина – судебный исполнитель суда - и по секрету сказал, что едем надолго, будем ночевать в тундре и не мешало бы взять пол-литра спирта. Я очень мало и редко употреблял спиртное, но согласился, и не зря.

Вы наверняка знаете, что в тундре дорог не бывает, оленевод, вожатый оленей, ориентируется по скалам, речушкам и ни за что не поедет, если стемнеет. Можно заблудиться и ездить по тундре Кольского полуострова до бесконечности. Стало темнеть. Объявлена остановка, разводим костёр из дров, захваченных с собой. Ну как не вспомнить строганину из оленя, нарезанную оленеводом, заваренный горячий чай с добавлением того самого спирта.

После такой трапезы ложились спать, да не на кровать или на печку, а в снег, предварительно закрыв лицо малицей, чтобы не обморозить его. Утром пороша так заметет, что «отдыхающих» приходилось раскапывать. На завтрак все тот же рацион, горячий чай с небольшим добавлением спирта. Последний напиток употреблялся и при растирании замерзающего тела. Это был один из эпизодов «выездной сессии» рассмотрения дел, но были и поинтереснее.

Прошло более года, и в конце 1954 года прошли выборы судей по всей России. Я был избран судьей Кандалакшского района.

Дел, особенно уголовных, было много, и, как правило, с выездом в населенные пункты: Моша, Севреный, Нользеро, Пажма, Ковдозеро и другие. Теперь уже этих поселков нет. Они «умерли» в связи с ликвидацией леспромхозов: Нотозерского, Кандалакшского и т.д.

Спустя несколько лет 2 суда в городе Кандалакше и Кандалакшский районный были объединены в Кандалакшский городской суд, где я стал председателем.

Судьи часто менялись, то ли от большой нагрузки, то ли по семейным обстоятельствам или по иным причинам. Только одна судья (это всегда спокойный, грамотный юрист,

трудяга – Бурцева Анастасия Васильевна) проработала в этом суде около тридцати лет, и мы вместе в 1987 году ушли в отставку.

После этого в судебной системе шла какая-то реорганизация, «старые» судьи уходили, а новые не шли, что-то не «стыковалось» с зарплатой, выборность судей прекратилась, а поступление как уголовных так и гражданских дел росло. И по просьбе я еще три раза по году замещал судью. Ушел в отставку я уже в «ранге» «Заслуженный юрист России» и «Почетный гражданин города Кандалакши».

Прошли годы и иногда друзья, просто знакомые спрашивают, неужели при моих показателях в работе не предлагали работу в вышестоящих инстанциях. Предлагали неоднократно работу заместителя председателя областного суда, заместителя начальника управления юстиции облизполкома. Но всякий раз я отказывался. Это не мое. Административная работа - это когда ты указываешь или указывают тебе. Судья же при рассмотрении конкретных дел независим, что дает возможность вынести приговор или решение в соответствии с действующим законодательством.

В те времена помимо «общих судов» на каждом предприятии, организации избирались и работали товарищеские суды, избираемые членами коллективов. Они разбирали и наказывали нарушителей трудовой

дисциплины, неправильно ведущих себя в быту и общественных местах. Иногда только сам факт рассмотрения неправильного поведения нарушителя в коллективе имел существенное воздействие на его поведение. Теперь таких судов в коллективах нет, а жаль, что их ничем их не заменили. Кстати, в то время работу всех товарищеских судов, их учебу, проводил «совет товарищеских» судов города, который я возглавлял свыше десяти лет.

Народные судьи тщательно готовились к выездным судебным заседаниям. О них заранее оповещалось население. Например, в клубе «Заря» рассматривалось дело по обвинению несовершеннолетнего Ф. в преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 145, п. «б» ч. 2 ст. 146, ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. По делу выступил общественный обвинитель, осудивший преступные действия подсудимого. В то время, когда состав суда находился в совещательной комнате, помощник прокурора выступил перед присутствовавшими с лекцией «Об уголовной ответственности несовершеннолетних». После оглашения приговора судья провёл беседу «Пьянство порождает преступления». На это уходило немало времени.

В 1973 году Кандалакшский городской народный суд переехал из района Нива-3 в новое здание на ул. Первомайская, 81а. Часть его цокольного этажа изначально предназначалась для суда, поэтому в ходе строительства пришлось освоить должность «прораба».

5 марта 2011 года мне было доверено вместе с нынешним председателем Кандалакшского районного суда Николаем Николаевичем Харламовым поднять государственный флаг над новым зданием суда на ул. Курасова. Символично, что это

здание, в котором раньше располагался Клуб железнодорожников имени 10-летия Октября, «родившийся», как и суд в Кандалакше, в 1927 году, и где я и другие народные судьи не раз рассматривали дела в выездных судебных заседаниях, сохранилось. Надеюсь, что сохраняются и традиции правосудия, направленные на защиту законности.

Мой жизненный путь – это путь многих, кто сражался в период Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. Сражались и победили, а после победы учились и длительное время осуществляли, как говорили ранее, «социалистическое» правосудие. Давайте же, молодежь, склоним перед ними голову и скажем им большое спасибо.

Источник: <http://www.sudmus.murman.ru>

Из биографии и воспоминаний председателя военного трибунала Северного флота Титова Фёдора Дмитриевича (1958 – 1963)

Утром 11 января 1962 года в городе Полярном Мурманской области на борту дизельной подводной лодки «Б-37», стоявшей у пирса Екатерининской гавани, взорвался боезапас – 12 боевых торпед. В результате самой крупной катастрофы в истории российского подводного флота число жертв на «Б-37» и стоявшей рядом «С-350», а также на пирсе торпедно-технической базы достигло 122 человек.

Обстоятельства катастрофы «Б-37» изучала правительственная комиссия, которую возглавил Главком ВМФ Горшков С. Г. Сюда же входила большая группа ученых под руководством академика Александрова А. П. Сначала они выдвинули двадцать четыре версии, с каждой основательно работали. В итоге сошлись в одном: детонацию боезапаса спровоцировал объемный пожар в торпедном отсеке, истинную причину возникновения которого установить не удалось.

Министр обороны Маршал Советского Союза Малиновский Р. Я. доложил первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н. С. и Президиуму ЦК, что в случившемся непосредственно виноват командир «Б-37» капитан 2 ранга Бегеба, уцелевший в этой аварии. Он был отдан под трибунал, а целый ряд руководителей, в том числе командующий флотом адмирал Андрей Чабаненко, освобождены от занимаемых должностей.

22 июня 1962 года военный трибунал Северного флота под председательством полковника юстиции Фёдора Дмитриевича Титова оправдал командира подлодки «Б-37». Этот процесс вошел в историю военных судов как хрестоматийный пример проявления независимости судьи, преодолевшего давление на суд из высших эшелонов власти.

Фёдор Дмитриевич Титов родился в Москве в 1915 года. После окончания десятилетки поступил в столичный юридический институт. Однако жизнь внесла некоторые коррективы в планы будущего правоведа. В 1939 года была основана Военно-юридическая академия, готовящая офицеров для военных трибуналов и прокуратур, в которую в предвоенные годы перевели часть студентов из других вузов. В их число попал и Титов. За два месяца до начала войны он закончил академию и был направлен в военный трибунал Балтийского флота. После войны он уже возглавлял отдел флотских трибуналов Управления военных трибуналов Минюста, а затем в звании подполковника юстиции проходил службу в качестве руководителя правового отдела Советской военной администрации в Германии, которая непосредственно управляла советской зоной оккупации с 1945 года до момента образования ГДР в 1949 году.

В 1958 году Титов возглавил военный трибунал Северного флота.

Закрытое заседание трибунала по рассмотрению уголовного дела по обвинению Бегебы в совершении преступления, предусмотренного ст. 260, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР, проходило в Полярном с 18 по 22 июня 1962 года.

Обвинительное заключение было сформулировано так:

«Капитан 2 ранга Бегеба Анатолий Степанович, являясь командиром подводной лодки «Б-37», преступно-халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей, систематически нарушая требования Корабельного устава (КУ) и Наставлений Военно-Морского Флота... Во время возникшего на подводной лодке пожара около 8 часов 20 минут Бегеба не выполнил долг командира, как это предусмотрено ст. 156 КУ, ст. 13 «Наставления по борьбе за живучесть подводной лодки». Зная, что в лодке осталось много людей, в главный командный пункт лодки он не спустился, обстановку не выяснил, личный состав на борьбу за живучесть корабля не

возглавил и занялся выполнением второстепенных, не столь важных в создавшейся обстановке вопросов, по существу отстранившись от командования кораблём... В нарушение ст. 126 КУ Бегеба недостаточно осуществлял контроль за боевой подготовкой личного состава, за состоянием оружия и технических средств, а также организации службы на корабле, вследствие чего на подводной лодке «Б-37» по вине личного состава имели место две аварии: в 1960 году – попадание морской воды в боевую торпеду и вывод ее из строя и в 1961 году – попадание воды в аккумуляторную батарею».

После оглашения обвинительного заключения Бегеба на вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным, ответил: «Обвинение понятно. Виновным в том, что произошло на подводной лодке утром 11 января 1962 года, себя не признаю. Что касается аварийных происшествий, имевших место в 1960 и 1961 годах во время автономного плавания, за них вышестоящим командованием я был наказан в дисциплинарном порядке. Оспаривать эти факты не имею оснований».

«...Многое пришлось пережить, передумать, пропустить через сердце, чтобы сделать единственно правильный и обоснованный вывод. С одной стороны – тяжелейшая катастрофа с многочисленными человеческими жертвами и огромным материальным ущербом, решение высшего партийного органа, приказ Министра обороны, выводы командования ВМФ, мнение ученых во главе с таким авторитетом, как академик Александров А. П., наконец, материалы органов следствия. С другой – требования закона обоснованно и убедительно определить, в чем конкретно состоит вина командира в случившейся катастрофе», - вспоминал о длительном процессе принятия решения Титов.

В ходе судебного разбирательства Титов и народные заседатели, капитан 1 ранга Шкодин и капитан 2 ранга Савельев, пришли к выводу, что часть эпизодов обвинения, предъявленные Бегебе предварительным следствием, подлежат исключению, как не нашедшие подтверждения в процессе судебного следствия. Часть других эпизодов имели место, но не в том объеме, как об этом сказано в обвинительном заключении. И они не могут служить основанием для вывода, что Бегеба «преступно-халатно» относился к исполнению своих служебных обязанностей, так как допущенные им нарушения не носили систематического характера и не было добыто данных о том, что они повлекли за собою тяжелые последствия и находились в причинно-следственной связи с катастрофой.

На основании этого военный трибунал Северного флота 22 июня 1962 года приговорил: Бегебу по ст. 260, п. «а» УК РСФСР оправдать, меру пресечения в отношении его – подписку о невыезде – отменить.

Оправдательный приговор вызвал бурную цепную реакцию. Подробно о том, что происходило за кулисами, рассказывает Титов Ф. Д.: «Посмотрел в зал. Присутствующие в полнейшем оцепенении. Все молча стоят. Полного оправдания подсудимого никто не ожидал! Первым пришел в себя и выскочил из зала военный прокурор полковник юстиции Титков. Несмотря на позднее время, он сумел организовать катер, на нём убыл в Североморск и, как выяснилось позже, сразу доложил адмиралу Касатонову об оправдательном приговоре. На следующий день начальник канцелярии военного трибунала передал мне приказание командующего немедленно прибыть к нему.

Я ещё не успел толком доложить о своём прибытии, как адмирал, стуча кулаком по столу, набросился на меня:

- Вы что, решили Президиум ЦК учить?! Вы выбили у меня из рук рычаг, с помощью которого я хотел повернуть всю работу командиров по искоренению серьезных недостатков в службе, укрепить дисциплину! Вы что, решили быть умнее тех, кто был в госкомиссии, умнее прокуратуры флота, проводившей следствие по делу?!

Эту тираду командующий закончил тем, что заявил: такой приговор не соответствует действительности и по протесту военной прокуратуры флота будет отменен, а Бегеба все же будет осужден...

Я тоже вспыхнул и заявил:

- Что вы на меня кричите, ведь я вам в своей работе не подчинен!

Тогда Касатанов, топнув ногой, буквально закричал:

- А кому же вы подчинены?

- Я подчинен советскому правосудию!

23 августа 1962 года кассационный протест военного прокурора СФ на приговор, которым был оправдан бывший командир «Б-37», рассмотрела Военная коллегия Верховного Суда СССР. Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационного протеста военного прокурора, коллегия нашла оправдательный приговор в отношении Бегебы законным и обоснованным, так как выводы суда, изложенные в приговоре, полностью соответствовали установленным по делу данным.

О том, что приговор устоял в высшей инстанции, Титов узнал во время отпуска из телеграммы своего заместителя полковника юстиции Василия Маслова: «Оправдательный приговор оставлен в силе. Рад за правосудие. Поздравляю. Маслов».

Полковнику юстиции Титову 23 февраля 1963 года присвоили воинское звание – генерал-майор юстиции, а еще полгода спустя его назначили начальником организационно-инспекторского отдела Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Источник: Мурманский судебный вестник. - 2014. - № 1.

Из биографии председателя военного трибунала Северного флота, генерал-майора юстиции Худоерко Александра Михайловича (1972 – 1979)

Председатель военного трибунала Северного флота, генерал-майор юстиции, участник Великой Отечественной войны Александр Михайлович Худоерко возглавлял военный трибунал Северного флота с 1972 по 1979 годы.

А. М. Худоерко родился 14 декабря 1925 года на хуторе Старая станица Каменского района Ростовской области. В июне 1942 года окончил Каменскую среднюю школу и сразу добровольцем на фронт. Исполнилось ему тогда 16 лет.

Шли жестокие бои. Под натиском врага кавалерийская воинская часть, дислоцируемая в Старой станице Каменского района Ростовской области, куда Александр был зачислен на должность юного казака, прошла Дон, Кубань, Терек. В связи с большими потерями (из 800 воинов осталось 170) часть отвели в тыл на переформирование.

В апреле 1943 года после окончания полковой школы и присвоения звания младшего сержанта Александр Худоерко был направлен на пополнение 220-го кавалерийского полка 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса на должность командира отделения управления эскадрона. Корпус входил в состав Степного фронта на Курской дуге. В начале сентября 1943 года, когда немецкое наступление было отбито, корпус перекинули под Таганрог, и на протяжении осени он участвовал в боях за Украину. Были освобождены города Волноваха, Гуляй-поле, Пологи, Орехов и другие. В конце октября соединение вышло к Днепру, однако было выведено на переформирование: потери были слишком большими. Так, в 4-м эскадроне, где Александр Худоерко был командиром управления, за полтора месяца боев из 170 бойцов в живых осталось 12...

Это было время перелома в войне, хотя еще предстояли тяжелые бои. В числе молодых сержантов, имеющих высшее образование, Александра Худоерко направили на учебу в Тамбовское кавалерийское училище. Требовались офицерские кадры.

В 1944-м году после окончания училища в звании младшего лейтенанта А. М. Худоерко назначен командиром взвода разведки 6-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, в составе которого участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии. В апреле 1945 года в боях за станцию Ланжгот 19-летний Александр Худоерко был ранен и направлен в госпиталь под Брно (Чехословакия). Там он и встретил День Победы.

Несмотря на рекомендации медицинской комиссии уволиться в запас (инвалидность II группы), командование разрешило А. М. Худоерко продолжить службу в кадрах Вооруженных Сил. Документы об инвалидности по ранению на фронте он получил лишь через 45 лет, находясь в запасе. В 1948 году он поступил на заочный факультет Военно-юридической академии и был переведен для дальнейшей службы в систему военных трибуналов. Работал секретарем в военных трибуналах 27-го стрелкового корпуса 13-й армии, Северной группы войск и Западно-Сибирского округа.

В 1953 году Александр Худоерко с отличием окончил Военно-юридическую академию, после чего более 30 лет работал на судебных должностях: членом военных трибуналов Киевского гарнизона, 69-й Воздушной армии, Киевского военного округа, заместителем председателя военного трибунала Северо-Кавказского округа, председателем военных трибуналов Северного, затем Черноморского флотов.

В 1976 году Александру Михайловичу присвоено очередное воинское звание генерал-майор юстиции, а в 1983 году – почетное звание «Заслуженный юрист Украины». Награжден орденами «Отечественная война I степени», «За службу Родине 3-й степени»,

«Красная Звезда», медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Чехословакии», «За победу над Германией» и другими.

Александр Худоерко – соавтор книги «50 лет военным трибуналам», самостоятельно подготовил и издал книги: «Миг», «Мгновения», «Вечность», «Покаяние», «Нет ей ни конца, ни края», «Надежда», «Как непонятен этот мир», «Победа», где он рассказывает и делится впечатлениями о событиях, свидетелем и участником которых он являлся.

За 45 календарных лет военной службы Александр Худоерко не имел дисциплинарных взысканий и не наказал никого из своих подчиненных. Как говорит Александр Михайлович, успехов он достигал потому, что везло на подчиненных и товарищей по службе. Он о них заботился и у них учился. Многие из них в будущем стали председателями судов, а шестерым из бывших подчиненных присвоены генеральские звания.

А.М. Худоерко скончался 7 декабря 2020 года в Севастополе.

Зеленова С., пресс-секретарь Северного флотского военного суда

Воспоминания из книги председателя военного трибунала Северного флота, генерал-майора юстиции А. М. Худоерко и О. Н. Кадановой «Победа»

В хмурую дождливую холодную осень 41-го года по скользкому тяжёлому чернозёму степной дороги с раннего утра и до поздней ночи бесконечным валом двигались на восток беженцы. Повозки с домашним скарбом и детьми, гурты скота и отары овец да редкие группки солдат с длинными старыми винтовками, разорванными ботинками с обмотками до колен, месили смолистый донской чернозем, с отупением во взоре, не ведая смысла своего движения.

Приближающийся фронт двинул в отступление. Хозяйство колхоза Старой Станицы, огромные арбы загрузило мукой, картошкой, растительным маслом, салом. По паре волов медленно, но надёжно тащили арбы. Табун лошадей и отару овец гнали конные пастухи вдоль дороги. За световой день проходили до двадцати вёрст и укрывались на ночь в балках и оврагах.

Бригаду эвакуированных, в которую входили казаки непризывного возраста, назначили возглавлять Тихона Грача, по старости да и по инвалидности не подлежащего направлению на фронт.

Слухи о положении на фронте, о том, что немцев остановили у Луганска, вселяли надежду, что отступать дальше не придется. Но сообщения радио о положении под Москвой настраивали на тревожный лад. И в начале ноября Тихон Грач послал меня в Станицу узнать, как обстоят там дела.

Стояла холодная промозглая погода, порывался дождь со снегом. Молодая крепкая лошадь под седлом вела себя уверенно, и поздней ночью шестого ноября я подъехал к дому родителей, преодолев за день шестьдесят километров тяжелой дороги. На стук в окно мать открыла дверь хаты. В передней комнате на земляном полу сидели и лежали в шинелях шестеро солдат. Старший из них настороженно посмотрел на мои сапоги, мокрый овчинный полушубок и строго, даже грубо спросил мать: «Кто это такой?». В прифронтной полосе желание искать шпионов в то время было модным. Но ответ матери, что я ее младший сын и мне только пятнадцать лет, снял подозрения, и солдаты даже помогли мне стащить мокрую тяжелую одежду и обувь. Отец отвел мою лошадь в помещение колхозной кладовой, почистил, напоил и дал овса и сена.

Наутро в шесть часов радио устами диктора Левитана поздравило всех воинов и граждан Советского Союза с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, а днем сообщили о параде войск на Красной площади и речи Сталина. Все находившиеся в хате с большим вниманием слушали новости, и после этого солдат, так подозрительно встретивший меня вечером, тоном, не допускающим сомнения, заявил: «Ну, раз товарищ Сталин в Москве, то столицу немцам не отдадут».

Через день я возвратился к месту стоянки нашей бригады и передал Тихону Грачу все сведения о положении в Станице и на фронте. Они состояли дословно из фразы старого солдата: «Москву не отдадут – товарищ Сталин в Москве». Тихоном и всей бригадой это было воспринято как команда к возвращению домой. Через три дня почти двухмесячная операция с эвакуацией колхоза была завершена – все вернулись в Станицу.

Жаркое лето

...42-й год, июль, окончена школа. Не только летняя жара, но и полымя фронта дышит над всем вокруг.

Назначили меня помощником бригадира тракторной бригады. Трактористы ушли на фронт. На трактора ЧТЗ и ХТЗ посадил Павла Бородина, Витьку Казявина и других мальчишек. Пришлось участвовать в уборке урожая, в эвакуации людей и имущества, в подготовке условий для решения своей судьбы и судьбы своих близких.

Лето 42-го года.

Жаркий, пыльный июль. С вещевым мешком за спиной явился к майору – командиру кавалерийской воинской части, располагавшейся в Станице.

- Возьмите в часть, один не справлюсь с немцами...

- Сколько лет? – строго спросил майор.

- 16, и 10 классов закончил.

- В военкомат иди.

- Ходил. Там все уже сбежали...

- Не могу брать несовершеннолетних, - развел руками командир.

Пришлось попросить Любу, свою двоюродную сестру, у которой он квартировал, о помощи, и майор сдался:

- Пиши рапорт. Старшина, прокричал он – прими и оформи добровольца. Иди, казак! Атаманом будешь! - подтолкнул меня на конюшню к старшине.

...К вечеру дивизион в полном строю переправился через Донец. За ночь прошли до станицы Константиновской на Дону. Так началась служба...

...Иван Черных в своем романе, почему-то названном «Правый пеленг» и построенном на документальном материале, описывая события июля 1942 года на Дону в районе станицы Константиновской, ошибается, утверждая, что они, то есть БАО, переправлялись через Дон на пароме. Там был мост через Дон, и переправа шла по мосту. Возможно, где-то в стороне был и паром, но на основной магистрали был мост, я его сам видел. Нас, кавалеристов, на него не пропустили, поэтому вынуждены спуститься ниже по Дону до станицы Бронницкой, где был паром. Но и там к парому добраться было невозможно. Все подступы к Дону были забиты отступавшими войсками и беженцами. Мы нашли два баркаса, разбирали повозки, грузили их на баркасы, туда же клали оружие и тяжелое имущество и таким образом переправлялись через реку. Лошадей, а их было около тысячи, переправляли вплавь, связывали их непрочно, по пять-шесть. Брал я их с левой стороны от течения, держась за холку, чтобы лошади легче было плыть, и – вперед...

Дон в том месте довольно широкий, течение быстрое, вода мутная. Немцы беспрерывно бомбили. Могучий Дон нес к морю бревна, трупы погибших, одежда на них была военная и гражданская. Плыли вздувшиеся на жарком солнце погибшие лошади. Поблескивали на солнце брюхом вверх оглушенные взрывами бомб огромные рыбины.

К середине реки переправляемые нами лошади уставали, фыркали, тяжело храпели. И если держались клином на течении, то выгребали, миновав середину, выходили на заводь, где могли отдышаться и уже медленнее подплывали к противоположному берегу – пологому, песчаному, дружно отряхивали воду и, учуяв нарастающий надрывный гул новой своры «юнкеров», как бы понимая опасность, несмотря на усталость, рысью, с переходом на галоп, уходили от воды в редкий тополевыи лесок.

Над всем этим скоплением техники, скота, людей непрерывно висели немецкие штурмовики и на бреющем полете обстреливали из пушек и пулеметов беженцев, сбрасывали бомбы. Лишь у кромки воды у самого парома без усталости бил наш зенитный пулемет, да отдельные бойцы, видимо, от бессильной злости стреляли по самолётам из винтовок, не причиняя им никакого вреда.

Нашу переправу немцы не обстреливали и не бомбили: то ли не замечали, а скорее всего – не хотели растрчивать боезапас на рассредоточенные цели, били туда, где всё равно без промаха, – так плотно было скопление у парома. К вечеру, когда солнце уже опустилось к горизонту и весь дивизион переправился, на левобережье Дона скопление части привлекло внимание немецких летчиков, и девятка «юнкеров», развернувшись над паромом, пошла на наш лесок.

Завидев опасность, несколько человек попадали в огромную воронку от тяжелой немецкой бомбы. На вечернем небе четко вырисовывались силуэты бомбардировщиков, сыпавших каждый по очереди серию бомб на наш берег. Бомбы, виляя стабилизаторами, завывая, неслись к земле, взрываясь при соприкосновении с песком у самой кромки воды, обдавая нас илом и брызгами грязной воды. А бомбы падали все ближе и ближе к нашей воронке. Издавая низкий, выматывающий душу звук, летели какие-то темные предметы, кувыркающиеся в воздухе.

- Ну, это наша! – воскликнул старшина Хижняк, непроизвольно прикрывая рукой голову, когда звук особенно дотошно и близко подходил к самой высокой ноте.

Все сжались на дне воронки, притихли. Рядом что-то шлепнулось в рыхлую землю, но взрыва не последовало. Никто из нас не шевелился. Вокруг воронки рвались бомбы, молчала только одна из них, упавшая ближе всех. Через несколько секунд, когда «юнкеры» отвалили в сторону и немного стихло, Хижняк, не поднимая головы, проговорил:

- Наверное, замедленная, – и стал потихоньку подниматься.

Поднявшись на край воронки, он с радостью закричал, как будто увидел дорогой немецкий подарок:

- Хлопцы, так це ж кадка, бочка! – и рассмеялся.

На взрыхленной земле действительно лежала металлическая немецкая бочка со множеством отверстий, пробитых предметом с неровными краями. Завихрения воздуха при падении бочки и создавали тот душераздирающий звук, который нам был слышен при бомбежке.

- Ну, вражина, бильшь нас не обдуришь! – погрозил Хижняк в сторону улетевших немецких самолетов.

У задка только что собранной брички стоял лейтенант Умаралиев и, приставив противотанковое ружье на борт ящика, присев, задрал ствол вверх, водил им по небу, ища глазами медленно плывущий немецкий двухфюзеляжный самолет, прозванный солдатами «крамой». Умаралиев за таким занятием находился почти всегда при налетах вражеской авиации, но никогда не стрелял: хотел стрелять наверняка, у него был всего один патрон. «А вдруг появятся танки? – оправдывался лейтенант. – Чем будем отбиваться?». Как будто одним патроном можно было отбиться от танков. Но Умаралиев носил ружье всегда на плече (хотя это нелегкая ноша, все же 16,5 килограмма) и при первой же возможности целился в самолет. А такой возможности было не занимать – немецкие стервятники безнаказанно висели над нашими головами весь световой день.

Гарь и пыль нависли над Доном. Паром с набитыми машинами, повозками и людьми оборвало с направляющего каната, закружило и понесло вниз по течению.

...Собрав дивизион в походную колонну, майор Малиневский приказал уходить от Дона. Колонны не получилось, все торопились быстрее уйти от огня противника, скужились и ехали, шли по целине огромной лавиной.

В полукилометре от реки движение застопорилось: проход существовал между окопами и отнесенными в стороны противотанковыми ежами только по полевой дороге, куда и устремился дивизион. Справа и слева - хорошо замаскированные дзоты и окопы с брустверами, аккуратно выложенные дерном пулеметные гнезда. В новом обмундировании, в тускло-зеленых касках, с новенькими ППШ и противотанковыми ружьями стояли и сидели солдаты. Все невысокого роста, крепкие, чистые, с улыбающимися лицами и раскосыми узкими глазками. С нескрываемой завистью и в то же время с гордостью смотрели мы на эту боевую, не тронутую войной воинскую часть. «Вот тут немцам будет остановка», - думал каждый из нас. - Такую силу из плотного донского чернозёма не выковыряешь!». Дивизия имени Оки Ивановича Городовикова, состоящая по преимуществу из калмыков, готовилась преградить путь врагу. Городовиков – герой гражданской войны, сподвижник С. М. Буденного, и одно его имя вселяло уверенность в высоких боевых качествах дивизии.

Бежали мы пятый день, метались по донским степям. Спасала непритязательность конницы к дорогам – везде могли пройти: и по полевой дороге, и по целине. Трудно было определить, где линия фронта: пройдя за ночь километров пятьдесят, надеялись оторваться от противника, а наутро пулемётная стрельба - впереди, взвод разведки докладывает, что пехотная часть ведет бой с немцами. Что это за немцы: то ли прорвавшаяся вперед часть, то ли небольшой десант – никого это не интересовало. Подавалась команда: «По коням, аллюр три креста!». И опять неслись на юго-восток в пыли и сумерках. Дороги были совершенно разбиты, солнцепек и отсутствие дождей в июле превратили верхний слой земли в мельчайшую пыль. Дышать трудно, пыль горячая, липкая, висит в безветренном воздухе густым облаком, не видно хвоста впереди идущей лошади.

Дивизиону поставлена задача: не вступая в боевые действия с немцами, отойти в тыл в распоряжение штаба фронта, сохранив личный состав и лошадей. Командование рассчитывало на базе дивизиона сформировать кавалерийскую бригаду, а если позволят условия, то, возможно, и дивизию. Дивизион не имел тяжелого орудия и спасался лишь за счет своей маневренности: в любое время суток он был способен совершить маневр, не связанный с дорогами, а то и переправами через речки. Лишь такие мощные водные преграды, как Дон, потребовали больших усилий. Но и реку удалось преодолеть практически без потерь.

Пройдя боевые порядки калмыцкой дивизии, около двух часов ночи мы добрались до небольшого пруда, или заливчика, напоили лошадей, задали овса и тут же, где кто стоял, повалились на еще не остывшую выжженную землю и уснули. Благость сна длилась недолго: буквально через час прискакал из штаба дивизиона старший лейтенант Беляев и поднял эскадрон по тревоге. Только ощущение близкой опасности, все последние дни владевшее людьми, заставило подняться и вскочить на лошадей. Гремящие повозки, кухни, верховые, ведущие в заводе по лошади, неслись в темноту, в неизвестность. Нигде стрельбы не слышно. Огней не видно. Но никто не задавал никаких вопросов, привыкли за последнее время: раз бежим – значит, угроза реальная, кавалеристы понапрасну не бегают.

Около десяти часов утра объявили привал. Дивизион рассредоточился по лощинам и балкам. Кругом, куда ни глянь, ровная степь, и не разберешь, что поблескивает вдаль: то ли водная гладь, то ли марево от палящего солнца.

- Старшина, что случилось, опять не дал поспать? – обратился к подошедшему Хижняку писарь эскадрона Бардах.

- Калмыки к немцам ушли, тудыт их растудыт! - понес Хижняк трехэтажное построение русской, непередаваемой на иностранные языки речи.

- Что им, косоглазым, не понравилось? – недоумевал Бардах.

- Ну, ничего, Гитлер научит их свободу любить, они еще вспомнят Родину, да поздно будет. Жалко, гады, новое оружие да обмундирование унесли. Раздеть бы их да голыми в Дон, - не унимался писарь.

Известие об уходе калмыков к немцам было не из приятных. Все понимали, что и этот участок фронта, теперь оголенный предателями, надо будет кем-то прикрыть. Все нещадно ругали калмыков, недоумевали: кому-кому, а не калмыкам искать лучшей доли; ни одна власть, кроме советской, их за людей не считала. Лишь при советской власти они обрели культуру, письменность, свое государственное образование, были спасены от вымирания. Видимо, люди были обмануты, смалодушничили, испугались немецкого нашествия. Так рассуждали бойцы; случившееся не вызвало паники – лишь негодование.

В начале августа дивизион оказался на Кубани. И здесь трудно было определиться, стать, так сказать, в строй. Река Кубань – не Дон, значительно уже. Но перейти через неё оказалось не менее трудно – течение быстрое. Добраться до любой переправы к мосту или парому дивизиону счастья также не выпало. Пришлось переправляться прежним способом: на лодках и вплавь.

В лесочке у Кубани, укрываясь от вражеской авиации и ожидая темноты для переправы, бойцы эскадрона собрались возле своего командира – старшего лейтенанта Беляева. Беляев не был кадровым военным, был призван из запаса с началом войны. По профессии - учитель. В первых боях получил ранение, а когда подлечился, его назначили временно, до полной поправки, в дивизион.

- Сколько ж будем бежать, товарищ старший лейтенант? – уже в который раз обратился Бардах к Беляеву.

Этот вопрос постоянно и неотступно возникал у каждого бойца и командира. Не новым он был и для Беляева. Но от него требовалось ответить, и не общими словами, а самыми убедительными. И хотя все знали, что командир сам бы не прочь задать такой вопрос, ждали ответа.

- Мы не бежим. Мы отходим, - задумчиво произнес Беляев. – Скоро немец выдохнется, - продолжал он. – Не может он завладеть такой территорией. История России знает примеры, когда противник занимал нашу территорию, но удержать её не мог. Народ не покоришь. Как только немцы выдохнутся, так мы их и погоним, - убежденно говорил Беляев.

- Кто же их погонит, наши вон земляки к немцам убежали, - вставил Хижняк, намекая на калмыцкую дивизию. – Да из нашего дивизиона не все пали смертью храбрых, к своим бабам под юбки попрятались.

Ерко, сидя у ног Беляева, опершись на карабин, внимательно слушал разговор старших.

- Махновцы убежали по домам, а не бойцы Красной Армии, - горячо проговорил лейтенант Белоконов. – Подлецы и предатели, - продолжал он, стряхивая суконкой пыль со своих блестящих хромовых сапог. – Будем идти обратно по Украине, со всех спросим, - ни к кому не обращаясь, с уверенностью, не терпящей возражений, закончил он.

- Да, половина дивизиона сгнула кобыле под хвост, - вставил старшина Хижняк.

- Тяжело, конечно, - продолжал старший лейтенант Беляев, - но нет оснований падать духом. Победа будет за нами, - повторил он старые слова, произнесенные в первый день войны, ставшие лозунгом, но всегда звучавшие по-новому и убедительно.

- Знать бы, где немцы, - вставил Бардах. – Хуже всего, когда не знаешь, с какого боку тебя подстрелят.

- Не переживай, они тебя скоро найдут, - съехидничал Хижняк. – Лейтенант Белоконь уверяет же, что они еще за Армавиром, а он – разведка, всё знает, - с уважением посмотрел старшина на командира разведчиков.

Лейтенант Умаралиев лежал рядом на траве, перекладывал с ладони на ладонь единственный патрон от противотанкового ружья, заботливо протирали его носовым платком с характерным узбекским узором. Видно было: патрон ему дорожке подарка. В разговоре участия не принимал. Ерко, которому старшина Хижняк лишь три дня тому назад выдал обмундирование, не сомневался в правоте слов командира, с завистью смотрел на лейтенанта Белоконя и лейтенанта Умаралиева, поражался их уверенности, тому, что они никак не выражали боязни перед немцами, уже участвовали в тяжелых и кровопролитных боях, остались живы и невредимы, и одно их присутствие вселяло уверенность и спокойствие.

- Не удержим немцев на Кавказе, - продолжал Хижняк, - попрёт немец в Иран и Индию.

- Ишь ты, куда хватил, - оборвал его Бардах. – А мы куда денемся? Что, тоже в Иран побежим? Нет уж. Беги ты туда, нам там делать нечего, - Бардах хотел продолжить, но его перебил лейтенант Белоконь:

- Через Кавказские горы немцам не прорваться. Не дадим этого, - уверенно заключил он.

Разъезд Белоконя вплавь переплыл через Кубань и стал выбираться на крутой обрывистый берег к лесу. И в этот момент у крыльца большого сельсоветского дома рванул огромный немецкий снаряд. Полдома разнесло в щепки. Сухое дерево загорелось. Все бросились от площади в разные стороны. А на той стороне Кубани из леса к реке выскочили десятка полтора немецких мотоциклистов прямо лоб в лоб с разездом Белоконя. Все произошло так стремительно, что никто ничего не мог сообразить. Шесть разведчиков, выбравшись из воды на обрыв, уперлись в полтора десятка пулеметов, укрепленных на мотоциклах.

Немцы дали вверх очереди из пулеметов. «Хенде хох!» - гортанно кричали они в сторону наших кавалеристов. Все происходило у нас на глазах. Поднялась паника. Повозки, подразделения разбегались в разные стороны. Проскакывая мимо реки, я увидел, как все шестеро разведчиков, в том числе и лейтенант Белоконь, подняли руки и сдались немцам в плен. Удивлению моему не было предела...

Гусь в кабаке

Сентябрь 43-го выдался дождливым и холодным. В составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса нас сняли из-под Курска и перебросили железнодорожными эшелонами на южный участок фронта. Темной дождливой ночью полк выгрузили на станции с не очень приятным названием Звереве, и той же ночью эскадрон в конном строю совершил марш-бросок на речку Миус северо-западнее Таганрога.

Спешились, лошадей укрыли в оврагах, а в пешем порядке эскадрон занял старые немецкие окопы между Миусом и Кальмиусом, из которых противник был выбит пехотой накануне. В мокром обмундировании, завернувшись в мокрые плащпалатки на дне окопов, добротнo вырытых немцами в полный профиль, немного задремали на рассвете. Утром дождь прекратился, выглянуло солнце, и сразу же появилась девятка немецких «Юнкерсов». Построившись в круг, они с надсадным воем начали пикировать вдоль бесконечной линии окопов, поливая их пулеметным огнем и сбрасывая за каждым заходом по бомбе... Противовоздушных средств в полку практически не было, кроме двух установок, счетверенных станковых пулеметов, которые никакого вреда своей стрельбой немцам не причиняли. Редко по пикирующим штурмовикам из карабинов стреляли казаки, укpывшиеся в окопах, но большинство лишь ложились на дно траншеи и прикрывали руками головы, чтобы защититься от падающих увесистых комьев земли,

вброшенных высоко вверх взрывами немецких бомб. В стрельбу по самолетам из карабинов мало кто верил. Да и ожесточенный налет штурмовиков противника был малорезультативен: за два утренних налета в полку погиб один казак не считая нескольких контуженных и легко раненых.

Около полудня эскадрон да и весь полк пошли в наступление, которое было встречено немцами массированным огнем артиллерии и минометов. Полк залег, начал окапываться на голом поле. Приданные эскадрону из полковых батарей две слабые пушечки и легкий танк Т-70 мало могли повлиять на поражение артиллерии противника. Непрерывные команды командиров («Вперед! В атаку!») не могли оторвать людей от земли. Многие из них окапывались саперными лопатами, а при некоторых взрывах снарядов и тяжелых мин вверх летели и лопаты, и сапоги с ногами распластавшихся на сырой земле казаков.

Только спустя час, когда дивизионная, а потом и корпусная артиллерия открыли мощный огонь, сопротивление противника ослабло, а к вечеру немцы стали отходить. Командир эскадрона, старший лейтенант Ломов, неизвестно за какие заслуги оказавшийся в кавалерии, так как к лошади боялся подходить, а однажды сел на лошадь в седло с правой её стороны, чем вызвал явное недоумение кавалеристов, вызвал меня к себе.

- Ты, сержант, командир отделения управления, - так управляй! Где средства усиления? Где танки? Почему артиллерия не в боевых порядках эскадрона? Немедленно всех в первую линию! – приказал Ломов.

Я был готов к ответу, так как уже заранее принял меры и послал связных:

- Орудия сейчас подтянут, а у Т-70 перебита снарядом гусеница, танкисты обещали заменить траки и через час нагнать эскадрон, - доложил командиру эскадрона.

- Проследи и доложи! – ничего другого не оставалось сказать Ломову.

- Есть, доложить...

...Несколько суток всё шло, как по расписанию: днем мы пытались наступать, а немцы сильным огнем не давали нам голов поднять, к вечеру они отходили, а мы преследовали их, часто вступая в ожесточенные перестрелки. На рассвете в один из сентябрьских дней мы напоролась на мощную немецкую оборону. Небо заволкли сплошные низкие облака, моросил дождь, что избавляло нас от немецкой авиации. Но по данным разведки у противника было закопано в землю два десятка танков, которые вели огонь по нашим боевым порядкам. А как только эскадроны пытались подняться в атаку, шквалистый минометный огонь укладывал казаков в холодный мокрый украинский чернозем. Только по-пластунски - вперед к немецким окопам. Немцы отходили. Но через пару часов, видимо, получив подкрепление, переходили в контрнаступление, и мы нехотя отползали назад к своим прежним окопам. Теряли людей и оружие. Командир расчета станкового пулемета сержант Мовсесян унес только тело пулемета – станок остался в немецких окопах – второй номер расчета был убит. Сержант Ильчук не расставался со своим противотанковым ружьем и волочил его по земле и туда, и обратно. Только сержант Гречин – командир второго расчета станкового пулемета – смог справиться и спасти свой пулемет в комплекте.

Так продолжалось двое суток. На исходе дождливого дня немцы снова пошли в яростную контратаку при поддержке артиллерии, танков и минометных батарей.

...На бруствере мелкого окопчика лежал мой автомат, искореженный осколками мины. Над головой сплошной пеленой нависли пунктиры трассирующих пуль немецких пулеметов. На груди, под шинелью, - две гранаты Ф-1 с ввинченными запалами: если немцы подойдут – одну брошу, а вторую взорву, если окружат... Видели мы в немецких окопах обуглившийся труп казака из соседнего эскадрона. Офицер говорил, что это был комсорг их эскадрона...

...Слышу крик командира эскадрона:

- Сержант! Ко мне! И хотя до окопа командира эскадрона всего с десятков метров... «Куда там: ко мне?» – пробегает в голове мысль, тут «к себе» головы не поднимешь. Но приказ – есть приказ... Ползу, косясь краем глаза на пелену трассирующих пуль...

- Сержант! – кричит Ломов. – Доложить командиру полка, что четвертый эскадрон не может держаться и требует доподмоги! Немедленно на командный пункт в село!

А до села, до командного пункта - метров пятьсот по чистому полю, немножко под уклон. По-пластунски – это к утру поспеешь, а бегом – первая пуля догонит... Что делать?

- Выполняй! – кричит Ломов, хотя прошло несколько мгновений, и у меня не было сомнений, что надо выполнять приказ. Подоткнув полы шинели под ремень, вскочил и что было сил бросился по полю к селу. Всё на одном дыхании, и уперся в плетень, за которым были замаскированы орудия полка. Стояли и молчали.

- Что же вы не ведете огонь? – набросился я на первого же сержанта у орудия.

Сержант невозмутимо ответил:

- Хочешь, чтобы нас засекли и уничтожили? Это у них запросто. А ты чего бегаешь, как заяц? – усмехнулся сержант и прекратил со мной разговор.

Уже потом мне стало известно, что спасло «зайца». Станковые пулеметы сержантов Мовсисяна и Гречина, противотанковые ружья сержанта Ильчука и других расчетов (а их было в эскадроне около десятка) открыли шквалистый огонь по наступающим немцам. Артиллерия и минометы противника, чтобы не поразить своих наступающих, приостановили огонь, а в этот период наши огневые средства оказались эффективнее и отбили противника. Видимо, и меня спасли в спринтерском беге.

Командный пункт командира полка оказался расположенным в сельском погребе, куда меня проводил сержант, командир комендантского взвода. В погребе, освещенном маленькой лампочкой от аккумулятора, находились два подполковника – командир нашего полка и командир танкового полка поддержки. Поместиться в маленьком погребе, где располагался также связист со средствами связи, было невозможно, да меня туда и не приглашали. Я лег на солому у ляды (спуск в погреб), доложил командиру полка всё, что поручил Ломов, и ждал указаний. Но меня поразили выражение лица подполковника и его голос: растерянность, нерешительность, неуверенность в себе:

- А что я могу сделать, у меня ничего нет...

И, обратившись к командиру-танкисту, спросил:

- Может, ты поможешь?

Подполковник-танкист был готов к ответу:

- Ты же знаешь, Сеня, у меня вчера четырнадцать машин немцы сожгли, один танк на ходу, и тот без орудия – ствол разорвало.

- Товарищ подполковник, перебил я их разговор. – На окраине села стоят две батареи, прикажите им открыть огонь.

- А и верно, надо открыть огонь, - вдруг обрадовался командир полка. – Связист, передайте на батареи: «Открыть огонь по противнику!».

Спустя минуту послышались орудийные залпы.

...Отойдя от командного пункта полка несколько шагов по сельской улице, я встретил замполита полка - подполковника Квятковского. Поприветствовав его, как и положено, я намеревался идти в эскадрон. Но Квятковский меня остановил.

- Стой! Это ты? – и назвал меня по фамилии. – Тебя не узнать, черный весь, мокрый.

Отстегнул от своего ремня фляжку и подал мне.

- На! Попей, нагреешься, - протянул мне флягу замполит.

Я с жадностью припал к фляге и только после двух-трех глотков понял, что это чистый спирт и, не подав вида от содержимого, с благодарностью возвратил её подполковнику и кратко доложил ему о причине появления в селе.

- Иди в сарай, это метров двести по улице, там комендантский взвод, они тебя накормят, поспи, а утром возвратишься в эскадрон, немцы стали отходить, - как нельзя

кстати распорядился замполит, видимо, догадавшийся, что двое суток непрерывных боев я ничего не кушал.

Подполковника Романа Квятковского я впервые встретил в полку на Курской дуге, когда мы, располагаясь во втором эшелоне, сидели в окопах и дрожали, ожидая немецкого наступления. Немцы забрасывали нас листовками: «Зима – для вас, а лето – для нас. Мы нанесем самый мощный удар новыми видами оружия, и вы побежите... Разгромим вас окончательно... Сдавайтесь...». Роман Квятковский как замполит собирал нас, комсorghов эскадронов и отдельных подразделений, рассказывал о лживости немецкой пропаганды, а однажды организовал выезд на передовые рубежи нашей обороны. Прямо в передней линии были закопаны 57-миллиметровые противотанковые орудия, стволы их лежали на твердом, высохшем дерне черноземе. Примерно в 300 метрах позади были вкопаны более мощные дивизионные противотанковые орудия, стволы которых также были приспособлены для стрельбы прямой наводкой по танкам. В небольшом овраге в капонирах чуть ли не колесо к колесу стояли мощные гаубицы. При каждом орудии в капонирах складировались огромные штабеля снарядов. Мы и ранее видели, что за нашими боевыми порядками располагались орудия главного калибра из РГК (Резерва Главного Командования). Снаряд такого орудия мог разнести в клочья самый тяжелый немецкий танк.

Подполковник Квятковский за всю поездку не сказал ни слова.

- Расскажите в эскадронах казакам, что мы с вами видели, - отпуская нас, посоветовал он.

Конечно, настроение после увиденного намного изменилось. Пройти такую артиллерийскую оборону будет непросто. Кроме того, нас обучали вести борьбу и «выжигать» танки противника подручными средствами: гранатами и бутылками с горючей смесью. Для этого пропускать танки «через себя» и забрасывать гранатами и бутылками их моторные жалюзи. Танк вспыхивал мгновенно. Немцы боялись такого сближения с бойцами, останавливались за 100-200 метров от наших окопов и вели орудийный и пулеметный огонь, стремясь выбить пехоту. Но тут, как говорят, кто кого...

...Все последующие дни сентября бои продолжались с завидным постоянством: по ночам немцы отходили, а днями мы пытались наступать, а немцы яростно сопротивлялись. Мы несли немалые потери. Как-то под вечер командир эскадрона старший лейтенант Ломов собрал нас, шестерых сержантов: Ильчука, Мовсеяна, Гречина, Кожина, меня и санинструктора эскадрона Оганесяна - «для особого задания», как он выразился. Прибыл начальник разведки полка капитан Остапенко. Он был краток и точен:

- Немцы оторвались от нас, не исключена засада. Вчера я своих разведчиков послал в ближний тыл противника, но никто пока не вернулся. Во взводе разведки больше никого нет. Ваша задача: пройти по маршруту, обозначенному вот на этой карте, при соприкосновении с противником попытаться захватить языка, в бой не вступать и отметить на карте место встречи. Вопросы есть? Нет вопросов, - ответил капитан сам на свой вопрос. – Время возвращения – 9.00 завтра.

Стояла сырая промозглая погода, и дождя нет, и «мряка» висит в воздухе. Не имея опыта карту привязать к местности или местность к карте, мы всё-таки ознакомились, какие у нас будут встречаться ориентиры: овраги, лесопосадки, железнодорожная ветка... Населенных пунктов не предвиделось. Оставив карту от греха подальше, чтобы к противнику не попала, в эскадроне, мы двумя группами по три человека двинулись на задание. Овраги, заросшие кустарником, каменистые холмы, лесопосадки. Нельзя сказать, что мы двигались напрямую, не имея никаких данных о противнике. Всё-таки был опыт. Шли осторожно, прощупывая каждый овраг, бугры, кустарники и особенно лесопосадки, в которых обычно скрывали немцы свою технику. Темень была непроглядная. Ориентировались по узкой полоске линии горизонта и ночным звукам. Время перевалило за полночь... Вышли на железнодорожную колею с заброшенной будкой смотрителя. И

тут только ощутили страшную жажду голода и воды. Все поиски чего-либо съестного и воды не дали результатов. К такому заданию мы не были подготовлены, никаких запасов с собой не было, отдых нам после тяжелых боев не был предоставлен. Всё это мы ощутили в полную меру только после многочасового тяжелого пути. Как ни странно, возле будки обходчика мы не смогли отыскать ни колодца, ни родника. Сержант Гречин нашел только огромный кабак (тыкву) на пяточке, возделанном обходчиком земли, и в сарайчике при будке - белого гуся, неизвестно чем там питавшегося. Надеждам нашим подкрепиться и утолить жажду не было предела. Но как сварить или поджарить гуся: ни ведра, ни воды нет. Но соображать стали все, особенно Гречин, как самый старейший (ему шел 23-й год) и опытный в таких делах мужик. Развели костер, ошпарили и осмолили гуся, разрезали на две части кабак, вычистили его содержимое и положили в кабак гуся. Обвязали проволокой, чтобы не развалился. Из крупных углей сделали воронку и положили в неё кабак с гусем. Приготовление гуся в кабаке началось.

Конечно, по урезу оврага, по которому проходила железная дорога, мы выставили двух дозорных, чтобы вдруг нас немцы не накрыли привлеченные костром. Ожидание, когда гусь будет пригоден к употреблению, было томительным. Кабак почернел от углей. Чтобы не сгорел, мы его периодически переваливали со стороны на сторону. Вначале появился приятный запах печеного кабака, а затем и гуся, которого достал жар углей. Предложения приступить к приему пищи последовали сразу же. Голод и жажда томили... Но Гречин был неумолим:

- Вы что? Сырым его съедите? – бурчал он, покачивая на углях кабак. – Еще не меньше полчаса, а там попробуем...

Снаружи кабак обуглился, показались подрумяненные окорочка гуся. Ложками стали выбирать в котелок содержимое кабака, внутренней его части, чтобы употребить вместо воды. Остудили, каждому досталось по три ложки печеного кабака. На душе потеплело. Подменили и напоили кабачным соком дозорных.

Не выдержав натиска проголодавшихся товарищей, Гречин вытащил и очистил от остатков кабака гуся, армейским ножом на мелких ветвях клена, разложенных на плащ-палатке, порубил гуся на крупные куски и объявил, что можно пробовать... Гусь исчез мгновенно, только два куска понесли дозорным. Был ли он жареный или пареный, неизвестно, но горячий был.

На Востоке небо стало сереть, и мы продолжили путь на Запад.

Рассвело. С Оганесяном мы медленно шли по балке на пригорок, как вдруг справа, где должны были идти Ильчук и Гречин, раздались очереди немецких автоматов. Мы остановились. И в это мгновение из-за бугра прямо на нас вывалился немецкий солдат в куртке без головного убора и вскинул автомат. Но выстрелить не успел: очередями из двух наших автоматов на долю секунды раньше мы уложили немца на землю. Как оказалось позже (определил санинструктор Оганесян), у немца оказались перебитыми обе ноги. Схватив у немца автомат и видя, что он не в состоянии передвигаться, мы бросились за бугор на звуки ранее прозвучавших выстрелов. На земле у лесопосадки лежал сержант Ильчук, а Гречин отбивался от двух немецких солдат. Мы открыли огонь, но, чтобы не поразить своих, поверху. Заметив нас, немцы мгновенно скрылись в лесопосадке. Наш огонь их не достал. Гречин пришел в себя, Ильчук тяжело стонал. Оганесян осмотрел его и предположил, что ударом приклада немец перебил ему ключицу.

Собравшись вместе, мы возвратились в балку, где лежал раненый немец. Оганесян наложил на его ноги жгуты, чтобы прекратить кровотечение, перевязал раны. Из документов, обнаруженных у немца, мы определили часть, в которой он проходил службу. При нем также оказалась карта района, где мы находились, с прочерченным маршрутом движения в наш тыл. Мы поняли, и это подтвердил немец, что столкнулись с такой же разведгруппой, как и наша. К назначенному времени мы возвратились в расположение своего полка и на плащ-палатке принесли раненого немца. Он оказался разговорчивым и капитану Остапенко выдал все известные ему сведения о своей воинской

части. Нам объявили благодарность за успешное выполнение задания. Сержант Ильчук отказался следовать в лазарет и остался в эскадроне.

Долго еще мы вспоминали вкусного гуся, запеченного в кабаке.

... Наступил октябрь. Бои продолжались, и с каждым днем всё более ожесточенные. Потери были большими. На глазах погибали молодые ребята. Второй номер расчета противотанкового ружья сержанта Ильчука, казак Бойко, при очередной перебежке держал ружье у дульного среза, а Ильчук – за приклад. При взрыве шальной мины у Бойко осколками вырвало почти все внутренности. Положили его в мелкий окопчик, вызвали санинструктора. Безнадёжно... Парню было 19 лет... Но сильнее всего, угнетающе действовали на наступающих снайперские обстрелы: ни вспышки, ни звука, никого вокруг, а человек клюет головой в землю, и всё...

Поздно вечером, в сумерках, старшина эскадрона Вознюк с двумя казаками попластунски приволокли нам на передний край три термоса перловой каши с мясом. Лежа на стерне, они раскладывали кашу в котелки и передавали нам. С сержантом Мовсесяном мы лежали рядом в окопчике и кушали с одного котелка, его второй номер расчета станкового пулемета, казак Давлетов, назначенный к Мовсесяну вместо накануне погибшего, намереваясь получить у старшины «добавки» каши, повернулся спиной к своему пулемету, приподнялся на колено и, как подрезанный, клюнул лицом в землю: пуля немецкого снайпера попала ему в затылок. Отдаленный хлопок немецкой винтовки – и только. Молодого парня нет...

Постоянная, порой нелепая гибель людей притупляла чувство опасения. Как-то шли мы по ровному полю цепью. Кругом горели скирды и копны соломы и снопов. Противник вел редкий орудийный и минометный огонь. Пулеметные очереди срывали пожелтевшую сухую траву и поднимали фонтанчики черной земли. Впереди виднелось небольшое украинское село, выбить немцев из которого была наша задача.

- Ложись, Ильчук! – кричу сержанту, бегущему в полный рост по полю к селу.

- Надоело ложиться и вставать, - махнул рукой Ильчук и побежал в развалку дальше.

... Ночью Оганесян, Ильчук и я прилегли в пустой сельской хате на земляной пол отдохнуть, и я напомнил Ильчуку его опрометчивость в бою. Тот, не оправдываясь, парировал мое замечание:

- Оганесян, посчитай, сколько дырок в Сашкиной шинели, - обратился он к нашему товарищу.

У меня действительно была новая хорошая шинель из шерсти верблюда, что было редкостью. Она не промокала и хорошо сохраняла тепло.

Оганесян стал считать.

- Одиннадцать отверстий и дыр, - доложил Ильчуку Оганесян.

При обследовании шинелей Ильчука и Оганесяна они насчитали по семь дыр и отверстий.

- Надоело, - возмутился Ильчук, - уж пусть бы убило или ранило... Сколько может везти в бою? Ни царапины, ни синяка... А сколько нас осталось? Меньше половины. И это всего за месяц боев, - не унимался Ильчук.

И, обернувшись ко мне, сказал:

- Не тебе мне советы давать, на себя посмотри.

... Дожди прекратились. Несколько дней стояла теплая сухая погода. Мы продолжали наступать. Впереди предстояло освободить довольно большое украинское село, сильно укрепленное противником. Но главную опасность представляли подвижные силы немцев: танки, самоходные орудия, бронемшины, которые маневрировали по фронту обороны и сдерживали огнем наше продвижение. Село походило на населенный пункт немецкого образца: улица только одна, дома располагались по одну сторону дороги, а по другую – сады и огороды, а дальше - поля кукурузы, подсолнечника, ржи и других культур.

К полудню мы заняли половину восточной части села. Солнце светило по-осеннему неярко, но было сравнительно тепло. Сильный огонь противника приостановил наше

продвижение, залегли, окопались на огородных грядках, укрылись за уцелевшими хатами. В этот момент пять наших Т-70 вырвались вперед и стали гонять немцев по кукурузному полю, непрерывно на ходу ведя огонь из своих слабеньких пушчонок и пулеметов. Шума больше было от сломанной сухой кукурузы, которую танки гусеницами подминали под себя. Но возвратились обратно вскоре только два танка, три там, вдалеке, за кукурузным полем, горели, подбитые немецкими самоходками. Столбы черного дыма поднимались высоко в небо. Бой стал затихать. Рядом, у дороги, за стенами довольно большого дома укрылись командир эскадрона старший лейтенант Ломов с двумя сержантами – помкомвзводами, исполнявшими должности командиров взводов, так как офицеры накануне погибли, и связными. Ломов махал руками и кому-то отдавал распоряжения.

Воспользовавшись затишьем, я спустился в расположенный во дворе погреб. Стены его были побелены, в погребе сухо и прохладно. На боковой стене - небольшая ниша с кувшинами и банками. В одной из банок оказалась сметана, которой я не преминул воспользоваться. Достал из-за голенища сапога ложку (необходимый предмет вооружения), из кармана шинели – сухарь, поднявшись по лестнице на уровень ляды, чтобы было видно поле боя, приступил к обеду, так как с вечера ничего не кушал. Справа от погреба у своего станкового пулемета лежал сержант Гречин со своим вторым номером расчета, впереди у угла глинобитного сарая стояла наша 45-пятка. Трудно было разобраться в обстановке: в цепи зарывшихся в землю и спрятавшихся за хатами - и наши казаки, и танкисты подбитых танков, и отставшие от своих подразделений пехотинцы. Позади, в саду, стояла гаубица с развороченными лепестками ствола – видимо, снаряд не пошел и разорвался в стволе. Рядом лежали артиллеристы: трудно было понять – кто погиб, а кто от усталости прилег...

Сметана в банке подходила к концу, как послышался нарастающий мощный гул со стороны противника. Все насторожились. Гул стал нарастать и перемежаться с лязгом гусениц. Впереди прямо по улице медленно полз в нашу сторону немецкий «Тигр». Второй в поле моей видимости двигался справа за огородами в направлении лесопосадки, в которой оборону держала пехота. За танками шли густыми цепями пехотинцы. Других танков не было видно, но по их реву и стрельбе танковых орудий было очевидным, что их не два, а значительно больше. «Тигр», шедший по улице села, вел огонь по нашим тылам, но, видимо, заметив нашу 45-пятку у угла сарая, остановился. Ствол его орудия стал опускаться, так как расстояние до его цели было небольшим. Расчет нашего орудия успел выстрелить, но снаряд не мог пробить мощную броню и рикошетом с воем ушел ввысь от танка. Было очевидным, что сейчас последует выстрел танкового орудия. «Прячьтесь!» - кричали мы артиллеристам, так как всё это происходило в створе расположения танка, орудия и наших окопов. Я опустил на ступеньку лестницы вниз в погреб. Прогремел мощный орудийный выстрел. Выглянул из погреба: 45-пятка лежала у сарая кверху колесами, а три артиллериста за сараем - невредимые. «Тигр» продолжал двигаться вперед и остановился напротив двора, в котором мы располагались. Несколько противотанковых ружей били по его борту, а Гречин из своего пулемета поливал танк противника, чтобы экипаж не смог его покинуть в случае повреждения. Башня танка стала вращаться, ствол орудия направлен в наш двор и опущен почти до предела.

- Гречин, ховайся! – кричу я ему.

Прогремел выстрел. Подкалиберный снаряд-болванка из немецкого орудия пришелся на середину двора, по твердой земле зигзагом пропорол землю метров десять и ушел с воем рикошетом вверх.

- Сержант! – слышу крик командира эскадрона. – Я ранен. Побежал в медсанбат. Остаешься за меня!

Я подбежал к командиру. Он был ранен в руку пулей навывлет. Сержант Оганесян перебинтовал рану, повесил руку на ремень, застегнутый на шее раненого. Старший лейтенант быстро ушел. Я отослал помкомвзводов в свои подразделения. Но тут ударили немецкие минометы и появились немецкие «Пантеры», прямой наводкой ударившие по

нашим орудиям поддержки. И полк побежал... Не только полк, но и все, кто держал с ним оборону. На голое поле за село вывалились неорганизованные группы солдат, бежали все, гнали повозки, настегивали лошадей, держась за орудийные лафеты. Немцы перенесли огонь по бегущим...

- Гречин! – подбежал я к расчету станкового пулемета. – Бежать нельзя! – Пропадем... Давай в лесопосадку, там пехота, а они бегать не приучены. Тащим пулемет!

Втроем мы проползли огородами, волоча за собой пулемет к лесопосадке, на западной окраине которой были вырыты окопы в полный профиль. Редко, кое-где, сидели с длинными винтовками солдаты и, боязливо озираясь на своих командиров, вели недружный огонь. В основном это были брюнеты с узкими щелками глаз. Позади окопов на прямой наводке стояла дивизионная противотанковая пушка, вокруг которой валялось множество стреляных гильз. Станины лафета были раздвинуты до предела. Половина бронированного щита там, где был прицел наводчика, оторвана. У левой станины орудия сидел на коленях солдат в шинели под ремнем без головы. Из окровавленного воротника выглядывали только кости позвоночника, как у петуха, после того, как у него отрубает голову. Перед солдатом лежал не выстреленный снаряд, который он, очевидно, должен был подать заряжающему.

На поле, метрах в четырехстах, стоял немецкий «Тигр», вокруг которого окапывались немецкие солдаты. Танк молчал, ни орудие, ни пулеметы его не стреляли. Можно было предположить, что танк был подбит нашей артиллерией, не исключено, что тем орудием, у которого сидел солдат со снарядом. Гречин установил пулемет и открыл интенсивный огонь по немецкой пехоте. Земляные их работы заметно прекратились, но яростно заработал танковый пулемет.

Ручной пулемет Дегтярева с тремя снаряженными дисками, лежал на бруствере окопа. Чуть поодаль в окопе на корточках сидел сержант-пехотинец с пробитой пулей каской. Никаких признаков жизни он не подавал. Я лег за пулемет. Вспомнилась картина на фронте казармы полковой школы в городе Кировабаде, где нас обучали перед отправкой на фронт. На картине немецкий танк наваливается на бруствер окопа, в котором с противотанковым ружьем целится в танк красноармеец. Поединок неравных... Тогда я подолгу стоял перед этой страшной картиной и думал: устою ли я перед таким чудовищем? «Ни шагу назад!» – вспомнились слова из приказа № 227 Верховного... «Назад ни шагу!» Назад ни одного шагу – крутится в голове мысль. Надо выстоять... И короткими, по три патрона, очередями я стал бить по смотровым щелям и по пулеметному гнезду танка противника, стоявшего напротив. То ли бронебойно-зажигательные пули сыграли роль, то ли точность стрельбы, но вскоре немецкий пулемет замолчал. Гречин одобрительно махнул мне рукой.

...А на поле за лесопосадкой разыгрывалась трагедия. Бегущих немцы расстреливали нещадно.

В этот момент из оврага, в котором располагался командный пункт полка, во весь рост вышла группа офицеров, сержантов и казаков: штаб полка и комендантский взвод. Впереди бежал рослый майор Доронин – заместитель командира полка, а рядом с ним с развернутым знаменем полка – знаменосец. Стремясь остановить отступающих, майор стрелял из пистолета вверх и кричал:

- Стой! За мной! Ни шагу назад!

Комендантский взвод также давал очереди из автоматов поверх голов отступающих, пытаясь их остановить.

На майора в расхлястаной шинели бросился огромный детина с обезумевшими от страха глазами, но без оружия, которое он при бегстве бросил:

- Майор! Пропадем! Уйди с дороги! – угрожающе кричал он на офицера.

Майор в упор выстрелил из пистолета в паникера, и тот свалился на землю.

- Под знамя полка! За мной!

Бегущие приостановились: то ли от призывов майора, то ли от воздействия символа полка – знамени, то ли от решительных действий майора, застрелившего труса. Возможно, от всего происшедшего. Через толпы отступавших майор со знаменосцем и комендантский взвод стремительно прорвались вперед, и тогда сработал эффект примера: бегущие стали присоединяться к группе майора и бежать в сторону лесопосадки, в которой располагалась пехота и мы нашли пристанище. Под прикрытием лесопосадки и наступающих вечерних сумерек навели порядок в подразделениях, быстро переформировали их и назначили командиров, которые не поддались бегству. Поступил приказ: к ночи вернуть утраченные позиции и занять село.

На свои позиции мы возвратились. Многие не смотрели друг другу в глаза. Холодком пробежал по сознанию приказ Верховного № 227 за 1942 год и действовавший в этот период. «Ни шагу назад!» - в этом был весь смысл приказа.

...Только задремали, как с нашей и немецкой сторон раздались автоматные и пулеметные очереди. На «ничейной» территории между нашими и немецкими окопами что-то сильно загромыхало и двигалось по фронту. Мы восприняли это как происки немцев, ну а противник подумал на нас. Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Оказалось, что это наш повар на полковой кухне ночью заблудил и попал между двумя сторонами, как говорят, вызвал огонь на себя. Громыхая поварешками, котелками, ведрами и всякими другими поварскими принадлежностями, он промчался темной осенней ночью между двумя враждующими сторонами невредимым. Лишь бак кухни продырявили несколько пуль. Огонь был бесприцельным, а стрелки - сонными... После этого при варке супа повар заделывал пробоины деревянными колышками, но вода всё равно уходила, и кормил нас неуловимый повар только перловой кашей с мясом. Никто не отказывался...

Во второй половине ночи немцы оставили село, уволокли подбитый танк, а другой остался на улице села недвижимым.

После двухдневных боев по освобождению Гуляй-поля в эскадроне осталось совсем мало казаков. Офицеров – ни одного. Все выбыли из строя за прошедшие бои. Командиром одного из взводов у нас был лейтенант – цыган по национальности. Настоящий цыган: со смолистым чубом и такими же усами, лихой кавалерист. Все его уважали – отчаянный был в бою. Пули его не брали, как заговоренного. По фамилии его никто в эскадроне не называл, да и была ли она у него – неизвестно. Подчиненные обращались к нему по воинскому званию - «товарищ лейтенант», а офицеры-сослуживцы – просто «Цыган». Он не обижался, даже, казалось, гордился тем, что его признавали как цыгана. Но однажды, когда даже после третьей красной ракеты эскадрон не поднялся в атаку из-за сильного огня противника, лейтенант-цыган встал во весь рост, вскинул над головой карабин и зычным голосом призвал:

- За мной! В атаку! – и бросился вперед.

Эскадрон последовал его примеру. Через несколько десятков метров немецкая мина угодила под ноги лейтенанту, и вверх полетели его карабин, сапоги и комья мокрой земли. После атаки из кармана обгоревшей гимнастерки старшина достал уцелевшее удостоверение офицера и передал его подполковнику Квятковскому.

Миновав Гуляй-поле, в одну из ночей мы укрылись от холода в хате небольшого села. Пришел подполковник Квятковский, присел на скамейку в углу и закурил.

- Ну что, ребята, дойдем до Днепра? – деланным бравым тоном обратился он к нам, сам прекрасно понимая далеко не бодрое наше настроение.

- Да вот, Роман Яковлевич, перед вами весь «штаб» эскадрона, показал я на сидевших на соломе на земляном полу сержантов Ильчука, Мовсеяна, Гречина и Оганеяна. Остальные на постах. Десятка два осталось, - доложил я замполиту. – Дойдем до Днепра, товарищ комиссар.

- Когда в 41-м году мы бежали от границы, то и не знали, что Германия собрала сил в два раза больше, чем у нас, - проговорил Гречин как старший из нас по возрасту и боевому опыту. Квятковского он назвал комиссаром, как в 41-42-х годах, это сейчас он замполит, но комиссаром остался в нашем представлении.

- Молодцы, - проговорил Квятковский. – И что ваш эскадрон не побежал под Ореховкой – молодцы!

- Да бежать было некому, - вставил я. – Только Ломов с забинтованной рукой удалился, имел, конечно, право, но...

- Можно было и переждать, - вставил санинструктор Оганесян.

- Теперь наша промышленность снабжает фронт значительно лучше, и мы превзошли немцев как по качеству, так и количеству вооружения, - напомнил Квятковский, обращаясь к сержанту Гречину. – Есть чем добить врага. Жалко – людей теряем, молодых ребят, - с искренней скорбью произнес замполит. – Многие после ремонта в госпиталях возвратятся в строй, но велики, как говорят, и невосполнимые потери, - закончил он и, обращаясь ко мне, добавил: - Чего у вас не хватает? Чем помочь?

- Спасибо, всё по норме, - спокойно ответил замполиту. – Людей не хватает, - посетовал я.

- Скоро отойдем на переформировку и пополнение, - сообщил Квятковский главную для нас новость. – В штабе фронта есть такие задумки, - держитесь! Я, пожалуй, пойду.

Пожал нам каждому руки и ушел.

... Через несколько дней мы вышли к Днепру. В эскадроне осталось 12. Нас отвели во второй эшелон на пополнение. Помощник начальника штаба полка вызвал меня в штаб и предложил написать представления на награждение оставшихся в живых казаков медалью «За отвагу». Написал одиннадцать представлений и подписал их за командира эскадрона.

- Ну, а на тебя я напишу сам, - пообещал помощник начальника штаба и отпустил меня в эскадрон. Приказом командира корпуса от имени Президиума Верховного Совета все одиннадцать были награждены и получили медали. Наступило прощание с фронтом... на время.

Танковая атака

После прорыва Миус-Фронта бои по Донецкому кряжу проходили с переменным успехом. То в конном строю мы гуляли по ночам по немецким тылам, то сходились в лобовую в танковых атаках, то поливали фашистов пулеметным огнем, а иногда и пятились назад, чтобы вновь броситься в кровавую атаку. На вооружении у нас были противотанковые ружья системы Симонова с магазином на пять патронов; в переметных сумках седел – по 4 противотанковых гранаты кумулятивного действия, ручные пулеметы Дегтярева с тремя дисками на 49 патронов каждый с бронебойно-зажигательными пулями.

В эскадроне - четыре повозки с четырьмя ружьями каждая, а всего 16 ружей.

Казаки были обучены стрелять не по лобовой броне, а по уязвимым местам танка: по смотровым щелям, командирским приборам наведения, пулеметным гнездам, дульным срезам танковых орудий или самоходок. И когда по указанной цели бьют сразу 16 ружей, то результат обязательно достигнут: танк или самоходка будут подожжены.

Противотанковая граната, брошенная на жалюзи танка на скаку лошади, мгновенно воспламеняет вражеский танк. Для гарантии на один танк бросали две гранаты – два казака одновременно.

Точность траектории полета пули из противотанкового ружья достигалась на расстоянии свыше 1000 метров, что обеспечивало её попадание в цель и пробивную способность. При опытных наводчиках для полдюжины ружей не составляло труда поджечь на стоянках самолёт, склад горючего и боеприпасов, станцию наведения самолетов и корректировки орудийного огня, узел связи. Групповому использованию ружей нас обучали в полковых школах и в училищах. И это давало нужные результаты.

Немцы даже средние и тяжелые танки вели в наступление с осторожностью, опасаясь подставить танк под прямую наводку, под выстрел мчащегося вперед на полной скорости Т-34.

Приданный нашему эскадрону легкий Т-70 гонял немцев по сухой, не убранной с осени кукурузе. А три «тридцатьчетверки» приостановились в кустарнике. Командир одного танка приподнял люк и крикнул:

- Казаки!

- По машинам!

- Зададим фрицам жару!

- По коням! – скомандовал я двум десяткам казаков и сам мгновенно оказался на танке у башни. Взревели моторы, и танки рванулись вперед. При остановке на мгновение – выстрел, выстрел, выстрел... и снова вперед. Два немецких танка загорелись, остальные остановились: видимо, немецкие танкисты пытались определиться, насколько опасна атака «тридцатьчетверок». Последовали залпы орудий противника. Один мощный вражеский снаряд рванул перед нашим танком. Взрывной волной нас вихрем смело с брони на мерзлые груды чернозема. «Тридцатьчетверка» мгновенно сделала маневр и умчалась вперед, ведя огонь по самоходкам противника.

Во весь рост я упал спиной на мерзлую землю, головой, поясницей, копчиком ударившись о твердые, как железо, груды чернозема. Страшная боль во всем теле не давала пошевелиться. Только руками ощущал прижатые к груди автомат и сумку с гранатами. Потом всё куда-то уплыло, померкло... Очнулся к вечеру. Лежал в нательном солдатском белье на железной кровати на рваном тюфяке, в маленькой комнатухе ветхой сельской хатенки, что затерялась на окраине села в сухом бурьяне, о чем узнал я сутки спустя.

Два месяца ожесточенных боёв. В дневное время, в светлое время суток атаки одной стороны сменялись контратаками другой с переменным успехом. В отдельные дни такие встречные бои повторялись 5-6 раз. Ночью немцы отходили, а мы совершали маневр-перегруппировку подразделений и боевых средств. Потери были большими. Артиллерийским огнем немцы уничтожили наши орудия и танк. Но печально то, что погибали люди. В нашем эскадроне вышло из строя свыше сотни казаков – в основном, молодых ребят.

От огромной скирды соломы, за которой укрывались остатки нашего эскадрона, по открытой местности, по голому полю казаки пошли в атаку на позиции неприятеля, окопавшегося в лесопосадке. Нас поддерживала дальнобойная артиллерия; немцев – их минометные батареи. Фонтанчики степной пыли поднимали пули у ног наступающих, но казаки лишь ускоряли бег, да огонь пулеметов становился гуще. «Надоело ложиться и окапываться!» – оправдывались смельчаки.

- Ильчук! Ложись! - крикнул я впереди бегущему сержанту с ручным пулеметом.

- Не мешай, командир, - смеясь, ответил Ильчук и продолжал бежать.

Ильчука я знал с июля 42 года, мы подобрали его, 17-летнего мальчишку, в Пятигорске во время отступления. И зачислили в наш эскадрон. Он оказался смелым парнем – не прятался в бою. Потом полковая школа, сержантское звание, бои у Курской Дуги, прорыв Миус-фронта. Я не был его командиром (мы были одноклассники), но он называл меня командиром, не потому, что я командовал отделением управления эскадромом, а по фронтовой дружбе, и я, как он говорил с юмором, на военную службу на две недели раньше пристроился.

- Ты, командир, сам никогда не прячешься, и мне «плохой» пример подаешь, - поравнявшись со мной, прокричал Ильчук.

Ребят жалко. Остались в моем отделении только Виктор Казявин да Василий Пархоменко. Остальные полегли за последние дни.

Укрывшись за небольшим курганом, мы поставили два пулемета и открыли огонь по позициям противника. Несколько огневых точек немцев замолкли. Наша артиллерия

перенесла огонь на вторые позиции обороняющихся. На пару минут стрельба стихла с обеих сторон, вроде наступил «перекур». Мы перезарядили диски пулеметов.

К ночи мы выбили немцев из населенного пункта. Выслав дозоры и выставив охранение, разместились в одной из хатенок, чтобы перекусить и передохнуть. Пару часов, как я рассчитал, у нас для этого было.

«Зарядили мы немцев на ночное отступление, а главное – наша тяжелая артиллерия им придала духу.

Старшина с поваром притащили нам термос с перловкой и мясом, чай и многое другое съестное. Нехватки продуктов не было. По вечерам старшина отправлял в тыл полка строевую записку на численность личного состава эскадрона и требуемое количество продуктов, которые поставлялись через сутки. А за это время в горячих боях погибало немало казаков. И приходилось по 2-3 нормы на еще оставшихся в живых.

...После позднего ужина нам подали лошадей; всем полком мы совершили десятикилометровый бросок и вышли во фланг немецкой обороны. Спешились, укрыли лошадей, приготовились к утренней атаке. Связались с танкистами и артиллерией. Ожесточенность боёв последние дни октября не стихала, тактика не менялась: мы наступали, противник отходил. Как правило, немцы выдерживали план отхода. Но мы знали их твердолобость и нередко их «план» ломали: маневрируя по фронту и в глубину обороны противника, мы частенько вводили его в заблуждение и наносили неожиданные удары там, где он не ожидал. Все же потери были большими. В эскадроне осталось 12 человек. Выбыли из строя все офицеры, тяжело ранен командир эскадрона капитан Медведев. Меня подчинили непосредственно заместителю командира полка, майору Платову.

В одну из ночей наш корпус, или то, что от него осталось, отвели с передовой в тыл на 15-20 километров, выдвинув вместо нас на передний край пехотные и механизированные дивизии.

Через 3-5 дней стало поступать пополнение. Главная забота: закрепить за казаками лошадей и обеспечить за ними уход. Сложное это дело – уход за лошадьёю. А многие «казаки» никогда в жизни лошадь под уздцы не держали, а не то, чтобы сидеть в седле. Использовался метод: не умеешь – научим, не хочешь – заставим. Но заставлять приходилось редко. В кавалерию, как правило, шли с охотой – и через 2-3 дня казак – на коне. Поступило пополнение и офицеров: кто из госпиталей возвратился, иные – по окончанию кавалерийского училища, а лейтенант Щукин – легчик-истребитель – был списан с летного дела по ранению и согласился в кавалерию (до военной службы занимался в спортивном клубе верховой езды).

Переформировка частей коснулась и нас: из дивизии отобрали 15 сержантов с образованием 8-10 классов средней школы и по состоянию здоровья пригодных к военной службе в кадрах и направили в кавалерийское офицерское училище – требовал фронт командирских кадров. Легенда ходила на передовой: командира взвода – лейтенанта «хватало» на 2-3 горячих боя; командира эскадрона – на 2-х, 3-х месячную операцию. Ранение или гибель требовали замены...

Сибирь

Промелькнули месяцы напряженной учебы и практической подготовки в офицерском училище. Погоны дали золотые, а войне нет конца... Яссы, Кишинев, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Польша. Опять Венгрия...

Как нас воспринимали там – в этих странах? Румыны молчаливо, но враждебно, чувствовалось это – ведь они выставили против Союза целую армию дали в помощь Гитлеру, а потом - ещё 2. Их разгромили в Сталинградской битве. И ненависть уходила медленно, с боязнью. Мадыры из союза с Германией вышли последними, и Венгрию мы освобождали под лозунгом «Уничтожим сателлита Германии – фашистскую Венгрию!». Чехи и словаки – дружелюбно, во всём помогали.

Ну, а поляки?... Всё шипят. Чего шипят? «Видно Бог наградил их шипящим языком потому, что они лживы. («Старуха Изергиль»).

...Русский человек всегда был и будет силен своей непоколебимой святой верой и благочестивой жизнью. Поэтому и льнут к нему другие народы. Но, как писала Екатерина Великая: «Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как о народе русском. Завидуют русским и вечно посягают на земли наши и её богатства. Боятся наших веры и ума». Евгений Евтушенко подсмотрел еще одну из многих особенностей России:

...Никто, как русские, так не спасал других!

Никто, как русские, так сам себя не губит...

Прощание с фронтом

В конце октября 43-го 5-й Донской кавкорпус в связи с большими потерями в личном составе отвели в ближайший фронтовой тыл из Днепровских плавней на переформировку. Стояла сухая теплая погода. Из дивизии отобрали молодых сержантов, имевших среднее образование, для направления в офицерское училище. Построение было у сельской хаты, в которой временно пребывал генерал, командир дивизии. Старшим команды из пятнадцати сержантов был назначен старшина, Герой Советского Союза Шевченко. Огромного роста, спокойный и неразговорчивый, да еще со Звездой Героя (а Героев в то время в среде кавалеристов было не так много), старшина управлял командой фронтовиков одним своим авторитетом. Молодые сержанты смотрели на него как на бога, и уж во всяком случае ни у кого из них никогда не возникало намерения возражать или тем более не подчиниться.

Из хаты вышел в полной форме командир дивизии – плотный, крепкий, стройный кавалерист. Старшина Шевченко доложил о сборе команды и представил каждого сержанта поименно. Генерал поздоровался с каждым за руку и без всяких вступлений сказал очень кратко:

- Благодарю за воинский подвиг и служение Родине. Вы с честью выполнили свой долг. Направляем вас в Тамбовское кавалерийское училище. Мы добьем врага сами, вы будете офицерами послевоенного периода. Командные кадры будут нужны и тогда.

Генерал замолчал. Прихрамывая на левую раненую ногу, медленно сделал несколько шагов вдоль строя. Остановился. Внимательно всматриваясь в лица сержантов, как бы стараясь понять их настроение, что-то обдумал и тихо продолжил:

- Ваш боевой фронтовой опыт и профессиональная подготовка в училище дадут вам возможность стать надежными воспитателями своих подчиненных, - генерал, видимо, хотел еще что-то сказать, но лицо его, обветренное и осунувшееся за последние два месяца (ожесточенных боев, в которых дивизия потеряла почти две трети своего состава), скривила болезненная гримаса, он наклонился на раненую ногу и замолчал.

- Помните свою дивизию, - закончил генерал.

Не знал тогда боевой генерал, что его предсказания не сбудутся, что, закончив обучение в училище, лейтенанты возвратятся на фронт, и многие из них погибнут в последние дни войны, а он сам, генерал Калинин, погибнет в Яско-Кишиневской операции.

Погрузившись на станции Пологи в сборный товарно-пассажирский состав, через Ростов-на-Дону команда прибыла на пятые сутки на станцию Лиски, где предстояла пересадка на Поворино и далее до города Шадринска Курганской области, куда было эвакуировано Тамбовское училище.

Регулярного железнодорожного движения по территории, недавно освобожденной от немецкой оккупации, организовано еще не было. Поезда ходили по потребностям и возможностям, и прежде всего – после восстановления разрушенных железнодорожных путей. Но порядок и организованность на железнодорожных станциях были установлены военные, жесткие. В период войны весь железнодорожный транспорт, как основной вид

перевозок, был переведен на военное положение, и на всех его работников распространялись условия воинской службы.

В полуразрушенном здании станции Лиски, кроме служб железной дороги, размещался и военный комендант, в обязанности которого, кроме всего прочего, входило и обеспечение передвижения воинских команд, контроль за соблюдением дисциплины, проверка численности. Аттестат на получение продуктов питания в пути выдавался в то время на всю команду, в нем указывалась численность команды. Офицерам комендатур на железнодорожном транспорте вменялось в обязанность попросту пересчитать число военнослужащих в команде и проверить соответствие их числу, записанному в продовольственном аттестате, чтобы не было случаев получения продпайка или обедов на «мертвых душ» или на отсутствующих военнослужащих.

По приказанию старшего лейтенанта – военного коменданта станции – старшина Шевченко построил на перроне команду, несмотря на позднее время, три часа ночи. Офицер взял у старшины список команды и стал читать:

- Казак! – громко выкрикнул он и вопросительно уставился на первого стоявшего в строю сержанта. Воцарилась тягостная тишина. Все молчали.

- Казак? – еще громче выкрикнул комендант.

Молчание.

– Кто Казак? – уже раздраженно произнес он.

- Все казаки, - нестройным хором ответила команда.

- Казак Ильчук? – прочитал далее комендант.

- Я! – громко и четко ответил стоявший первым в строю самый высокий по росту сержант. Комендант догадался, что в казачьем кавалерийском корпусе на первом месте в списке военнослужащих стояло «казак», а уж потом фамилия, и в скобках – воинское звание: сержант, старшина и пр.

Все казаки в команде оказались в наличии. Комендант завизировал своей подписью аттестат и указал на построенный невдалеке от железнодорожных путей барак, в котором размещалась войсковая столовая. Там, несмотря на позднее время, команду покормили обедом из трех блюд и выдали сухой паек на трое суток дальнейшего пути.

Настроение у казаков заметно приподнялось. Покемарив до утра на скамейках захламленного вокзала, команда отправилась поездом, состоящим из старых скрипящих и неестественно раскачивающихся вагонов, с двумя пересадками, и второго ноября прибыла в Шадринск, в расположение 4-го эскадрона училища.

Как и принято было в войске, все начиналось с санобработки: капитально помыли всех в бане, прожарили обмундирование, выдали чистое нательное и постельное белье, накормили обедом. После ночного отдыха – подъем в шесть утра, построение на заснеженном дворе у казармы. Командир эскадрона капитан Шапка – худощавый стройный офицер, который для придания значимости своей необычной фамилии произносил её зычно, нараспев, с ударением на букве «п», причем последний слог «ка» тянул особенно долго. И все, слышавшие эту фамилию, а главное – её произношение впервые, никак не сомневались, что эта незаурядная фамилия принадлежит особенному человеку.

Капитан представил командира взвода старшего лейтенанта Шингирия:

- Это ваш бог и начальник, - отчеканил капитан Шапка, указывая на старшего лейтенанта, - он решает вашу учебу и судьбы. Вопросы есть? – спросил капитан.

И сам же сразу ответил:

- Вопросов нет, - повернулся и ушел в свою канцелярию-кабинет.

Старший лейтенант Шингирий, кадровый офицер-кавалерист, после ранения на фронте назначенный в училище и крайне недовольный своим назначением, заложив руки назад в рукава своей потертой в походах шинели, обошел строй взвода, пристально взглядываясь в лицо каждого из своих подчиненных, остановился посреди строя и

нараспев, как водится у истинных кавалеристов, через выдвинутую нижнюю челюсть пропел:

- Ну, бандеровцы, ну бандюги! Всё, чему вас раньше учили, - забудьте. Тут вас буду учить я! Помкомвзвода назначаю Провоторова, - категорично заявил старший лейтенант, указав кивком головы на вышедшего из строя старшего сержанта, кривоногого кубанского казачка с черными усиками и плутоватыми глазками, которого мы еще в пути с фронта намерены были выбросить из вагона на ходу поезда за подлое поведение, но старшина-герой воспрепятствовал.

Имея небольшой опыт командирской службы, мы сразу поняли большую опытность старшего лейтенанта, сразу усмотревшего у Провоторова нужные качества сексота, подхалима, карьериста.

Началась курсантская жизнь. Подъем в шесть утра. На подъеме, кроме дежурного по эскадрону, присутствует старшина: стройный, с зычным голосом, затянутый в ременные портупей. Он стоял в углу казармы и после страшенно громкого крика дежурного по эскадрону «Эскадрон! Подъем!» сквозь зубы зычно нараспев цедил: «...одна минута, одна минута». Курсанты стремглав сваливались с двухъярусных металлических кроватей, натягивали обмундирование и, обернув ноги портянками и сунув их в сапоги, стремительно бросались в строй, на ходу застегивая ширинки. Но, к сожалению, вся операция сотни курсантов превысила минуту времени, и тогда старшина выступал на середину казармы и громко командовал: «Эскадрон! Отбой!». Дежурный повторял команду, и все мгновенно раздевались и залезали под потрепанные одеяла, еще немного сохранившие ночное тепло в промозглой казарме. Следовала повторно команда «Подъем!» и опять – «Одна минута! Одна минута!». Так пять-шесть раз, до тех пор, пока весь эскадрон не укладывался в указанное время.

За каждым курсантом были закреплены лошадь и снаряжение. Конюшни от казармы располагались примерно в восьмистах метрах. Утро начиналось с ухода за лошадьми. Чистка лошади – полтора часа, водопой, кормление. Затем туалет, завтрак и занятия, как правило, начинавшиеся выучкой верховой езды на манеже. Правило сводилось к тому, что как на конюшню, так и по пути в казарму эскадрон шел с песней.

Кормили курсантов трижды в день по девятой офицерской норме, давали белый хлеб, сливочное масло, мясные блюда, компот. Ежедневно с 15 до 16 часов был «мертвый час», сон в постели. Раздевались, залезали под одеяло, но не успевали согреться, как пробежал незаметно час, раздавалась громкая команда дежурного «Подъем!». Построение. Два часа – самоподготовка, проводимая под руководством помощника командира взвода, или по отделениям - командирами отделений. Затем два часа - уборка конюшни, чистка и кормление лошадей, ужин, час личного времени, прогулка по морозному заснеженному городку с песнями, построение на вечернюю поверку, разбор итогов дня, поощрение отличившихся, наказание виновных, задачи на следующий день. Пять минут – туалет. Отбой! Девятая норма питания и час «мертвого отдыха» улетучивались бесследно, а расход энергии превышал все заложенные калории на сутки. Было голодно и зябко...

Наиболее напряженной была верховая подготовка на манеже, которую проводил старший лейтенант Шингирий. Кадровый кавалерист, мастер верховой езды, он и в мыслях не допускал, что на лошади можно сидеть и управлять ею иначе, чем он сам. При отработке посадки на лошади требовалось, чтобы лопатки на спине седока были сведены вместе. Локти прижаты к туловищу, кулаки, держащие повод, стоят «стаканчиком», голова всадника приподнята, взор устремлен на начальника – «ешь глазами начальника», поясница прогнута, икры ног развернуты, каблуки опущены, носки приподняты. Всадник с лошадью слит в одно целое: не шелохнись, не наклонись...

После двух часов отработки посадки при «учебной рыси» - без стремян, без опоры на стремя - ощущение такое, что в голове у тебя если что-то и было, то взболталось, перемешалось и превратилось в цементированный сгусток...

Старший лейтенант Шингирий явно недоволен взводом и, обращаясь к своему верному помощнику, кричит:

- Помкомвзвод Провоторов! Курсанта Гречина за хамскую посадку, позорящую кавалерию Красной Армии, от имени начальника училища отправить на гауптвахту на десять суток строгого ареста! На гауптвахту учебной рысью марш!

И поехал Гречин на гауптвахту. Справедливости ради следовало бы признать, что курсант Гречин, старый по возрасту курсант – лет под тридцать, полный и неповоротливый, видимо, в кавалерию, а тем более в училище попал по недоразумению и действительно своей посадкой на лошади не только не удовлетворял эстетические представления Шингирия, но и позорил кавалеристов, отличавшихся своей строевой и верховой выправкой.

Первые две недели напряженных занятий явно не понравились фронтовикам, привыкшим к определенным вольностям. Риск быть раненым или даже погибнуть в бою хотя бы в какой-то ничтожной степени компенсировался свободой и волей в условиях фронтовой службы. Это понимали и офицеры-фронтовики, этим во многом объяснялось и недовольство Шингирия его назначением в училище. Взвод взбунтовался. Отдельные курсанты открыто выражали нежелание учиться и требовали отправить их на фронт. Делать такие заявления не боялись, руководствуясь бытовавшей в то время поговоркой: «Дальше фронта не пошлют, даже если и накажут за такие разговоры».

В субботу, после отбоя, старшина приказал помкомвзвода Провоторову построить второй взвод и привести его в канцелярию к командиру эскадрона капитану Шапка.

- Товарищи курсанты, - начал елейным голосом капитан. – Мне стало известно, что вы стремитесь на фронт. Прошу записываться. Кто первый? – взяв ручку и лист бумаги, уставился он на курсантов.

- Курсант Высоких, - громко выкрикнул курсант действительно высокого роста, осужденный до войны за хулиганство и досрочно освобожденный для отправки на фронт.

- Курсант Высоких, - повторил капитан и записал фамилию его на листе бумаги. – Хорошо. Кто еще?

- Курсант Ильчук, - твердо произнес курсант, подобранный нами еще в 42-м году в Ессентуках при сдаче города. Он был тогда еще семнадцатилетним юнцом, только что закончившим учебу в школе. Оба мы отучились в полковой школе, получили сержантские звания, прошли фронт в 5-м Донском кавкорпусе: он – командиром расчета станкового пулемета, я – командиром управления кавэскадрона. Судьба и фронтовые дороги привели нас и в кавучилище.

- Курсант Ильчук, - записал капитан. - Думаю, достаточно, - обращаясь к старшине, сказал угрожающе капитан. И, не дав передышку, продолжил:

- Товарищ старшина, курсантам Высоких и Ильчуку за саботаж в учебе от имени начальника училища по десять суток строго ареста с содержанием на гауптвахте. Кто еще желает на фронт? – глядя на курсантов, ехидно спросил Шапка. И сам ответил:

- Нет желающих. Запомните, из училища только два пути: на фронт после получения офицерского звания или по болезни в запас. – И, не допуская вопросов и возражений, резко закончил:

- Товарищ старшина! Отбой! Арестованных отправить на гауптвахту.

В период войны действовали комсомольские организации. Но их деятельность имела особенности: например, все курсанты взвода-эскадрона автоматически зачислялись в комсомол. И второе – секретари первичных комсомольских организаций назначались командованием и политорганами, а не избирались комсомольцами. Такая урезанная демократия была. Не знаю, за какие заслуги, но почти во всех подразделениях, где я служил солдатом (казак), сержантом, курсантом, меня назначали секретарем первичной комсомольской организации. Может быть, потому, что имел полное среднее образование и немалый стаж в комсомоле. Ни служебных, ни комсомольских взысканий у меня не было, по военной подготовке успевал, в 42-м и в 43-м годах участвовал в боях на фронте,

с командирами не спорил, но и не заигрывал. Конечно, отношения младших командиров и старшин с офицерами всегда регулировал замполит, как правило, поддерживавший комсорга.

Несмотря на статус комсорга эскадрона, я числился в отделении курсантов, командиром которого был назначен сержант Гуменюк, также прибывший в училище с фронта, но не из кавалерийской части, а из артиллерии, где он был не то ездовым, не то командиром орудия на конной тяге. В общем, при лошадях. Конечно, верховой подготовки не имел, лошадью владеть не обучен, но своей должностью гордился неимоверно, власть любил. Родом был из Пирятина, с Украины. Говор у него не то что украинский или русский, а какой-то местечковый: «Я из Пыратина, - дальше он переходил на русский мат, - и ... тыбя, - тыкал он в грудь своему подчиненному, - зажару на манежу. Хиба ты у мэна нэ бачив, хто такий Гуменюк? – зло вопрошал он. – Нарад внэ очэроди». О любви хохлов к власти (а Гуменюка курсанты так и звали – «хохол») курсанты сочиняли легенды. Ему дай любую, самую маленькую, незначительную должность, а все остальное он сам сообразит.

...В декабре 44-го года, присвоив офицерские звания, нас направили на фронт. Меня назначили командиром взвода разведки в 6-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. В подчинении оказалось двадцать сержантов, опытных фронтовиков-разведчиков. Основная задача взвода – разведка ближайших тылов противника.

...Бои за станцию Ланжгот на реке Мораве на границе Венгрии и Чехословакии развернулись в конце марта 1945 года. Станцию – важный стратегический пункт в этом районе – обороняли части немецкой армии, подразделения разбитых частей венгерской и румынской армий, отряды власовцев – те из них, которые, в силу прежних своих «заслуг» на территории Советского Союза, ни убежать никуда не могли, ни в плен сдаться - все равно расстреляют. Костяком обороны немцев был танковый полк из 22 «тигров». Причем их использовали как подвижную огневую силу. Железнодорожный мост через Мораву немцы взорвали. Он осел. Металлические фермы оказались почти вровень с берегами, что-то было похоже на проезжие колеи. Но проехать по ним, конечно, было невозможно не только танкам, но и повозкам. Только бойцы использовали фермы, чтобы перебраться с одного берега на другой. Правый берег реки, с которого наступали части Красной Армии, - болотистый, покрыт густым лесом. Шоссейная дорога, ведущая к переправе, была забита сгоревшими «тридцатьчетверками», а мост также взорван.

Станцию штурмовали конно-механизированная группа генерала Плиева И. А. в составе 6-го гвардейского и 4-го Кубанского гвардейского кавалерийского корпусов с приданными ей механизированной дивизией и бригадой РК 198-мм гаубиц. Бои шли более недели, но безуспешно: реку тяжелая техника преодолеть не смогла, а переправившиеся эскадроны в пешем строю атаковали противника, но отходили под сильным его огнем. Мадыры и особенно румыны не прочь были прекратить сопротивление и отойти, но заградительные отряды, созданные немецким командованием из власовцев, расстреливали беглецов в упор. Русским «патриотам» терять было нечего, а немецкое командование за усердие поощряло и обещало уберечь «от карающей руки Советов».

В штаб 6-го кавкорпуса донесения из дивизий, полков и эскадронов, находившихся у реки или её форсировавших, поступали самые противоречивые. С целью выяснения обстановки командир корпуса генерал-лейтенант Соколов И. И. приказал разведотделу послать своих разведчиков в первые линии наступавших, чтобы определить, каких рубежей они достигли. Такая задача мне была поставлена как командиру взвода разведки непосредственно начальником разведотдела подполковником Рагозиным А. П. В ночь с 7 на 8 апреля доставить сведения следовало к 5 часам утра 8.04.45 г.

Из трех разъездов во взводе я взял первый разъезд из шести наиболее опытных сержантов, фронтовиков, имевших ранения и многие боевые награды. В этом же разъезде

состоял в штате и потому был взят мною в разведку коновод Игралов Григорий, кривоногий, небольшого роста кавалерист, более чем на десять лет старше меня по возрасту, познавший трудности жизни задолго до войны – за кражу осужденный на десять лет. Отбыв более двух лет, он, как и многие другие, был освобожден из мест лишения свободы и добровольно пошел на фронт. Воевал не хуже других, фашистов и их прихвостней ненавидел люто – оккупанты в Одесской области уничтожили его семью еще в 41-м году по неизвестной причине: не были они ни коммунистами, ни ударниками труда, а так, видимо, за «компанию» с другими односельчанами. Не мог сдержаться Игралов при виде фашиста: в бою поступал, как в бою, – жестоко, за ним не числилось пленных. Но был такой, казалось бы, незначительный случай. В конце марта в Венгрии мне приказали охранять на территории местного кладбища более двух тысяч военнопленных, взятых всей нашей группой за несколько последних дней боёв. На рассвете их надо было проверить, изъять оружие, часы и другие ценности и сдать в разведотдел, а пленных следовало определить в армейский лагерь военнопленных.

Из десяти оставшихся во взводе разведчиков я организовал охрану: по периметру кладбища поставил четыре ручных пулемета, и побегов не было. Впрочем, никто к этому и не стремился: война заканчивалась, да и публика в плен попала довольно дисциплинированная: приказали сдать – сдались, приказали никуда не бежать – точно выполняют. Никакой инициативы.

На рассвете я пошел по тропинке кладбища, чтобы проверить «постояльцев». Конечно, завидев советского офицера в новеньком, цвета хаки шерстяном обмундировании, с шашкой и пистолетом на боку, со звенящими шпорами и с голубым околышем фуражки, немецкие, мадьярские, румынские и другого воинства пленные мгновенно вскакивали со своих мест, вытягивались как по команде «смирно» и заискивающе смотрели на меня. Тишина была полная – никто не смел её нарушить. И вот эту утреннюю тишину прервал зверино-подобный рев человека. Я невольно оглянулся, привычно схватившись за эфес шашки: позади, рядом с тропинкой, стоял огромного роста эсэсовец в мышинного цвета обмундировании, без головного убора. Через всё его лицо – красно-синюшный кровотокающий рубец. Немца трясло, но он не издавал никаких звуков. Копаясь в своем вещевом мешке, немец не заметил меня и не встал. Шедший позади коновод Игралов не стерпел такого кошунства и нанес кавалерийской плетью удар несчастному немцу. Тот взревел от боли и неожиданности и мгновенно вскочил.

- Перед советским офицером надо вставать! – зло и твердо прокричал Игралов, обращаясь к трясущемуся немцу, наивно считая, что тот понимает русскую речь. Но тот как будто всё понял, задрал выше трясущийся подбородок и промычал: «Яволь».

- Игралов! Отставить! – резко оборвал я своего подчиненного. И продолжил свой путь.

Разъезд я вывел к кромке леса и болоту, когда уже начинало темнеть. Определив по карте направление ближайшего выхода к Мораве, мы по проселочной дороге совершили бросок вдоль опушки леса к началу узкоколейки. Немецкие наблюдатели-артиллеристы, заметив столь наглое передвижение по открытой местности вдоль фронта, открыли беглый огонь по дороге. Уйти от поражения было несложно: когда снаряды разрывались позади, мы мгновенно останавливались и галопом возвращались примерно на сто метров назад. Снаряды рвались впереди у дороги. Тогда по моей команде делали бросок вперед метров на триста. Снаряды снова рвались позади нас. Так, играя с артиллеристами в «подавки», мы благополучно достигли просеки, в которую упирались поржавевшие от времени и воды рельсы узкоколейки, и скрылись в густой чаще леса. Нас обступила вязкая, сплошная темнота. Обстрел немецкой артиллерии прекратился.

Твердь земли лошади ощущали под ногами – это была невысокая насыпь узкоколейки, теперь сплошь покрытая водой и илом и поросшая травой. Над головами проступила полоса относительно светлого неба, что облегчало ориентировку при движении по лесу среди вековых деревьев. Впереди ехал на своём гнедом скакуне

Игралов, следом двигался я. Лошадь подо мною была выездженная специально под кавалерийское седло, ноги не засекала, не спотыкалась, несмотря на множество препятствий на пути – корневищ и колдобин. Чутко держалась за впереди идущей лошадью. Остальной разъезд шел вплотную за мной. Все настороже, с автоматами на груди, с запалами в гранатах Ф-1 по карманам в бушлатах. Надеялись встретить на просеке или около нее командные пункты наших частей или эскадронов. Последний рубеж движения – берег реки.

По данным разведотдела, в лесу в полосе нашего продвижения могли быть разведгруппы противника, засылаемые с целью разведки или диверсий. Насыщенность леса подразделениями разных родов войск, как с нашей стороны, так и со стороны противника, участие в боях власовцев, свободно владеющих русским языком и одетых, как правило, в форму советских военнослужащих - различить в такой обстановке, да ещё ночью, своих и чужих было трудно, все были настороже и огонь открывали при первом же сомнении.

Когда до уреза реки оставалось уже менее пятисот метров и лес начал понемногу редеть, а видимость улучшилась, вдруг, как из-под земли, перед моей лошадью выросли три огромного роста фигуры в плащ-накидках, мгновенно наставившие автоматы: два - в грудь лошади, а третий – мне в бедро. Сразу заметил – два наших ППШ, а третий – немецкий. Стоявший посредине взял лошадь под уздцы. Я натянул повод, остановил лошадь и шпорами дал ей понять: надо быть готовой к броску. В левой моей руке – повод, в правой – граната Ф-1 с отогнутыми усиками чеки и с кольцом на большом пальце. Впереди остановился Игралов, как не раз было условлено, готовый мгновенно открыть огонь из автомата. Свернув с колеи, приготовились к стрельбе и кавалеристы, следовавшие за мною. Я не видел, но чувствовал, что это так. Не сомневался, что мои подчинённые действуют безошибочно, как это случалось уже не раз. Разведка в тылах противника, куда нам не раз приходилось проникать, приучила понимать обстановку и друг друга без команд, без слов. Срабатывали фронтовой опыт разведчика, находчивость кавалериста.

- Кто такие? – глухим простуженным голосом спросил державший мою лошадь под уздцы.

- Свои, - спокойно ответил я и резким движением вырвал повод из его руки.

В голове стучал лишь один вопрос: «Свои или чужие?» От этого зависело всё: и поведение, и исход неожиданной встречи, и успех или провал в выполнении задачи.

- Где находится полк? – продолжил остановивший меня человек и назвал номер части, которого я не знал и который не значился не только в кавалерийских соединениях, но и в механизированной пехоте, входившей в состав войск группы генерала Плиева И. А. Как разведчик, я на память знал наименования частей группы войск.

- Сами ищем, - с напускным спокойствием ответил я и тронул шпорами лошадь. Если это наши, то пусть ищут часть, которая им действительно нужна. А если противник, то, убедившись в нашем численном превосходстве, нас не тронут, иначе при перестрелке погибнут. По тактике деятельности разведразъездов мы всегда придерживались предписываемых нам правил: в перестрелки и в бои с противником не вступать. Главное – выполнить задачу по сбору разведанных, иногда – добыть «языка». В бой вступить можно только при самообороне, когда другие возможности исчерпаны. Моя задача в эту ночь – проверить расположение наших передовых эскадронов, выяснить, каких фактически рубежей они достигли.

Мы продолжили движение, а ночные встречные остались на месте. Через непродолжительное время нас остановил окрик вооруженного автоматом человека, вышедшего из-за дерева. Им оказался сержант 220-го кавполка нашего корпуса, которого знал по совместной службе наш разведчик сержант Бондарь. Отношения сразу упростились. Сержант из боевого охранения вызвал своего подчиненного и приказал провести нас на командный пункт командира полка. Мы спешили. Командный пункт

располагался в старом немецком бункере на небольшом пригорке, что спасало его от болотной сырости. Командиром полка оказался полковник Жуков, командовавший полком в 5-м казачьем кавалерийском корпусе ещё в 1943 году, когда корпус находился на Курской дуге. В его полку я служил командиром отделения управления 4-го эскадрона в звании сержанта.

Я представился полковнику, назвал себя по 43-му году, когда он был подполковником. Полковник сделал вид, что меня помнит и узнал. Но я-то понимал: я один из тысяч прошедших «через его руки», живых и погибших. Но не стал его разочаровывать...

- С вечера не знаю, где эскадроны, врут в донесениях. Тут-то до передовой 300-500 метров. Но и не верить им нельзя, - как бы оправдываясь, рассуждал полковник, имея в виду командиров эскадронов. – Утром они на этом берегу, в обед – на том. А вечером опять на этом. Бои идут, как говорят, - скривил улыбку полковник, - с переменным успехом. Можно проверить... Да я сам, - замялся Жуков, - бываю там постоянно. Поредели эскадроны, выбили людей... А война заканчивается... Иди, лейтенант, проверь, - закончил он свой невеселый рассказ.

Разделив разъезд на три группы и назначив старших с сопровождающими, выделенными командиром из комендантского взвода, мы в пешем строю пошли, а местами пробирались по-пластунски и с рассветом вышли к реке. Командир эскадрона, а точнее – исполняющий его обязанности лейтенант (так как командир третьего дня был убит) находился в траншее вместе со всеми бойцами и командирами взводов. Противоположный возвышенный берег был покрыт горами кирпича от разрушенных тяжелой артиллерией и бомбами зданий. Где-то там, в развалинах, скрывались немецкие «тигры», а на чердаках уцелевших зданий прятались «юнгштурмовцы» и власовцы. А еще дальше – батареи тяжелых орудий и минометов. Об этом можно было судить лишь по их методичным выстрелам и разрывам снарядов, в основном в тылу эскадронов полка. Получив сведения о соседях, я убедился, что некоторые подразделения форсировали реку и закрепились на ее противоположном берегу, но большинство – завязли еще на этом.

...С рассветом мы возвратились в расположение штаба корпуса. По пути попали под шальной обстрел немецких минометов. Немцы стреляли бесприцельно, наугад, и потому потерь мы не понесли. Начальник разведки остался доволен результатами моего доклада.

Бином Ньютона

Освобождали Венгрию под лозунгом «Уничтожим последнего сателлита Германии – фашистскую Венгрию». Италия, Финляндия и другие союзники Гитлера прекратили сопротивление и вышли из союза со своим главарем. Оставалась только Венгрия. Кто был на фронте, тот знает, что значил лозунг «Уничтожим фашистскую Венгрию...»: для солдат и офицеров – никаких ограничений. Отношение – как к враждебной армии, как к вражескому государству. На стенах домов, на каменных заборах черной краской огромными буквами – эти слова...

Кавалеристы, приученные многовековым опытом, системой подготовки, горьким режимом ведения боя на уничтожение, зачастую в тылах противника обречены были на самовыживание, проявляли высокую живучесть и наводили на противника холодящий ужас. В плен их не брали, они не сдавались. Не менее жестким было и их отношение к противнику.

Незыблемый закон для кавалериста – забота, уход и содержание боевого друга-коня. От него зачастую зависел успех боя, а то и жизнь всадника. Кавалерист не станет есть, отдыхать, пока не накормит, не напоит, не почистит лошадь, не заготовит фураж на будущее. Сам останется голодным, но для лошади все достанет, чего бы это ни стоило. В случае повреждения лошади: засечка «бабок» ног, потертость холки, - самой страшной угрозой командира подчиненному было: «Спишу в пехоту!». И к утру лошадь была в строю. Как кавалерист её вылечил (по-кавалерийски – «отремонтировал»), нашел,

заменял, «достал» - это никого не касалось, никого не интересовало. Лошадь есть – казак в строю, готов к бою. Важен конечный результат.

До меня взвод разведки был сколочен. В нем состояло двадцать сержантов - «стариков»: от 30 до 40 лет, опытных и закаленных войной людей, не раз раненых, многократно награжденных медалями и орденами. А мне только что исполнилось 19. Я их учил, а они меня оберегали, заботились обо мне, ненавязчиво учили опыту боя, хотя и я имел опыт боевых действий в 1942-1943 годах. Мы поняли друг друга с полуслова, и они меня признали своим командиром. Все строилось не на команде, не на наказании, а на личном примере: «Делай, как я!» - в этом весь смысл руководства подчиненными.

Мой взвод расположили в поселке городского типа. Меня определили «на постой» в небольшой особнячок, хозяевами которого оказались местный юрист, по нашим меркам – нотариус, и его жена, преподаватель местного колледжа, окончившая до войны, в Париже, физико-математический факультет университета.

Вначале семья приняла меня настороженно. Они тоже были осведомлены о сути лозунга, под которым наши войска прошли Венгрию. И хотя к тому времени был заключен договор с Временным венгерским правительством о выходе Венгрии из союза с Германией и прекращении сопротивления, все же инерция настроения войск убывала медленно.

Общались мы в основном на немецком языке, которым хозяева особняка, как мне показалось, владели в совершенстве. В комнате, где нас принимали, стояло несколько красивых книжных шкафов, и я с интересом обнаружил довольно много книг на немецком языке – произведения Достоевского, Тургенева, Толстого Л. Н., а также французских классиков, которых мы изучали в средней школе.

Хозяйка, рыжеволосая женщина с пышной прической, оказалась более смелой, чем хозяин, и общительной. Она удивилась, что я, рассматривая книги, называл их авторов и названия произведений.

- Пан капитан знает Достоевского и Мопассана? – удивилась она. Следует заметить, что мадьяры всякого нашего офицера, независимо от звания, называли «пан капитан» - или не разбираясь в воинских званиях советских офицеров, или не желая кого-то обидеть, «понизив» его в звании. А звание «пан капитан», в их понимании, было довольно высоким званием.

- В школе проходили, - ответил я уверенно.

- Что такое «проходили»? – переспросила хозяйка.

- Изучали, читали, так было предусмотрено программой обучения, - растолковывал я.

Необходимость детального рассказа о нашей школе вызывалась тем, что несколькими днями ранее хозяйка вполне серьезно спрашивала меня: правда ли, что в России все завалено снегом, по улицам ходят медведи, а в колхозах все мужчины и женщины спят под одним одеялом и живут в одном доме. В этом мнении её поддерживал муж. Нам было известно, что гитлеровская, да и не только гитлеровская пропаганда весьма специфически преподносила нашу действительность, пытаясь убедить всех в том, что наши советские люди – сплошь неграмотные, лодыри и пьяницы.

- У вас были книги, мировая классика на русском языке? – не унималась хозяйка. – А что вы еще изучали в школе? Нам говорили, что у вас, кроме сказок про Иванушку-дурачка и Бабу Ягу, ничего не изучали...

Пришлось прочитать на память несколько отрывков из произведений Тургенева, Гоголя, стихи Байрона, Гете, Пушкина. К заучиванию наизусть нас в школе настойчиво приучал Герхард Альфредович Колленс, русский немец, преподававший русский язык и литературу.

- Вам повезло, что учил вас немец, - не сдавалась хозяйка. – И с учеником ему повезло, - лукаво улыбаясь, подвела она итог своему видению положения дел в советской школе.

- В нашей школе преподавали не только литературу, но и точные дисциплины. И преподавали их не немцы. Алгебру, например, вел Алексей Иванович Вихарев. Мы изучали физику, геометрию, тригонометрию... - продолжал я просвещать свою собеседницу. Но чем больше я открывал ей «секреты» нашего среднего образования, тем всё сомнительнее для неё они казались. Это я видел по её скептическому выражению лица.

- Математика – это не стихосложение, - категорически заявила она. – Математика – это наука. Постоянное творчество, заучивание наизусть тут ничего не даст. Что вы изучали?

Я назвал несколько формул и теорем Пифагора, упомянул о катетах, гипотенузах, о бесконечных величинах... Но скептицизм у воспитанницы физмата Парижского университета не уходил. Тогда я вспомнил, что Алексей Иванович Вихарев, завершая курс алгебры, дал нам несколько теорем из высшей математики. Математику я любил, память была крепкой. И решил привести последний довод, чтобы убедить собеседницу в результативности нашего обучения. Я попросил чистый лист бумаги и карандаш. Хозяин особняка, высокий, худощавый, с крупными чертами лица мужчина, державшийся особняком и не участвовавший в наших разговорах, вдруг осмелел и обратился ко мне:

- Господин капитан, вы простите мою супругу за столь неудобное для вас поведение. У неё это от французов... Эта настойчивость... Эта... - подыскивал он слова. Он развел свои длинные руки в стороны и, виновато улыбаясь, добавил: - Она по-французски всё оценивает. Я приятно удивлен вашими познаниями в истории литературы. А математика – это её профессия, - скороговоркой, переходя с немецкого на русский, пытался защищать свою супругу хозяин особняка.

Здесь немаловажно объяснить одну особенность. В дом, где я был на постое, ежедневно заходила девушка-мадьярка с немецким именем Берта. За две-три недели общения с русскими она довольно сносно овладела русской разговорной речью и помогала нам в переводе. Кстати, необъяснимая быстрота овладения мадьярами русским языком и нашими солдатами - мадьярским была повсеместной. Старший лейтенант нашего дивизиона с русской фамилией Карасев, но, по-моему, родом с Поволжья и по национальности чуваш или мордвин, также через две-три недели свободно общался с местными жителями на мадьярском языке и помогал нам в переводе. Берта и в этот день была с нами, вызывая тем страшное недовольство старшего лейтенанта Коржова, находившегося на постое в доме родителей Берты. Уже потом, много лет спустя, я понял: Берта не принимала ухаживаний «старика» - 30-летнего Коржова - и приходила в наш дом, где на постое был 19-летний лейтенант, в гимнастерке и брюках галифе цвета хаки из тонкой английской шерсти (подарок английской королевы русским офицерам), в хромовых, до зеркального блеска начищенных сапогах со звенящими шпорами, в новеньких, скрипящих ремнях на тонкой талии, справа на поясе – наган, слева – шашка... Мадьярки знали толк в кавалерии и в кавалеристах – в Венгрии кавалерия была в почете. Но всё это я понял потом, а тогда – деревенский парень, в 16 лет получивший среднее образование и убежавший на фронт, после ранения окончивший кавалерийское училище и получивший взвод разведки, был идеалистом: всему верил, все соблюдал, все требования выполнял беспрекословно, впитав принципы благородства героев тургеневских романов... Комсорг эскадрона не мог увлечься молодой прекрасной девушкой, ведь она из другого, не «нашего» мира. Да и замполит дивизиона майор Игошин не рекомендовал иметь связи с местным населением. Имелись в виду личные, интимные связи. Наши задача и цели, и я был убежден в этом, - постоянно проповедовать, демонстрировать благородство, высокие идеалы превосходства нашей идеологии над фашистской.

Получив чистый лист бумаги, я вывел бином Ньютона. Моя оппонентка была повержена. На её глазах появились слезы. Берта не смущаясь присутствием хозяев, наступила своими ножками на мои блестящие сапоги и обняла за шею.

Побег из госпиталя

После ранения, в апреле 1945 года, нас, офицеров, поместили в армейский полевой госпиталь. У меня вытащили из левой руки осколки немецкой мины, а у лейтенанта Масолова Роберта – пулю из левой ноги. Роберт, родом из Москвы, также был командиром взвода в нашем эскадроне.

Госпиталь следовал за своими частями, наступавшими на Прагу, и в начале мая наше офицерское отделение разместили в небольшой чешской деревушке. Нас с Робертом – в особняке на втором этаже в довольно просторной комнате. Из окон особняка была видна война: нескончаемой колонной шли «тридцатьчетвертки», на бреющем полете пролетали штурмовики, а навстречу, из-под Праги, наши солдаты и чешские партизаны вели пленных немцев, мадьяр, власовцев. Седьмого и восьмого мая по радио непрерывно объявляли, что война закончилась, а картина перед окнами госпиталя не менялась до 12 мая. Уже потом стало известно, что продолжались бои за Прагу и в ее окрестностях.

Начальник отделения, подполковник медицинской службы, устроил торжественный ужин по поводу Победы, на который пригласил раненых офицеров, способных ходить, обслуживающий персонал отделения и ансамбль цыган: скрипка, контрабас и гитара. У нас цыгане – конокрады, а в Венгрии – музыканты; вроде так история распорядилась, распределила профессии! После ужина, на рассвете, меня до особняка провожала врач-лейтенант медицинской службы, на пару лет старше меня. Я очень стеснялся ее внимания, считал ее начальницей. Роберт, даже обнять и поцеловать не посмел, но чувствовал, что она к этому предрасположена. Поблагодарил за внимание и оставил ее в недоумении, поднялся на второй этаж. Роберт уже спал.

Перевязки, уколы и другие процедуры надоели, настроение окончанием войны было взбудоражено, и 18 мая утром, никому не доложив, собрав свои тощие пожитки, мы покинули госпиталь и двинулись по направлению к Праге. Дороги были забиты техникой, и мы, чтобы не привлекать внимание, шли по тропинкам, по покрытым лесом холмам. В лесу еще были разбросаны трупы лошадей со вздутыми брюхами и растопыренными ногами, облепленные мухами и муравьями трупы солдат, принадлежность которых уже трудно было определить. Земля еще не освободилась от ужасающих картин войны. Было жутко смотреть на все это.

К вечеру мы пришли в небольшой чешский городок, нашли комендатуру и попросили полицейских определить нас на ночлег в какой-либо дом. Стемнело. Полицейский охотно повел нас устраивать на ночлег. Он стучал в ставни окон или в двери нескольких домов и переговаривался с хозяевами. Мы стояли рядом и понимали, что пускать на ночлег бояться, а полицейский не проявлял настойчивости. Мы устали за день, эта процедура надоела. Я взял полицейского за плечо и легонько отстранил в сторону от окна дома, к которому подошли. Роберту сказал, чтобы он применил свой костыль и стучал в дверь, а я взял здоровой рукой за раму окна и тряхнул, что было силы. Зазвенели стекла. В окне показалось лицо пожилого чеха, и он быстро стал разговаривать с полицейским. Взаимопонимание было достигнуто мгновенно: хозяин открыл входную дверь, мы пошли в дом. Правда, хозяин провел нас только на кухню и включил свет. Мы быстро выпроводили полицейского и «гостеприимного» хозяина. Разделись, сбросив с себя все, что только можно было сбросить. Усталые и голодные, нашли на плите чайник и, открыв банку горошка с мясом неизвестного происхождения, все это употребили. Мгновенно уснули на стоявшей здесь кушетке.

Встали довольно рано, умылись и удивились чешскому гостеприимству. Вошли мужчина и женщина немолодого возраста. Она несла на подносе небольшой торт, а он – кувшин с фруктовым напитком. Наперебой, на ломаном русском языке, они извинились за вчерашнее: причина – в боязни, которую оставила война. Хозяин оказался профессором какого-то учебного заведения. Его жена тем временем пыталась объяснить нам, что это не торт, а ромовая «бабка» и настойчиво рекомендовала ее отведать. Роберт, москвич, интеллигент, съел один кусочек, выпил глоток сока и сказал, что сыт. Ромовая «бабка»,

которую я в жизни видел первый раз и, разумеется, никогда не ел, оказалась необыкновенно вкусной. Я был голоден и с удовольствием съел бы две таких «бабки». Но постеснялся: раз Роберт положил ложку и поставил стакан, то же сделал и я. О чем до сих пор жалею...

Поблагодарив хозяев, мы двинулись дальше и к вечеру добрались до охотничьего домика в лесу, в нескольких километрах от Праги. В домике сидели командир дивизиона гвардии майор Рагулин и его адъютант (начальник штаба дивизиона) старший лейтенант Коржов. Они сидели за столом друг против друга и то ли обедали, то ли ужинали. Стол был заставлен пустыми и полными бутылками и множеством всякой снеди.

По очереди мы доложили, что прибыли в дивизион из госпиталя после лечения и готовы исполнять обязанности командиров разведывательных взводов. Рагулин, не глядя на Коржова и не предложив нам сесть, пробасил испитым голосом: «Коржов! Налей!» - и кивнул своей огромной нечесаной головой в нашу сторону. Коржов поставил на край стола с нашей стороны два пустых стакана, попытался встать, но это ему не удалось. Тогда он сидя протянул по столу литр водки и наполнил стаканы, предназначавшиеся для нас. Наполнил также стаканы Рагулина и свой.

- За Победу! – пробасил Рагулин и опрокинул стакан себе в рот. Мы дружно последовали призыву командира. «Закусили» рукавом гимнастерки: к столу нас не пригласили.

- Коржов! А ты их к награде представил?! – снова пробасил Рагулин, разрывая зажатую курицу жирными руками и отправляя ее в рот.

- Так точно, представил! – прокричал Коржов, сидя приложив руку к голове и не в силах встать. – Красной Звезды... - добавил он тихо и неуверенно. – Кажется.

... Наутро в лесу построение дивизиона. В конном строю и при оружии.

Рагулин развалился в тачанке, стоявшей перед строем. Рядом – Коржов с папкой и комендантский взвод позади тачанки. Коржов зачитывает приказ командира корпуса о награждении от имени Президиума Верховного Совета СССР. «По случаю успешного окончания боев» награждены офицеры, сержанты, рядовые. Ни Масолова Роберта, ни меня, ни других офицеров, еще не вернувшихся из госпиталей, в списке награжденных не оказалось. Коржов продолжал: «Наградить командира хозяйственного взвода старшину Хабибуллину Халимат – за бесперебойное обеспечение продовольствием во время боевых действий личного состава эскадронов – орденом Красной Звезды».

Халимат Хабибуллина никаких обязанностей командира хозяйственного взвода не исполняла. Красивая и молодая, со смуглым лицом и смолистым, ниже пояса, конским хвостом, не то татарка, не то еврейка по национальности, она была ППЖ при командире дивизиона гвардии майоре Рагулине, но ходила в военной форме и носила знаки различия старшины. В дивизионе к ней относились по-разному: кто побаивался, а кто и презирал. Как-то скакала она на упитанном рыжем жеребце, красовалась на нем, обгоняя дивизион по обочине дороги.

И когда миновала эскадрон разведчиков, старшина эскадрона Дерюгин зычно ее окликнул: «Халимат!». Она, слегка обернувшись и не приостанавливая своего жеребца, гортанным голосом ответила: «Я?». Дело в том, что прошедшую ночь Рагулин провел в медсанбате с молодыми медсестрами, и Халимат об этом прознала. Ее горячее сердце не могло с этим смириться, и она решила расправиться с «предателем» и «изменником». Рагулин, увидев мчавшуюся на него Халимат, не пошевелился, а своим громовым командирском голосом прокричал верному подчиненному: «Коржов! Убрать!». Коржов обнажил шашку, по его команде комендантский взвод мгновенно окружил Халимат, разоружил ее, стащил с жеребца на землю и уволок их в лес. Взглядом никто не успел моргнуть, как на поляне не оказалось ни Халимат, ни ее жеребца.

Дивизион разразился громовым смехом. Коржов, повинувшись грозному взгляду Рагулина, продолжил чтение приказа о награждении отличившихся в боях.

Через несколько дней мы оказались в пригороде Будапешта, получили новый конский состав и подготовились своим ходом следовать на Родину.

...Мне вспомнился бой на Мораве (Венгрия) у станции Ланжгот. Нас было шестеро конных разведчиков. Стоял теплый март 1945 года. Нам была поставлена задача: разведать ближние тылы противника и, не вступая в бой, установить численность и боевой состав немецких частей. При возможности – захватить языка...

«Языка» мы захватили, даже два, но, покидая мадьярский населенный пункт, напоролись на немцев. Сразу определил: их не меньше 60-ти человек, они шли по полю неубранной с осени кукурузы. Приказал разведчикам: рассредоточиться и, скрываясь за скирдами соломы и лесопосадками, пробираться в расположение своего дивизиона, прихватив «языков». Немцы, убедившись в малочисленности нашего разезда, рассыпались в цепь, шурша сухой кукурузой, открыли огонь и бросились к мостику на канале, чтобы отрезать путь мне и моему коноводу Игралову. Наши лошади, почуяв опасность, послушно прыгали в воду канала. Чтобы прикрыть уходящих разведчиков, я поставил на каменный парапет моста ручной пулемет Дегтярева и короткими очередями вынудил немецкую цепь залечь в кукурузе. Их автоматный огонь нас не доставал. Убедившись, что разведчики скрылись, я приказал Игралову на лошади уходить, оставив мне диски с патронами и гранаты.

Игралов положил мне под ноги все боеприпасы, прыгнул в воду канала и открыл огонь по немцам из автомата. В интервале стрельбы я заметил, что Игралов не выполнил моего приказа, меня не оставил и не ушел. Мне было приятно, что подчиненный не оставил меня в опасности. Но трезвый расчет: потери с нашей стороны могут стать в два раза большими, - заставил меня снова потребовать, чтобы Игралов оставил меня и уходил. Он молча подполз ко мне и лег у каменного парапета, держа в руках гранаты, и совершенно спокойно и твердо проговорил: «А когда меня ребята в эскадроне спросят: где лейтенант? Что я им отвечу?».

«Что я им отвечу?» - повторил я слова своего верного боевого товарища. «Что я отвечу Рожковым?» – и написал это письмо.

Источник: Худоерко А. М. Победа / А. М. Худоерко, О. Н. Каданова. - Севастополь : ООО «Колорит», [2016?].

Приложения

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/1

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 12 августа 1941 г. № 0400 значится:

«Перевести на штаты военного времени с 30 июля с.г.

...б) Военный трибунал флота со штата 2/815-В (веди) на штат 02/164-В /веди/...».

В соответствии со штатом № 02/164-В, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 24 июля 1941 г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У1; № военно-учетной специальности – 1;

- зам.председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У1; № военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 4; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь старший – 1; состав и категория должности – Ю-1У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь судебный - 2; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1;

- переводчик 1 разряда -1; состав и категория должности – А-П; № военно-учетной специальности – 12;

- статистик -1; состав и категория должности – Ю-П; № военно-учетной специальности – 1;

- старшина писарь -1; состав и категория должности – ма-3; № военно-учетной специальности – 119.

Итого: 12.

КОМЕНДАТУРА:

комендант -1; состав и категория должности – А-П; № военно-учетной специальности – 1;

- командир отделения рулевой -1; состав и категория должности – ма-1; № военно-учетной специальности – 1;

- моторист старший -1; состав и категория должности – р-с; № военно-учетной специальности – 76;

Итого: 3.

Всего военнослужащих: 15.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- машинистка - 1; состав и категория должности – в-н;

- курьер специальный -1; состав и категория должности – в-н;

- уборщица - 1; состав и категория должности – в-н;

- шофер -1; состав и категория должности – в-н.

Всего вольнонаемных - 4.

ТРАНСПОРТ:

- автомобиль легковой М-1 - 1;

- катер моторный - 1.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 14, лист 92;

фонд 2, опись 8, дело 45, листы 273,274.

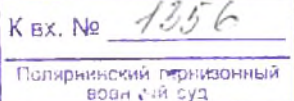
Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

Исп. Екимова Н.М.

Тел.8 (813-71) 9-44-76

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/2

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 12 августа 1941 г. № 0400 значится:

«Перевести на штаты военного времени с 30 июля с.г.

...б) Военный трибунал Беломорской ВМБ со штата 2/5 на штат 02/166-В /веди/...».

В соответствии со штатом № 02/166-В, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 24 июля 1941 г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- зам.председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-1У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- секретарь старший – 1; состав и категория должности – Ю-Ш;
№ военно-учетной специальности – 1;

- секретарь судебный - 1; состав и категория должности – Ю-П;
№ военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 5.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- машинистка - 1; состав и категория должности – в-н;

- курьер (он же уборщик помещений) -1; состав и категория должности – в-н.

Всего вольнонаемных - 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 14, лист 92;

фонд 2, опись 8, дело 45, листы 310,311.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/3

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе Народного Комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР и Народного Комиссара Юстиции Союза ССР от 25 июня 1941 г. № 0536/0173 значится:

«1. В исполнение Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22.06.41 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и районах военных действий» Начальнику Управления военных трибуналов сформировать военные трибуналы водного транспорта:

...в) с содержанием по штату № 02/157 «В»:

- Северного морского и Сухонского речного бассейнов, дислокация-г. Архангельск ...».

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 17 ноября 1941 г. № 0211 значится:

«Сформированные Начальником Управления Военных Трибуналов - Военные трибуналы водного транспорта СОДЕРЖАТЬ:

1. Северного морского и Сухонского речного бассейнов по штату № 02/157-В с дислокацией в г. Архангельск ...

ОСНОВАНИЕ: Приказ НК ВМФ и НКО СССР № 0536/0173 от 25.6.41г.».

В соответствии со штатом № 02/157-В, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 25 июля 1941 г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- заместитель председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 5; состав и категория должности – Ю-1У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1;

- судебный секретарь - 2; состав и категория должности – Ю-П; № военно-учетной специальности – 1;

- комендант-1, состав и категория должности – А-П; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих - 11.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- завделопроизводством - машинистка - 1; состав и категория должности – в-н;

- вахтер - 3; состав и категория должности – в-н;

- курьер - уборщик - 1; состав и категория должности – в-н.

ВСЕГО вольнонаемных - 5.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 14, лист 200;

фонд 14, опись 114, дело 7, листы 226,227;

фонд 2, опись 8, дело 40, листы 52,53.

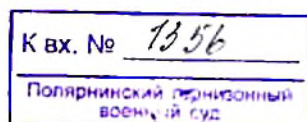
Заведующий архивохранилищем

Кор

Т.Коротынская

Исп. Екимова Н.М.
Тел.8 (813-71) 9-44-76

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/4

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе Народного Комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР и Народного Комиссара Юстиции Союза ССР от 25 июня 1941 г. № 0536/0173 значится:

«1. В исполнение Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 .06.41 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и районах военных действий» Начальнику Управления военных трибуналов сформировать военные трибуналы водного транспорта:

...г) с содержанием по штату № 02/157 «Б»:

... Мурманского морского сухогрузного и пассажирского парокходств, дислокация - г. Мурманск ...».

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 17 ноября 1941 г. № 0211 значится:

«Сформированные Начальником Управления Военных Трибуналов - Военные трибуналы водного транспорта СОДЕРЖАТЬ:

...2. Мурманского морского сухогрузного и пассажирского парокходств по штату № 02/157-Б с дислокацией г. Мурманск ...

ОСНОВАНИЕ: Приказ НК ВМФ и НКО СССР № 0536/0173 от 25.6.41г.».

В соответствии со штатом № 02/157-Б, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 25 июня 1941 г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- заместитель председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 5; состав и категория должности – Ю-1У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1;

- судебный секретарь - 2; состав и категория должности – Ю-П; № военно-учетной специальности – 1;

- комендант-1, состав и категория должности – А-П; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих -11.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- завделопроизводством - 1; состав и категория должности – в-н;

- машинистака-1, состав и категория должности – в-н;

- вахтер - 3; состав и категория должности – в-н;

- курьер - уборщик - 1; состав и категория должности – в-н.

ВСЕГО вольнонаемных - 6.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 14, лист 200;

фонд 14, опись 114, дело 7, листы 226,227;

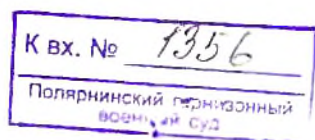
фонд 2, опись 8, дело 40, листы 52-53.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

Исп. Екимова Н.М.
Тел.8 (813-71) 9-44-76

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/5

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 31 июля 1942 г. № 00399 «О формировании Северного Оборонительного Района Сев.флота» значится:

«В соответствии с приказом Народного Комиссара Военно-Морского флота Союза ССР № 00259 от 25.07.42 года.

1.СФОРМИРОВАТЬ на полуостровах РЫБАЧИЙ И СРЕДНИЙ

...18.Военный трибунал Оборонительного Района по штату № 02/165-А...».

В соответствии со штатом № 02/165-А, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 24 июля 1941г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У1; № военно-учетной специальности – 1;

- зам.председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 2; состав и категория должности – Ю-1У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь старший – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь судебный - 1; состав и категория должности – Ю-П; № военно-учетной специальности – 1

Всего военнослужащих – 6.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- машинистка - 1; состав и категория должности – в-н;

- курьер специальный - 1; состав и категория должности – в-н;

- уборщица - 1; состав и категория должности – в-н;
 - шофер - 1; состав и категория должности – в-н.
- Всего вольнонаемных - 4.

ТРАНСПОРТ

Автомобиль легковой М-1 - 1.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 30, листы 210,211;
фонд 2, опись 8, дело 9, листы 168-169.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

Исп. Екимова Н.М.
Тел.8 (813-71) 9-44-76

К вх. №	1356
Полярнинский гарнизонный военный суд	

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/6

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 23 ноября 1942 г. № 0317 значится:

«Во исполнение Циркуляра Начальника ГМШ ВМФ № 01066-1942 года произвести следующие мероприятия:

А.СФОРМИРОВАТЬ:

...3. Отдел Военного Трибунала ГБ СФ по штату № 2/5 с дислокацией в г.Мурманске...».

Основание: фонд 2, опись 16, дело 30, лист 469.

Штат № 2/5 (военного времени) на хранение в архив не поступал.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/7

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 23 ноября 1942 г. № 0317 значится:

«Во исполнение Циркуляра Начальника ГМШ ВМФ № 01066-1942 года произвести следующие мероприятия:

А.СФОРМИРОВАТЬ:

...4. Военный Трибунал Береговой Обороны Главной Базы СФ по штату № 02/166-В (веди) с дислокацией в г.Полярное...».

В соответствии со штатом № 02/166-В, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 24 июля 1941 г., предусмотрены должности:

- председатель трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- зам.председателя – 1; состав и категория должности – Ю-У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- член трибунала – 1; состав и категория должности – Ю-1У;
№ военно-учетной специальности – 1;

- секретарь старший – 1; состав и категория должности – Ю-Ш;
№ военно-учетной специальности – 1;

- секретарь судебный - 1; состав и категория должности – Ю-П;
№ военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 5.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ СОСТАВ:

- машинистка - 1; состав и категория должности – в-н;

- курьер (он же уборщик помещений) -1; состав и категория должности – в-н.

Всего вольнонаемных - 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 30, лист 469;

фонд 2, опись 8, дело 45, листы 310,311.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

Исп. Екимова Н.М.
Тел.8 (813-71) 9-44-76

К вх. № <u>1356</u>
Полярнинский гарнизонный военный суд

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/8

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 23 ноября 1942 г. № 0317 значится:

«Во исполнение Циркуляра Начальника ГМШ ВМФ № 01066-1942 года произвести следующие мероприятия:

А.СФОРМИРОВАТЬ:

...1. Военный Трибунал Иоканьгской Военно-Морской Базы по штату № 2/239 с дислокацией в Иоканьга...».

В соответствии со штатом № 2/239, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 29 октября 1942 г., предусмотрены должности:

- председатель – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 30, лист 469;

фонд 2, опись 8, дело 9, листы 256-257.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/9

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В циркуляре начальника штаба Северного флота от 23 ноября 1942 г. № 0317 значится:

«Во исполнение Циркуляра Начальника ГМШ ВМФ № 01066-1942 года произвести следующие мероприятия:

А.СФОРМИРОВАТЬ:

...2.Военный Трибунал Ново-Земельской Военно-Морской Базы по штату № 2/239 с дислокацией в г.Белушья...».

В соответствии со штатом № 2/239, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 29 октября 1942 г., предусмотрены должности:

- председатель – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 30, лист 469;

фонд 2, опись 8, дело 9, листы 256-257.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" *Л* " декабря 2023 г. № 9198/10

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 30 мая 1944 г. № 0272 значится:

«В соответствии с приказом Народного Комиссара ВМФ № 0063 от 11.03.44 года, - числить СФОРМИРОВАННЫМИ:

...3. Военный Трибунал Карской ВМБ по штату № 2/239 с временной дислокацией в Архангельске, - с 06.05 44 года...».

В соответствии со штатом № 2/239, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 29 октября 1942 г., предусмотрены должности:

- председатель – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 101, лист 256;

фонд 2, опись 8, дело 9, листы 256-257.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/11

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 31 августа 1944 г. № 0502 значится:

«В соответствии с циркуляром Начальника ГМШ ВМФ № 0780 от 31.07. 44 года, - числить сформированным с 19.08.44 года Военный Трибунал ВВС СФ по штату № 2/239 с дислокацией в губе Грязная...».

В соответствии со штатом № 2/239, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 29 октября 1942 г., предусмотрены должности:

- председатель - 1; состав и категория должности - Ю-У; № военно-учетной специальности - 1;

- секретарь - 1; состав и категория должности - Ю-Ш; № военно-учетной специальности - 1.

Всего военнослужащих - 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 101, лист 473;

фонд 2, опись 8, дело 9, листы 256-257.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

Ф И Л И А Л

(Архив Военно-Морского Флота)

г. Гатчина, Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., д. 2, 188300

" 8 " декабря 2023 г. № 9198/12

На № 1480 от 23.11.2023

Полярнинский гарнизонный
военный суд
ул. Фисановича, д.4,
г. Полярный,
Мурманская область,
184650

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В приказе командующего Северным флотом от 19 марта 1945 г. № 00173 «О сформировании Печенгской ВМБ» значится:

«...Числить сформированными:

... 5.Военный Трибунал ВМБ по штату № 2/239 (с дополнением должности: член военного трибунала -1), с дислокацией в Лиинахамари, с - 15.10.44 года...».

В соответствии со штатом № 2/239, утвержденным Народным комиссаром Военно-Морского Флота Союза ССР 29 октября 1942 г., предусмотрены должности:

- председатель – 1; состав и категория должности – Ю-У; № военно-учетной специальности – 1;

- секретарь – 1; состав и категория должности – Ю-Ш; № военно-учетной специальности – 1.

Всего военнослужащих – 2.

Основание: фонд 2, опись 16, дело 156, лист 229;

фонд 2, опись 8, дело 9, листы 256-257.

Заведующий архивохранилищем

Т.Коротынская

